

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ - 1979

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. Қ. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. А. БАСКАКОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

(ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

О тюркских заимствованиях в русском языке имеется значительная литература. Много внимания их анализу уделяется и в этимологических словарях русского языка. Однако, несмотря на это, все еще мало серьезных систематических исследований и специальных словарей посвященных этой проблеме.

В последнее время Институтом языкознания Академии наук СССР и научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития литературных языков в связи с развитием социалистических наций» был проведен по тюркизмам в русском языке ряд симпозиумов (в Москве — 1968, Минске — 1969 и Киеве — 1971), на которых была разработана инструкция для составления словарей тюркских лексических заимствований в восточных славянских языках (русском, украинском и белорусском)¹.

Отсутствие обобщающих исследований и лексикографических справочников по тюркизмам в известной степени сказывается и на качестве больших академических толковых, исторических и этимологических словарей восточнославянских языков (в том числе русского), составители которых, не располагая специальными пособиями, вынуждены обращаться непосредственно за консультацией к тюркологам в каждом отдельном случае. (Исключение составляет недавно изданный словарь Е. Н. Шиповой «Словарь тюркизмов в русском языке», Алма-Ата, 1976).

Так, при составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова по всем тюркским заимствованиям авторы получали соответствующие разъяснения и этимологические справки у академика В. А. Гордлевского. Позже значительная часть тюркизмов этого Словаря была проанализирована Н. К. Дмитриевым в специальной статье². Данная работа Н. К. Дмитриева представляет собой значительный вклад в изучение проблемы тюркизмов как в плане разработки методов их исследования, так и в отношении этимологий отдельных заимствований.

В настоящей статье мы приведем некоторые дополнительные сведения либо к этимологиям В. А. Гордлевского и Н. К. Дмитриева (*таракан*), либо к другим толкованиям происхождения проанализированных

¹ М. О. Баскаков, Р. В. Болдирев, I. Г. Добродомов, А. Е. Супрун. Инструкция для укладання історико-етимологічних словників тюркізмів східнослов'янських мов. — В кн.: А. Ю. Кримський. «Україніст і орієнталіст». Київ, 1974.

² Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», т. III. М., 1958.

ими тюркизмов (*бирюк*), либо же к новым, не отмеченным ими в «Толковом словаре русского языка», тюркизмам (*гоголь, творог, багровый ~ багрый*).

Таракан. «Таракан, а, м. (тюрк. *taḡaḡan*). Прямокрылое всеядное насекомое, приносящее вред в домашнем хозяйстве» («Толковый словарь русского языка». Под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. IV, стр. 653. Далее — С. У.).

Этимологический словарь М. Фасмера³ приводит варианты русской адаптации этого слова: *togoḡaḡ, toḡhan, taḡaḡan* со ссылкой на этимологию М. Рясанена⁴, объясняющего происхождение слова *таракан* из чувашского *taḡ-aḡan* 'беглец, беженец' < чув. *taḡ* ~ общетюркск. *tāz* - 'бежать, спастись бегством'. Н. К. Дмитриев⁵ дает более убедительное объяснение происхождения данного слова из чагатайского *taḡqa* ~ *taḡa* - 'расползаться'⁶.

Последнее предположение представляется наиболее вероятным для объяснения этимологии русского слова *таракан*, которое является производной основой от глагола *taḡuq* - 'рассеиваться, расходиться, исчезать'. Этот глагол сохранился, например, в древнеуйгурском языке: ср. *taḡuq* - страдательный залог от *taḡa* - : *buṣuṣ saḡuṇč ödsüz öliüm ada taḡuqa teḡingāj* 'печаль, безвременные смерти и опасность да исчезнут (рассеются)', *eḡniḡ igi taḡuḡur bardu* 'болезнь этого мужчины прошла'⁷ и основной глагол *taḡ* ~ *taḡa* - 'рассеивать': *anuḡ süsin taradu* 'он рассеял его войско'⁸.

Формант страдательно-возвратного залога *-lyq/-lik, -yq/-ik, -k* встречается и в современных языках, например, в каракалпакском⁹, хотя в последнем глагол *taḡuq* - имеет уже метатезную форму *taḡqa* - со значением «расходиться, разбредаться, разъезжаться, рассеиваться».

Слово *таракан*, таким образом, произошло из причастия на *-yan/-gen* глагола *taḡuq* > *taḡuq-qaḡ* > *taḡuḡaḡ* 'расползающийся, рассеивающийся', послужившего основой для названия насекомых, имеющих свойство быстро расползаться, рассеиваться при появлении человека.

Данная этимология является наиболее вероятной, реальной и убедительной, хотя можно допустить и иное происхождение слова *таракан*, например, из турецкой, крымско-татарской основы *tyḡaḡqa* طراققه 'легкий шум' > *tyḡaḡqa* + аффикс обладания *-ly/-li* > *tyḡaḡqa+ly* 'производящий легкий шум, с легким шумом' (В. В. Радлов) > *taḡaḡaḡu* > 'тараканы' множественное число и, наконец, менее вероятное предположение Р. Якобсона, развитое позже И. Г. Добродомовым¹⁰: *таракан* < тюркск. *taḡhaḡ* 'звание человека, освобожденного от податей' > насекомое, в отличие от домашних животных, не облагаемое налогом.

Однако следует иметь в виду существующую систему наименования животных и насекомых по основному их свойству, заключающуюся в том, что для названия того или иного животного (или насекомого) в большинстве тюркских языков используются причастия на *-yan/-gen*,

³ M. Fasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Т. III, Heidelberg, 1958, стр. 77.

⁴ M. Räsänen. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969, стр. 463.

⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 32.

⁶ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 2. СПб., 1871.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 537.

⁸ Там же, стр. 536.

⁹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952, стр. 337.

¹⁰ И. Г. Добродомов. Веселая этимология — *таракан* в этимологическом аспекте. — «Русская речь», 1970, № 6, стр. 96—100.

-*qan/-ken*, -*an/-en* от глагола, обозначающего тот или иной признак или свойство, ср., например: алтайское *djuɫan*, хакасское *ɕɫɫan* 'змея' от глагола *djuɫ- ~ ɕɫɫ-* 'ползать'; древнетюркское *toɣan* 'сокол' от глагола *toɣ-* 'подниматься, вздыматься'; древнетюркское *suɕqan* 'мышь' от глагола *suɕ-* 'мочиться'; древнетюркское *atɫan* 'рабочий верблюд' от глагола **at-* 'шагать' (ср. каз. *adum* 'шаг'). По данной же модели могли образоваться названия животных и насекомых: *qulan* 'дикая лошадь', *arɫlan* 'лев', *ɕajɫan* 'скорпион', *qoɟan* 'заяц' и т. д.

К этой же модели следует отнести также и название насекомого *та-ракам* <*taɣuqqan ~ taɣuqan*> *taɣaqaŋ* 'расползающийся, разбегающийся' — причастие на -*an/-gen*, -*qan/-ken* от глагола *taɣuq-* 'расползаться', 'разбегаться' > *taɣuqqan*, ср. алтайское, телеутское *taɣaqqan* (В. В. Радлов).

Бирюк. «Бирюк, а, м. (тат. *bïgü*) разг. Волк — одиночка (обл.) перен. Угрюмый, нелюдимый человек. ◊ Смотреть бирюком (разг.) — „иметь угрюмый сумрачный вид”» (С. У., I, 142).

Этимологические словари единодушно сближают это слово с татарским *bïgä*, кумыкским *bögü* 'волк'¹¹, считая его в тюркских языках табунистическим заимствованием из иранских языков < западноосетинского *beɣaeg*, восточноосетинского *biɣaeg* < авестийского *vehɣka*¹².

С данной этимологией, ссылаясь на Словарь Махмуда Кашгарского, соглашается и Н. К. Дмитриев¹³, отмечая, что в нем «находим две формы с отчетливо дифференцированным значением *bögü* 'волк' и *böğk* 'шапка', то же в *Codex Sumanicus*, где соответственно имеем *bögü* 'волк' и *bögük* 'шапка'. Далее Н. К. Дмитриев указывает формы этого слова: як. *bögö*, каз. *bögi*, чагат. и тат. *büge*, кирг. *bögü*, алт. *rögü* и *rögük* 'волк', а также каз. *bögik*, кирг. *bögük*, башк., тат. *bügek* 'шапка'. Сближение этих двух слов *bögü* 'волк' и *bögük* 'шапка' Н. К. Дмитриев объясняет «общечеловеческой фигурой метонимии; ср. по-русски *мой енот* вм. *моя енотовая шуба*» и приводит киргизскую пословицу: «*bögü atar žigitti böğküpön taapu* 'охотника на волков узнавай по его шапке (ср. из волчьего меха)'».

Однако нам представляется, что этимология *бирюк* <*bögü/büğü* 'волк', хотя и общепринята, все же недостаточно обоснована. Во-первых, она не подтверждается фонетически как в отношении гласных: *bögük* и обратный их порядок в *bögü/bögi ~ büge/bügi*, так и в отношении конечного согласного, который имеется в слове *bögük*, но отсутствует в слове *bögü ~ bügi* 'волк' [сопоставление *bögü* 'волк' и *bögük* 'шапка' также неубедительно, ибо слово *bögük* 'шапка' фонетически и семантически связано не с *bögü* 'волк', а скорее с глаголом, например, турецким и крымско-татарским *büğü-* 'покрывать, завертывать' (В. В. Радлов)]. Во-вторых, эта этимология не обоснована и семантически, так как слово *бирюк* имеет значение не «волк» вообще, а «одинокий волк», «волк вне стан», равно как и «одинокий человек, нелюдим, сторонящийся других людей».

Таким образом, основное значение русского слова *бирюк* — «одиночество», то есть оно выражает понятие «тот, кто является одиноким». Следовательно, если это слово заимствовано из тюркских языков, то основой его следует считать не *bögi ~ bögü/büge ~ bügi* 'волк', а тюркское же слово: чагатайское *birigi* *بیر یکی* ~ *biregü* *بیر اكو* 'кто-нибудь, некто,

¹¹ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, стр. 26.

¹² М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, стр. 168.

¹³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 21.

кто-то один', *birgüsi* 'один из них'; *brоq* بروق ~ *birük* بروك 'только один' и т. д. (Л. З. Будагов), то есть производную субстантивную форму от числительного *bir* بر 'один', образующуюся, например, в чагатайском языке посредством аффикса *-aγu/-ägü*, *-γu/-gü*: *bir* 'один', *birägü* ~ *birөгü* 'один, единственный, одинокий, одиночка'; в других же современных тюркских языках, например, в кыпчакских — татарском, ногайском, казахском, каракалпакском и т. д. — посредством аффикса *-aw/-ew* (<*-aγu/-egü*): *bir* 'один', *birөгw* 'кто-то, некто один, одинокий'.

Именно эта форма от числительного *bir* 'один' > *birügü* 'кто-то, некто один, одинокий' послужила основой для заимствованного в русский язык слова *бирюк* 'одинокий волк, одинокий человек, нелюдим'. Форма эта как в фонетическом, так и в семантическом отношении вполне подтверждается и существующими соответствующими закономерностями.

Гоголь. «Гоголь, я, м. (зоол.). Птица из породы уток-нырков...; ходить гоголем (разг. ирон.) — держаться франтом, щеголем» (С. У., I, 583—584).

Этимологические словари объясняют название этой птицы звуко-подражательным удвоением, сближая с литовским *gagonas* 'гусак', *gagalas* 'аист', *gaigalas* 'селезень', древнепрусским *gegals* 'гагара' (А. Преображенский, 136), латышским *gegals* 'нырок', *gajgala* 'порода чайки', древнеисландским *gagl* 'снежный гусь' и т. д. (М. Фасмер, I, 425).

Не отрицая общеевропейского происхождения названия птицы *гоголь*, мы, вместе с тем, не можем не отметить близость его с названием той же птицы в тюркских языках: кирг. *kögöl* 'селезень' (В. В. Радлов), як. *kügüllä*:х 'хохлатая утка, нырок, хохлушка, чубатка, малая гагара'¹⁴; чув. *kāvakal* 'утка, утиный', *kāvakal ami* 'утка', *kāvakal asi* 'селезень'¹⁵.

Все тюркские названия *kögöl* *kögüllä*:х, *kāvakal* связаны с основой *kök* ~ *gök* ~ *gö:k* < *kāvak* 'синий, зеленый' + аффикс уменьшения качества *-äl*, *-l* < *kögäl* ~ *gögäl* ~ *gö:göl*, чувашское *kāvakal* 'синеватый, зеленоватый, сероватый, сизый', что объясняется присутствием этих цветовых оттенков в оперении названных птиц.

Нельзя предположить, что название *гоголь* заимствовано в тюркские языки из русского, так как в чувашском языке название той же птицы сохранилось в старой форме — *kāvakal* — также от основы *kāvakal* 'зеленоватый, сизый' и не является новой, как в других тюркских языках: чув. *kāvakal* > *kö:gäl* ~ *gö:göl*.

Название птицы *гоголь*, таким образом, является древним тюркским заимствованием или контаминацией общеиндоевропейской и тюркской основы в русском языке. Судя по фонетическому облику этого слова, оно вошло в русский язык из тюркского языка огузов (торков, узов, печенегов), отличающегося наличием начальных звонких *g*, *d*, соответствующих глухим *k*, *t* в языке кыпчаков¹⁶.

Творог. «Творог (творог обл.), а (у) мн. нет, м. Идущая в пищу масса из свернувшихся, сгустившихся частиц кислого молока, отжатых от сыворотки» (С. У., IV, 663—664).

¹⁴ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. СПб. — Л., 1907—1930.

¹⁵ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 96.

¹⁶ Ср.: Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. — «Советская этнография», 1969, № 4, стр. 26—27.

Русские этимологические словари сближают это слово с глаголом *творить* и приводят аналогию: вульг. лат. *formaticum*, фр. *formage* < от *forma* (М. Фасмер, III, 85).

Однако этимологии Ф. Миклошича¹⁷ и М. Рясненена¹⁸, сближающих это слово с тюркским, чагатайским *turaq*, нам представляются более вероятными.

Скорее всего слово *творог* было заимствовано в древности из болгарского языка, наиболее близкого из современных тюркских языков к чувашскому, в котором сохранились слова, непосредственно связанные с данным понятием, ср., например: *tävaḡaḡ* 'слегка подсолненный, солонватый, слегка подквашенный, кисловатый'; *tävaḡa* 'сырок', *tavaḡallaḡu* 'сырки, облитые топленным маслом' (национальное чувашское блюдо); *tävaḡla-* 'солить, квасить, заквасить'; *tävaḡlana kupästa* 'квашенная капуста'; *turäḡ* 'варенец, простокваша': *turäḡlan-* 'скисать (о молоке)'; *turäḡ-lax* 'молоко, предназначенное для варенца'¹⁹.

Все указанные выше чувашские слова, представляют собой производные от основы *tävaḡ* 'соль' — слова, которому в других тюркских языках соответствуют *tävaḡ* > *tuuz* ~ *duuz* > *tuz* ~ *duz* 'соль'. Предполагается также, что чувашское (и болгарское) слово *tävaḡ* было заимствовано русским языком со значением «товар», поскольку соль в древности являлась товарным эквивалентом.

В чувашском (~ болгарском) языке понятия «соль» и «кислота» в древности были слабо дифференцированы, поэтому как процессы соления и квашения, так и полученные в их результате продукты имели одну основу *tävaḡ*. Таким образом, русское слово *творог* ~ *тварог* (< чув. *tävaḡak* > *tuuḡäḡ* > чагат. *tuuḡaḡ* > *turaḡ*) с большим основанием можно отнести к тюркским заимствованиям, нежели возводить его к общеславянскому глаголу *творить*.

Багровый, багряный. «Багровый, ая, ое; -ров, а, о. Густо-красный, кровавого цвета; производные: *багроветь* — 'делаться, становиться багровым'».

«Багряный, ая, ое; -рян, а, о (поэт.). То же, что „багровый“; производные: *багрянеть* — 'виднеться, о багряных предметах'; *багрянец*, 'багровый цвет'; *багряница* — 'одежда багряного цвета'; *багрянить* — 'окрашивать в багряный цвет'» (С. У., I, 76).

Багровый и *багряный* имеют близкие значения: «*багровый* 'червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета с едва заметной просинью...'» (В. В. Даль); «*багряный* 'червлёный же, но менее густой, алее без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный цвет» (В. В. Даль). По форме эти слова, имея общий корень *баг(о)р*, различаются суффиксами *-овый* и *-яный*.

Этимологические словари русского языка не дают сколько-нибудь удовлетворительных объяснений происхождения этих слов. Попытки увязать их с голландским *baggaert* 'тина', ирландским *bial* 'вода', болгарским *багно* 'красное болото' или *божур* 'мак' и др. (М. Фасмер, I, 103) или предположение А. С. Львова о сложной основе слова «багровый», состоящей якобы из частицы *ба-* (ср. *ба-хвал*) и корня *гор*²⁰ и т. д., — мало убедительны.

¹⁷ F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1876, стр. 366.

¹⁸ M. Räsänen. Finnisch-ugrische Forschungen, XXIX, стр. 199.

¹⁹ «Чувашско-русский словарь». Под редакцией М. Я. Сироткина. М., 1961.

²⁰ «Этимологические исследования по русскому языку». М., 1963.

Более вероятна связь слова *баг(о)р* 'пурпур' и производных: *багровый*, *багряный* либо с тюркскими огузским и кыпчакским *бағуғ* باغیر 'печень'. Печень, как известно, имеет именно багровый, темно-красный цвет с заметной просинью, что и могло послужить основанием для использования этого понятия в качестве определения цветового оттенка: *багровый*, *багряный*; либо, что еще более вероятно, — связь с тюркским, например, турецким *бағуғ* باقر ~ *бахуг* بحر 'медь красная'; ср. *бағуғ* [bager] kupfer 'медь' (Codex Sumanicus)²¹; «красная медь» имеет также оттенок, близкий к багровому, багряному цвету, а наличие слова *бағуғ* 'медь' в Codex Sumanicus позволяет предположить возможность древнего заимствования слова *бағуғ* 'медь' для обозначения признака цветового оттенка *баг(ъ)р-овый* > *багровый* по аналогии с «цинк» ~ «цинковый», «бронза» ~ «бронзовый», «бирюза» ~ «бирюзовый», а затем и производного — *багряный* как имени качества по аналогии «серебро» — «серебряный», «олово» — «оловянный», «овес» — «овсяный», «медь» — «медвяный» и т. п.

Приведенная этимология слова *багряный*, *багровый* была дана автором этих строк независимо от ранее опубликованной К. Менгесом заметки по поводу слова *багръ*, происхождение которого, имея в виду известное тюркское соответствие *t ~ b ~ p*, он также возводит к тюркскому *бағуғ* 'медь', заимствованному в свою очередь из арабского *тағуғ* مغر 'красновато-коричневый' [ср.: арабск. *тағага* مغر 'окрашивать охрой', *тағат* مغرة 'красная охра', от которого происходят также названия красок: исп. и порт. *almagra*, *almagre* и фр. *almagra* (с арабским определенным артиклем *al*) и ит. *таґа* с общим значением 'охра']²².

Тюркоким заимствованием в русском языке, как известно, является также и название цвета, обозначающего другой оттенок красного: *алый* 'ярко-красный', древнерусское *алъ* в грамотах XIV века; укр. *алий* < тур., крымск.-тат. *al* 'светло-розовый', тат., каз., уйг. и т. д. *al* 'алый' (М. Фасмер, I, 73).

²¹ К. Grönbech. Komanisches Wörterbuch, I, Kopenhagen, 1942, стр. 47.

²² К. H. Menges. Schwierige slawisch-orientalische Lehnbeziehungen. — Ural-Altaiische Jahrbücher, XXXI, 1959, стр. 177—178.

Л. Ш. АРСЛАНОВ

О КАЛМЫЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЯЗЫКЕ АЛАБУГАТСКИХ ТАТАР КАСПИЙСКОГО РАЙОНА КАЛМЫЦКОЙ АССР

Алабугатскими татарами (ногайцами) именуется сравнительно небольшая этническая группа, проживающая в поселке Северный (по-калмыцки и по-татарски — «Мангыт»), на станции Улан-Холл Каспийского района Калмыцкой АССР и в районном центре Каспийске.

В официальных документах и исторической литературе эта группа упоминается как «кочующие алабугатские татары» (название связано с местностью Алабугат на берегу Каспийского моря). Существуют также и неофициальные названия: так, например, у зензелинских татар Лиманского района Астраханской области они именуется «калмык утарлары», то есть «калмыцкие утарцы»¹. Татары Наримановского района Астраханской области называют их просто «утарлар» («утарцы»).

Численность алабугатских татар (ногайцев) в настоящее время невелика. По данным исполкома Каспийского райсовета Калмыцкой АССР, в районе проживает 383 человека татарской национальности, в том числе: в Каспийске — 154, на станции Улан-Холл — 129, в поселке Северном — 100 человек. Несколько семей алабугатских татар живет в селе Янго-Аскер Наримановского района Астраханской области. Последние смешались с татарами-мишарями указанного села.

Первое упоминание об алабугатских кочующих ногайцах имеется у П. И. Небольсина², по данным которого в 1852 году у них насчитывалось около 100 кибиток, 688 душ мужского и 524 — женского пола. Кочевали они в мочагах Каспия в окрестностях почтовой станции Алабугат и были приписаны к Солянке — селению юртовских татар³. П. И. Небольсин указывает также, что вместе с ними кочуют татары «бухарского двора» (узбеки) в количестве 25 кибиток, то есть 25 семейств и 79 душ мужского пола⁴.

П. И. Небольсин отмечает смешанный характер алабугатских татар, отличая последних от «настоящих» юртовских татар (ногайцев): «Наряд у них тот же, что у юртовцев, — пишет он, — а что касается до лица, то от разнородного смешения мужчин с татарками и с калмычками лица их не имеют никакого определенного характера, нельзя однако ж не прибавить, что гораздо больше можно встретить калмыковатости, чем чистого татарского обличья»⁵.

¹ Утар — загон для скота.

² П. И. Небольсин. Очерки Волжского Низовья. — «Журнал Министерства внутренних дел». СПб., 1852, ч. XXXVIII, № 4—6.

³ Там же, стр. 235.

⁴ Там же, стр. 391.

⁵ Там же.

У. Э. Эрдниев указывает, что этноним *мангад* (татары) встречается в основном в Каспийском районе, в городе Каспийске, на станции Улан-Холл. Термин *утарлар* или *алабугатские татары* автором не употребляется, так как у калмыков алабугатские татары известны под названием *мангад*. Что же касается происхождения последних, то У. Э. Эрдниев пишет об этом следующее: «Кто они — эти татары? Сказать трудно. По-видимому, они происходят из тех, которые были подвластны калмыцким ханам. Это могли быть джембулаки, едисанцы, карагаши, кундровские татары и др.»⁶.

В отличие от юртовских татар (ногайцев), алабугатские татары сохранили названия своих родов до настоящего времени. Нам удалось выявить и записать следующие роды: *джембойлык* (эмбинцы), *бешугыл*, *сарт*, *кыргыз*, *туркмен*, *алты арба*, *черкеш*, *тогызтыкылар*. Это свидетельствует о смешанном характере этноса алабугатских татар, что подтверждается и языковыми данными.

Таким образом, следует считать, что алабугатские татары сложились в результате смешения нескольких этнических групп тюркского и монгольского (калмыки) происхождения, а именно: ногайцев, узбеков, туркмен, казахов, казанских татар и калмыков.

В этногенезе алабугатских татар преобладал, по-видимому, ногайский компонент⁷, да и они сами считают себя ногайцами. Ни юртовскими татарами, ни казанскими татарами они себя признать не соглашаются, хотя в языке и в области материальной и духовной культуры алабугатские татары имеют много общего с юртовскими татарами и с татарами села Зензели Лиманского района Астраханской области.

Однако по основным языковым особенностям язык алабугатских татар имеет существенные отличия как от языка юртовских татар, так и от языка татар Лиманского и Наримановского районов Астраханской области. В языке алабугатских татар смешались речевые особенности ногайского (юртовских татар), узбекского, казахского, туркменского, татарского и калмыцкого языков. Поэтому представляется наиболее правильным считать их язык языком отдельной тюркской этнической группы. В связи с этим целесообразно применять термины «алабугатские татары» и «язык алабугатских татар».

Алабугатские татары (ногайцы), находясь в течение длительного времени в калмыцком окружении, испытали определенное калмыцкое влияние в области языка и всей материальной и духовной культуры. В большинстве своем алабугатские татары, хотя и в различной степени, владеют калмыцким языком, и это привело к проникновению в их язык калмыцких заимствований, прежде всего в области лексики и частично морфологии (в заимствовании грамматических моделей и аффиксов).

Собранные нами полевые материалы в связи с изучением языков и диалектов тюркского происхождения Нижнего Поволжья, Калмыцкой АССР и Ставропольского края позволяют утверждать, что калмыцкие заимствования помимо языка алабугатских татар имеются и в перечисленных тюркских языках данного региона, хотя и распространены

⁶ У. Э. Эрдниев. К истории формирования калмыцкой народности. — «Вестник Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР», № 10, серия «Этнография». Элиста, 1974, стр. 79.

⁷ Так, С. Ш. Гаджиева отмечает, что «в середине XVII века в нижневолжских степях кочевали ногайцы», в частности «Бимурза и Уразлы мурза Иштерековы и Санд мурза Яштеревы с улусами в 3 тыс. человек кочевали по Елабуге» (Алабугат. — Л. А.). Весьма возможно, что основу современных алабугатских татар составили потомки указанных кочующих ногайцев (см.: С. Ш. Гаджиева. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М., 1976, стр. 28).

неравномерно, в зависимости от интенсивности контактов, территориальной близости и т. д. Так, например, в татарских говорах Волгоградской области калмыцкие заимствования ограничиваются несколькими примерами: *махан* 'конина' (калм. *махн/махън* 'мясо')⁸; *дэмән* 'верблюд'; *чапур* 'цапля' (калм. *чаппур*). От последнего слова происходит название деревни Малые Чапурики Светлоярского района Волгоградской области.

В большей мере, нежели в татарских говорах, представлены калмыцкие заимствования в карагашском языке. Хронологически начало проникновения калмыцких элементов в язык карагашей относится к XVIII веку, то есть ко времени тесных контактов карагашей с калмыками⁹.

К калмыцким заимствованиям в карагашском языке можно отнести следующие слова: *баткын* 'мелкая муха' (калм. *батхн/батхън* 'муха')¹⁰; *балдыр* 'метис, помесь' (калм. *балдр/балдър*); *алакан* 'ладонь' (калм. *алхън* 'ладонь, ладоши'); *бөкей* 'силач, богатырь' (калм. *бөке* 'силач, борец'); *ботақай* 'судак' (калм. *ботаха* 'судак')¹¹; *эләкүн* 'окунь' (калм. *алг/алгъ* 'пестрый', 'полосатый', 'пегий', монг. *алаган* — в том же значении).

Приведенные калмыцкие слова усвоены носителями карагашского языка в период их совместных кочевков с калмыками¹².

В языке юртовских татар имеются следующие калмыцкие заимствования: *балдыр* 'метис, помесь', *атчалман* 'тушканчик' (полукалька из калмыцкого *мөрн ялмн* 'конь тушканчик'), *эләкүн* 'окунь', *баға* 'ребенок, дитя' (калм. *баға* 'дети, дитя')¹³.

Рассмотренные выше калмыцкие заимствования являются результатом культурно-экономических контактов при отсутствии двуязычия как у калмыков, так и у юртовских татар, поэтому количество их не превышает десятка лексем.

Язык алабугатских татар от языка юртовских татар и карагашей отличается относительно большим числом калмыцких заимствований, что объясняется длительными культурно-экономическими и территориальными контактами, возникшими с появлением калмыков в За-волжье. Находясь долгое время в калмыцком окружении и в изоляции от остальных этнических групп, алабугатские татары стали по существу двуязычными, что благоприятствовало проникновению в их язык калмыцких слов.

Калмыцкие слова в языке алабугатских татар, несомненно, следует считать заимствованиями, так как полного смешения калмыков с алабугатскими татарами не произошло, хотя в этногенезе алабугатских та-

⁸ Калмыцкие примеры приводятся по «Калмычко-русскому словарю». М., 1977.

⁹ Л. Ш. Арсланов. К вопросу о карагашском языке. — «Советская тюркология», 1977, № 4, стр. 75.

¹⁰ Калмыцкие примеры просмотрены научным сотрудником сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР Г. Ц. Пюрбеевым, которому автор выражает глубокую благодарность.

¹¹ *Ботақай* 'верблюд'. Бертагаев отмечает, что «переключение наименования одного предмета в состав видового или общеродового наименования другого предмета по калмыцко-татарским признакам... характерно для монгольских литературных языков» (см.: Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, стр. 255—259). Аналогичное явление имеется и в тюркских языках, например, тат. диал. *қояш орлығы* 'подсолнух', то есть 'солнечное семя', *эт борыны* 'шиповник', то есть 'собачья морда', *карагат* 'смородина' от *карак ат*, то есть 'глаза лошади' и т. д.

¹² Л. Ш. Арсланов. К вопросу о карагашском языке, стр. 77.

¹³ J. J. Ramstedt. Kalmuchisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

тар налицо калмыцкий компонент. Смешение же языков предполагает наличие **полного** двуязычия¹⁴.

Как утверждают местные жители, калмыцкий компонент проник в этногенез алабугатских татар прежде всего благодаря усыновлению или удочерению бездетными алабугатскими татарами калмыцких детей, усвоивших язык алабугатских татар.

Калмыцкие заимствования в языке алабугатских татар можно подразделить на следующие группы: 1) чистые заимствования, 2) кальки, 3) полукальки.

1. Чистые заимствования. К ним относятся калмыцкие слова, усвоенные в том виде, в каком они бытуют в самом калмыцком языке. Правда, здесь не исключается фонетическая адаптация в соответствии с законами заимствующего языка. Примеры: *ходот* 'мотня' (калм. *ходад* 'желудок'), *будан* 'затируха, мучной суп' (калм. *будан* — в том же значении), *қорхай* 'червяки, жучки' (калм. *хорха*), *баткын* 'мелкая муха' (калм. *батхн/батхън* 'муха'), *хаша* 'забор из камыша' (калм. *хаша*, *хаш* 'забор, ограда'), *костык* 'спички' (калм. *хустг/хустък*), *зурмын* 'суслик' (калм. *зурмн/зурмън*), *гөлмэ* 'сеть рыболовная' (калм. *гөлм/гөлме* 'сеть').

2. Кальки. По Т. А. Бертагаеву кальки — это «скопированный перенос на заимствующий язык составных элементов заимствования, или слова по его морфемам. Путем калькирования заимствуются не только содержание или значение заимствованного элемента, но и модель выражающего, точное копирование всех слагаемых заимствующего слова — явление редкое, тем более разносистемных языков. Обычно вместе со значением поступает в заимствующий язык схема формально-структурной стороны заимствования»¹⁵. Это положение полностью относится к заимствованиям из калмыцкого языка в язык алабугатских татар. Калькой считается и семантическое заимствование¹⁶.

К семантическим заимствованиям, то есть к калькам можно отнести следующие калмыцкие заимствования: *сыйыр балық* 'линь' (букв. 'корова рыба'), (калм. *үкр захсн үкрдэ* — то же), *кой балық* 'жерех' (букв. 'овца рыба'), (калм. *хөн захсн хөөндэ* — то же). Возможно и обратное заимствование.

3. Полукальки. Их значительно больше чистых калек. Полукальки состоят из калмыцких и тюркских элементов. К ним можно отнести следующие слова: *мускортқа* 'баба-яга' (калм. *мус* 'чудовище, обжора, людоед', фолькл. 'оборотень', *кортқа* 'старуха'); *тинзэрэй* 'еж' (*тин/төн* 'ночь', *зэрэй* 'еж'), (калм. *зара* 'еж', старокалм. *зарай* 'еж'); *атчалман* 'тушканчик, крупная разновидность тушканчиков' (*ат* 'лошадь', *чалман* 'тушканчик') (калм. *мөрн ялмн* 'тушканчик', 'конь тушканчик').

Среди калмыцких заимствований можно выделить и следующие тематические группы.

1. Названия зверей, насекомых, рыб, термины рыболовства: *баткын* 'муха' (калм. *батхн/батхън*); *зурмын* 'суслик' (калм. *зурмн/зурмън*); *тинзэрэй* 'еж' (калм. *зара*); *атчалман* 'тушканчик' (калм. *мөрн ялмн* 'конь тушканчик'); *гөлмэ* 'сеть рыболовная' (калм. *гөлм/гөлме*); *жермаха* 'малек, молодь рыбы' (калм. *жирмэхэ*); *ходот* 'мотня' (калм. *ходад*); *чапур* 'цапля' (калм. *чаппур*); *барай* 'карась' (калм. *барай*); *сыйыр балық* 'линь' (калм. *үкр захсн/үкрдэ*); *хорха* 'насекомое', 'жучки, паучки' (калм. *хорха* 'червяк, червь'; *хорха бог* 'мусор, грязь').

¹⁴ Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 8.

¹⁵ Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974, стр. 333—334.

¹⁶ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 188.

2. Термины родства: *эжэм* 'бабушка со стороны матери' (калм. *ээжи/эежи*), *бөлэ* 'двоюродные братья (сыновья двух сестер)' (калм. *бөл/бөле*), *бөлнер* 'двоюродные братья по отцовской линии, двоюродные сестры по материнской линии' (калм. *бөлнр/бөлнер*), *бөлока* 'двоюродные братья' (калм. *бөлэкэ*).

3. Слова, обозначающие действие или состояние: *болжал* 'условие' (калм. *болэл*); *беләу* 'плясать, танцевать, танец' (калм. *бииләч* 'танцор, танец, пляска'); *корчау* 'окружить, отрезать (путь)' (калм. *керч* 'резать, отрезать'); *салпыру* 'отделяться' (калм. *салвр/салвырхы* 'растрепаться, размотаться').

4. Слова, обозначающие лица и предметы: *мускортқа* 'баба-яга' (калм. *мус* 'чудовище, обжора, людоед', фолькл. 'оборотень'); *будан* 'затируха, мучной суп' (калм. *будан*); *чалма* 'аркан, лассо' (калм. *цалм/цалъм*); *хаша* 'забор, ограда' (калм. *хаша, хаш*); *қостық* 'спички' (калм. *хустг/хустък*); *жаңғақ* 'орехи' (калм. *яһг/яһгэг*).

5. Слова, обозначающие признаки лиц и предметов: *мохақ* 'тупой' [калм. *мока/муха*: 1) 'тупой, затупленный, перетупленный', 2) 'тупой, глупый']. В значении «тупой» (о человеке) употребляется в мензелинском говоре среднего диалекта татарского языка (*моқай* 'тупой'); возможно, это также калмыцкое заимствование; *шордам* 'пересоленный' (калм. *шордам*).

Калмыцкий элемент отмечается и в названии *Алабугат*, то есть *Алабуга* + элемент *т* — аффикс обладания калмыцкого происхождения; ср., например, калм. *улан залат* 'краснокисточные, краснокисточники'¹⁷.

Калмыцкого происхождения и аффикс множественности *м*, *мыт* (*муд-уд*)¹⁸, который присоединяется к именам собственным и нарицательным, выражающим понятия «дом, очаг, семья того-то»¹⁹. Например: *Равилмытна бардым* 'Ходил к Равилу и его семье'; *Огылымытна бардым* 'Ходил к сыну и его семье'.

По мнению Н. Н. Убушаева, алабугатские татары контактировали с восточными калмыками (прикаспийской частью калмыков), то есть торгутами, что подтверждается характером лексических заимствований.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет считать, что при взаимодействии неродственных языков или языков отдаленного родства, в данном случае языка алабугатских татар с калмыцким, фонетическая система и грамматический строй первого остались почти непроницаемыми для второго, калмыцкому языковому влиянию подверглась лишь лексика.

¹⁷ Пример сообщил нам Н. Н. Убушаев — сотрудник Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории.

¹⁸ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 31—32.

¹⁹ Л. Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 147.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ТАТАРСКО-БАШКИРСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТУЛЯКЕ

Одним из излюбленных образов башкирского и татарского фольклора является образ водяной или морской деви. Великий татарский поэт Г. Тукай на основе народных сказок и легенд создал в 1908 году прекрасную поэтическую сказку «Водяная»¹. Публикуя ее, поэт указал, что сюжет этот поведал ему деревенский мальчик, подчеркивая тем самым непосредственную связь своих стихов с народно-поэтическим творчеством². В недавно вышедшем в свет сборнике избранных произведений Г. Тукая на русском языке выделен раздел «Сказки», где и помещено это произведение³.

Образ водяной в башкирском и татарском фольклоре, так же как и в творчестве других народов, очень древнего происхождения. По мнению некоторых ученых, появление его связано с эпохой матриархата. Об этом свидетельствует, в частности, и то, что в название образа одним из компонентов входит слово «мать»⁴ — *су анасы* (букв. 'мать воды'). Представлен этот образ в эпосе и некоторых других народов. Известна, например, та же *су анасы*, причесывающая свои волосы золотым гребнем, у кумыков, а также у балкар, карачаевцев⁵. Интересна следующая деталь: неперенным атрибутом водяной является золотой гребень. На основе сравнительно-исторического изучения материалов фольклора разных народов В. Я. Пропп заключает: «Все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к иному царству. Золотая окраска есть печать иного царства»⁶.

В процессе изменения общественных отношений происходила эволюция и фольклорного образа. Так появился, очевидно, образ водяного. «С древним культом воды, — пишет этнограф Р. Г. Мухамедова, — вероятно, было связано представление о мифическом существе *су иясе*, которое обитало в воде и считалось злым духом»⁷.

С культом воды у татар связаны различные обряды. В частности, «культ упомянутой *су анасы* наиболее выразительно проявляется, когда невеста, придя в дом мужа, впервые отправляется за водой в сопровождении девушек и перед тем, как черпать воду, бросает монетку — дар хранителю воды рода. Общеизвестны: бросание в воду крупы, соли или

¹ Габдулла Тукай. Эозэрлэр. Дурт томда, т. I. Казан, 1975, стр. 198—200.

² Г. Тукай. Жуаныч. Казан, 1908.

³ Габдулла Тукай. Избранное. Казань, 1978, стр. 235—237.

⁴ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 360.

⁵ Там же.

⁶ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 264.

⁷ Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972, стр. 187.

тряпок от одежды как умиловивление водяного духа за питье или купание, магическое поливание земли в засуху»⁸. Надо полагать, что все эти обряды были связаны со страхом человека перед хозяином водной стихии⁹. У разных народов, в том числе и у татар «бытовало поверье, что в случае невыполнения этого обряда водной за невнимание найдет бедствия — человека утопит, порвет сети рыбаков, найдет болезнь»¹⁰. Постепенно на основе первобытных верований, обрядов и обычаев возникли, видимо, легенды, предания и сказания, бытовавшие в народе параллельно с древнейшими поверьями. Как свидетельствуют фольклорные материалы, еще в XIX и начале XX века в народе были распространены поверья, связанные с образами хозяина (*су иясе*) и хозяйки (*су анасы*) водной стихии.

В 50-е годы прошлого столетия один из вариантов сказаний о водной был записан Л. Суходольским у уфимских татар и опубликован под названием «Легенда о Туляке»¹¹. Своей публикации Л. Суходольский предпослал следующее примечание: «Легенды, как все вообще, так и, в частности, татарские, много заключают в себе материалов, служащих к разъяснению истории, религии, нравов и обычаев народа»¹².

Другой вариант сказания, записанный под названием «Сказка о Сари-Сагиге, сыне Абдрахманове», был опубликован Р. Игнатьевым в 1875 году¹³. После текста сказания Р. Игнатьев приводит такие данные: «Мы слышали одного тептяря¹⁴ в Верхне-Уральском уезде Оренбургской губернии, который пропел большую часть этой сказки. Такая же точно сказка, с некоторыми изменениями, существует у уфимских башкир, но только герой ее называется Туляком, сыном Сари-Маркаса»¹⁵.

Действительно, башкирская версия сказания издавна привлекала внимание ученых и писателей. Еще в первой половине XIX века В. И. Даль опубликовал вариант сказания под названием «Башкирская русалка»¹⁶. В начале XX века Х. С. Султановым на русском языке был опубликован еще один вариант этого сказания¹⁷. Известный татарско-башкирский писатель М. Гафури издал вариант сказания на татарском языке отдельной книгой¹⁸.

Систематическое собрание и изучение памятников башкирского народного эпоса началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Особенно интенсивно велась эта работа в 50—60-е годы, когда было записано, опубликовано и исследовано значительное коли-

⁸ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 360.

⁹ Ср.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1958, стр. 100.

¹⁰ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 360.

¹¹ Лев Суходольский. Легенда о Туляке. — «Вестник Императорского Русского Географического Общества». СПб., 1858, ч. 24-я, стр. 65—72.

¹² Там же, стр. 72.

¹³ Р. Игнатьев. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края. — «Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества», вып. 3. Оренбург, 1875, стр. 207—211.

¹⁴ По мнению А. Х. Халикова, во второй половине XVI века в нижнем и среднем течении реки Белой формируется этническая группа татар-тептярей — переселенцев из Казанского края. У местных башкир переселенцы брали землю в аренду, о чем велись записи в особых тетрадях (по-татарски — *дэфтар*). Впоследствии это татарское слово изменилось, превратилось в слово *типтар*, откуда и пошло самоназвание группы татар. См.: А. Х. Халиков. Татар халкынын килеп чыгышы. Казан, 1974, стр. 117—118.

¹⁵ Р. Игнатьев. Сказания, сказки и песни..., стр. 211.

¹⁶ В. И. Даль. Башкирская русалка. — «Москвитянин», 1843, № 1, стр. 97—119.

¹⁷ Х. С. Султанов. Зоя-Туляк и Су-сулу. Башкирское предание. — «Самарская газета», 1902, № 83.

¹⁸ М. Гафури. Заятүләк белән Су-сылу. Өфө, 1910.

чество вариантов сказания «Заятуляк и Хухылыу»¹⁹. В настоящее время насчитывается около двадцати вариантов²⁰. В данной статье мы остановимся лишь на наиболее архаичных и оригинальных из них.

Наиболее архаичным вариантом сказания «Заятуляк и Сусылу» — «Заятуляк и Хухылыу» является, пожалуй, записанный Л. Суходольским. В нем в самом начале говорится: «У Туляка было сто товарищей»²¹. В данном случае нет указания на какие-либо родственные отношения между героем и другими персонажами. Имеется в виду, очевидно, род, все члены которого обладали одинаковыми правами.

Основным видом занятия этих людей является охота. Описываются и ее неперемные атрибуты — ловчая птица, конь. На фоне охоты складываются взаимоотношения героя с другими персонажами. Место, отведенное в сказании охотничьему промыслу, позволяет отнести это фольклорное произведение к глубокой древности.

О том же свидетельствует и главная сюжетная коллизия первой части варианта Л. Суходольского, в которой говорится о том, что товарищи постоянно обижают Туляка. Из охотничьих птиц ему выделяют лишь «маленького филина», себе берут по аргамачу, а Туляку дают «сивого стригуна, то есть двухгодовалого жеребчика»²². Но, согласно канонам эпического произведения, филин становится кречетом, а сивый стригун Туляка превращается «в сивого аргамача, бег которого был подобен быстроте ветра»²³.

Удачи Туляка вызывают зависть его товарищей. И они, сговорившись, вбивают гвозди в копыта его аргамача. Мотив этот хорошо известен и в эпосе других народов. Он относится к числу весьма архаичных и выражается в столкновении отдельной личности с коллективом, по предположению А. Н. Киреева, — родом²⁴. Ученый считает, что данный конфликт относится к эпохе разложения первобытнообщинного строя, когда утверждение отдельной сильной личности вызывает протест со стороны всего рода. В результате герой покидает общину и пускается на поиски счастья²⁵.

И все же рассматриваемый мотив варианта Л. Суходольского является, очевидно, не самым архаичным. В одном из башкирских вариантов сказания, записанном в 1940 году, отражены, по-видимому, еще более древние общественные отношения. Как пишет А. Н. Киреев, «здесь Заятуляк выступает как человек свободный, не связанный с общиной... Эпический герой и его рождение не связывается с конкретными родителями, и он выступает как представитель общины в целом»²⁶.

В первой части некоторых других вариантов сказания нашли отражение приметы более поздних исторических эпох. В одном из башкирских вариантов рассказывается о том, что у Самархана было две жены. От первой родилось шестеро сыновей, а «от второй, молодой жены, го-

¹⁹ См.: А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, стр. 9—21, 71—87.

²⁰ См.: «Башкорт халык ижады. Эпос». Беренсе китап. Өфө, 1972, стр. 7—29, 187—222, 305—316; «Аннотированный библиографический указатель по башкирскому устно-поэтическому творчеству». Составители С. А. Галин, Ф. А. Надршина. Уфа, 1967; «Башкирский народный эпос». М., 1977, стр. 8—51, 206—214, 418—427.

²¹ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 65.

²² Там же.

²³ Там же. К приведенным словам Л. Суходольский дает следующее, на наш взгляд, верное примечание: «Обыкновенное сравнение татар. В ходу еще сравнение скорости лошади с быстротою стрелы» (стр. 71).

²⁴ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 76.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 74.

ворят, родился один очень красивый сын с лицом, излучающим свет, и назвали его Заятуляком»²⁷.

Исключительность героя в данном случае подчеркивается тем, что у него было «лицо, излучающее свет». Этот образ восходит, вероятно, к библейским, может быть, и к еще более ранним легендам. Например, герои татарского и башкирского народного эпоса Тахир, Кузы-Курпач, герой дастана болгарского поэта Али «Кысса-и Юсуф» обладают тем же чудесным свойством. Вероятно, выражение «лучистое лицо» — *нурлы йөз*, чрезвычайно широко распространенное в башкирской и татарской народной лирике, генетически восходит к народному эпосу.

Как видно из приведенного выше отрывка, в сказании появляется известный мотив конфликта между старшими и младшим сыновьями. Ученые считают это отражением существовавших правовых норм наследования собственности в эпоху феодализма, когда младший сын оказывался обиженным, обездоленным и униженным²⁸. Это социальное явление нашло отражение в мировом фольклоре.

В одном из вариантов сказания конфликт основан на том, что герой — сирота, которого некому пожалеть и защитить²⁹. Он постоянно подвергается всевозможным унижениям и оскорблениям. В первой части этого варианта сказания приведен традиционный сюжет мирового фольклора.

Существуют, однако, варианты и иного характера. В записи 1967 года от 63-летней С. Бикбулатовой конфликт первой части сказания облечен в другую форму. Здесь говорится о том, что Заятуляк был сыном бедняка, а семь юношей, постоянно враждовавших с ним, были сыновьями богатого соседа³⁰. Вероятно, в период позднего средневековья или даже в последующее время в произведение проник этот ясно выраженный мотив социального неравенства, вражды между богатыми и бедными.

В публикации Л. Суходольского ничего не говорится о детстве героя. В башкирском же варианте, записанном в 1964 году от 74-летнего Б. Валиуллина, такие сведения приводятся. Как известно, «младенческая сила богатыря раньше всего проявляется в том, что во время игры он калечит своих сверстников»³¹. Этот мотив имеется и в указанном варианте Б. Валиуллина: «Заятуляк, — говорится в сказании, — был не только красивым, но с детства отличался большой силой. Если во время игры начиналась драка, то он, говорят, избивал (всех) своих сверстников»³².

Первым и неизменным помощником богатыря в тюркоязычном эпосе обычно выступает конь. Выбор коня героем играет немалую роль в развитии сюжета всего произведения и описывается весьма подробно. В публикации М. Гафури 1910 года говорится о том, что условия выбора коня определяются отцом богатыря. Он советует сыновьям подойти к табуна лошадей и позвенеть уздечками. Того коня, который обернется на этот звон, и следует взять себе. Старшие братья героя пренебрегают наставлениями отца и, подойдя к табуна, выбирают себе приглянувшихся им лучших скакунов. Лишь младший сын хана, Заятуляк, поступает по совету отца, но на звон его уздечки к нему «поворачивается плохонький *акбуз ат*». Герой ловит его и сразу же догадывается, что со време-

²⁷ «Башкирский народный эпос», стр. 418.

²⁸ См.: Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958.

²⁹ «Башкорт халык ижады. Эпос». Беренсе китап, стр. 309.

³⁰ Там же, стр. 311.

³¹ В. Жирмунский. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 15.

³² «Башкирский народный эпос», стр. 418.

нем тот должен стать отличным конем — *тулпаром*³³. Согласно традициям народного эпоса, соблюдение наставлений отца или заветов предков является непременным условием будущих удач богатыря.

Интересно проследить эволюцию главного героя эпоса. В наиболее архаичных вариантах Заятуляк выступает как герой-одиночка. В более поздних вариантах описывается его уход из общины после столкновений с товарищами. В дальнейшем герой выступает уже как постоянно обижаемый младший сын или сирота. И последний по времени вариант, как видно, отражает конфликт социальный. Заятуляк — сын бедняка, а его враги — сыновья богачей.

Но во всех случаях герой в конце первой части уходит один на поиски счастья.

Вторая часть повествования, на первый взгляд, не связана с первой. Однако обе части объединены образом героя, который во второй части совершает подвиги во имя любви, соединения с возлюбленной. Известно, что к разложению первобытного рода привело прежде всего развитие хозяйственной жизни и как следствие этого — создание моногамной семьи. Так, в небольшом по объему сказании отразилась эволюция общественных отношений, протекавшая на протяжении многих веков.

Во всех вариантах произведения сватовству богатыря противодействует водяная дева, дочь хозяйина водной стихии. В варианте Л. Суходольского водяной царь носит имя Чачдархан.

Противоборство жениха и невесты перед свадьбой или брачной ночью — мотив сам по себе очень древний³⁴, отражающий верования, связанные с эпохой матриархата: «Изначальная принадлежность жениха и невесты к разным мирам обуславливает, по-видимому, и другой широко известный эпический мотив — их предбрачного поединка»³⁵.

В подавляющем большинстве вариантов дастана рассказывается о том, что до встречи с Сусылу (в татарской) или Хыухылыу (башкирской версии) Туляк (Заятуляк) не знал о ее существовании. Следовательно, здесь не может быть речи об их каких бы то ни было взаимоотношениях, тем более о любви. Этот мотив присущ наиболее архаичным вариантам дастана.

Лишь в одной башкирской записи сказания рассказывается о том, как Заятуляк видит Хыухылыу во сне, влюбляется и едет на ее поиски³⁶. Можно предположить, что последний мотив является позднейшим наслоением, связанным, очевидно, с влиянием либо романтического эпоса, либо же популярного книжного дастана «Кысса-и Юсуф» Али, тем более, что мотив любви появился в народных сказаниях в более позднюю эпоху. Для дастана же «Заятуляк и Хыухылыу» характерно, на наш взгляд, отражение наиболее древних представлений.

Борьба между женихом и невестой в варианте Л. Суходольского, как и в ряде других, принимает форму упорного и продолжительного состязания, о чем свидетельствует и стихотворный диалог между Туляком и водяной девой.

В некоторых башкирских вариантах сказания мотив предбрачного поединка жениха с невестой дан в несколько осложненной форме. В них Хыухылыу предстает не только как существо иного мира, но и как дева-богатырь, непременным условием женитьбы на которой является победа

³³ «Башкорт халык ижады. Эпос», стр. 198.

³⁴ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 303—309; В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 265.

³⁵ П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974, стр. 251.

³⁶ «Башкорт халык ижады. Эпос», стр. 310.

над ней³⁷. В отдельных вариантах сказания Хухулылу прямо заявляет богатырю: «Я выйду замуж только за того, кто одолеет меня в схватке»³⁸. В подавляющем большинстве эпических сказаний, в том числе и в сказании о Туляке, герой побеждает богатырскую деву и женится на ней.

Образ Хухулылу — богатырской девы, очевидно, более поздний по происхождению, нежели образ водяной девы. В наиболее архаичных вариантах, включая и публикацию Л. Суходольского, водяная красавица отговаривает героя от женитьбы и даже пытается откупиться подарками, предлагая ему «золотую серьгу», «два шарфа и два перстня», «золотой гребень и лунообразное зеркало». Эти атрибуты водяной девы традиционны и встречаются в ряде других фольклорных произведений. Однако Туляк отказывается от всех даров и ради водяной девы жертвует своим белым кречетом, аргамаком и даже отрекается от своих родителей: «Отрекаюсь для тебя, дочь воды, — говорит он, — от матери своей.., (отрекаюсь) от своего отца, у которого раздвоенная борода...»³⁹.

Мотив отречения от родителей в народном эпосе встречается сравнительно редко⁴⁰. Он объясняется, вероятно, тем, что родители Туляка придерживаются традиционных общинно-родовых отношений. Во имя создания моногамной семьи Туляк вынужден отречься от них. Водяная дева, спасаясь от Туляка, пытается скрыться в своем подводном царстве, однако это ей не удается: «Она тотчас опустилася в воду, — говорится в дастане, — но длинные о шестидесяти четвертях ее волосы не успели все скрыться в воду, и шесть четвертей остались на воде, которые Туляк, увидев, тотчас схватил и начал обвертывать вокруг руки своей, чтобы вытащить ее из воды»⁴¹.

Эпизод этот весьма примечателен. «Если вспомнить, что в народном творчестве, — пишет А. Н. Киреев, — образ косы выступает как один из основных атрибутов женщины, то нетрудно заметить, что этой деталию подчеркивается сила и умение эпического героя, захватившего в свои руки самое важное в жизни девушки»⁴².

В дальнейшем Туляк побеждает и самого властелина водной стихии, и тот вынужден отдать за Туляка свою дочь⁴³. Таким образом, в эпосе воспевается превосходство человека над злыми силами природы.

В других вариантах эпоса столкновение Туляка или Заятуляка с Хухулылу изображается несколько иначе. Не устояв перед настойчивыми просьбами богатыря, Хухулылу соглашается стать его женой и долго прячет жениха от своих родителей. Когда же водяной владыка узнает о ее тайне, то Хухулылу рассказывает отцу о своей любви к земному богатырю. И тогда «падишах озера Асылыкуль разгневался — вода в озере забурилась и, выйдя из берегов, затопила окрестные луга»⁴⁴. Буря в море, вызванная гневом морского царя, — распространенный эпический мотив, встречающийся и в эпосе других народов, например, в былине о Садко⁴⁵.

³⁷ Ср. с былинами о Дунае. — В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 136, 148.

³⁸ «Башкорт халык ижады. Эпос», стр. 218 и 309.

³⁹ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 68.

⁴⁰ Ср. со сказанием «Кузы-Курпач и Баян-сылу».

⁴¹ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 69.

⁴² А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 77; В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 174—175.

⁴³ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 70.

⁴⁴ «Башкирский народный эпос», стр. 428.

⁴⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 99—100.

В рассматриваемом варианте гнев водяного царя смягчился лишь тогда, когда он увидел героя «богатырского сложения, светлоликого»⁴⁶. И он соглашается выдать свою дочь за богатыря.

В записанном в 1921 году у 57-летнего сказителя Г. Магадиева варианте рассказ о женитьбе богатыря на водяной деве еще более усложнен. Хухухылу ставит условие: она выйдет замуж только за того, кто победит ее в схватке. Заятуляк выходит победителем, и девушка, согласившись стать его женой, уводит к себе во дворец. У Хухухылу втайне от ее родителей рождается сын. Однако со временем водяной царь узнает об этом⁴⁷.

В приведенных эпизодах можно отметить некоторую противоречивость. С одной стороны, в сказании говорится, что герой приобретает право на женитьбу, одолев в единоборстве богатырскую деву, с другой — девушка не может выйти замуж без согласия на то отца. Последнее обстоятельство, очевидно, отражает семейно-брачные отношения периода раннего феодализма.

Во всех вариантах эпоса Туляк, женившись на дочери водяного царя, живет «благополучно и счастливо»⁴⁸. Однако это счастье недолговечно, ибо Туляк, хотя и наделен чертами сказочного героя, остается человеком и не может жить вечно в подводном царстве: он тоскует по родной земле и земному бытию. Особенно поэтично и красочно описана любовь Заятуляка к родной земле в башкирских вариантах сказания: стремясь хоть немного утешить своего мужа, Хухухылу дает Заятуляку маленькое зеркальце, чтобы он, глядя в него, видел родные края. И Заятуляк увидел «землю, своего серого тулпара, стоящего на горе Карагас, возвышающейся у южного берега озера Асылыкуль, и с нетерпением ожидающего своего хозяина»⁴⁹. Однако зеркало делает еще более нестерпимой тоску героя по родине. Так, в народном героическом эпосе находит выражение мотив любви к родному краю, к родине.

Ни в одном из вариантов дастана Туляк не остается навсегда в подводном царстве.

Возвращение Туляка на землю изображается по-разному. В большинстве вариантов сказания, в том числе и в публикациях Л. Суходольского и Р. Игнатьева, Туляк возвращается на землю вместе с водяной красавицей и с богатыми дарами хозяина подводного царства. Расставаясь с Туляком, Чачдархан предупреждает его, что он не должен в пути оглядываться, пока не доедет до дома. Однако Туляк нарушил это предупреждение и «оглянулся назад и увидел множество скота, который, выходя из воды, шел к нему непрерывною вереницею. Водяная красавица, видя то, сказала ему: ах, какой ты неосторожный, вот видишь ли, скот, вышедший из воды, отделился от того, который не совершенно еще вышел; и тот (скот) обратно ушел в воду»⁵⁰.

Этот эпизод также является традиционным для эпоса тюркоязычных народов: якутских олонхо, башкирских «Акбузат», «Кара-юрга», «Конгур-буга», «Акхак кола», алтайского «Маадай-Кара» и др.⁵¹ В якутских олонхо, например, если невеста оглядывается назад, то по-

⁴⁶ «Башкирский народный эпос», стр. 423.

⁴⁷ «Башкорт халык ижады. Эпос», стр. 218—219.

⁴⁸ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 70.

⁴⁹ «Башкирский народный эпос», стр. 424.

⁵⁰ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 70.

⁵¹ И. В. Пухов. Якутский героический эпос олонхо. М., 1962. стр. 194—195; А. Н. Куреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 103, 111, 241—242; И. В. Пухов. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия. — «Типология народного эпоса». М., 1975, стр. 44—45.

ловину своего счастья оставляет дома: «С тех пор невеста, отъезжающая от дома родителей в дом мужа, никогда не оглядывается, чтобы не оставить здесь свое счастье»⁵².

Можно полагать, что приведенный заключительный мотив, представленный в подавляющем большинстве вариантов дастана, характерен для его наиболее архаичных версий.

К интересным выводам приводит сопоставление дастана с русской былинной «Садко». Сюжет этих произведений имеет немало общего. Былина «распадается на несколько четко делимых звеньев, что служит одним из внешних признаков ее глубокой древности; такое строение характерно для древнейших ступеней в развитии эпоса...»⁵³. То же самое можно сказать и о сказании о Туляке. Дастан о Туляке и былина «Садко» — произведения различных типологических уровней. Это видно из сопоставления некоторых их особенностей. В. Я. Пропп пишет: «Отправка героя в иной мир по своему происхождению есть поездка за невестой. Но в русском эпосе инициатива брака исходит уже не от героя, а от хозяина стихии. Это — не только формальное отличие, это отличие знаменует новый этап в развитии эпоса. Герой русского эпоса не может хотеть жениться на дочери морского царя»⁵⁴.

В сказании же о Туляке инициативу проявляет сам герой. Более того, он заставляет водяного царя выдать свою дочь за него, что характерно для сюжета догосударственного эпоса⁵⁵.

Судьба Садко, героя русского былинного эпоса, складывается иначе. «Поездка Садко имеет торговый характер и не представляет собой поездки за невестой. К хозяину моря он попадает не по своей воле, сватается к дочери царя он также не по своему желанию. И, наконец, в Новгород он возвращается все же без жены»⁵⁶.

Все это позволяет заключить, что в сказании о Туляке сохранены мотивы, типологически более архаичные, нежели в былинной «Садко».

В сказании о Туляке ясно прослеживаются и более поздние наслоения. К ним прежде всего относятся мотивы, связанные с влиянием ислама, что нашло особенно яркое отражение в публикациях Л. Суходольского и Р. Игнатьева.

По словам академика В. Жирмунского, «к чудесным свойствам эпического героя, роднящим его с героем сказочным, относится его *магическая неуязвимость*»⁵⁷. Этим качеством в полной мере обладает и герой дастана о Туляке. В публикации Р. Игнатьева к главному герою Сары-Сахибу во сне является неизвестный старик и говорит ему: «Не бойся, Сары-Сахиб, сын Абдрахмана, я пророк от пророка Хызыр и научу тебя такой молитве, с которой ты не погибнешь ни от оружия, ни от огня, ни от воды, ни от зверя, ни от человека; но только никому ее не пересказывай, иначе вся сила перейдет от тебя к тому, кто узнает эту молитву, и ты пропал!»⁵⁸.

Древний мотив магической неуязвимости эпического героя здесь полностью переосмыслен под влиянием религии ислама. Генетически же рассматриваемый мотив никак не может быть связан с мусульманством, ибо он намного древнее ислама. Достаточно вспомнить хотя бы то, что подобной волшебной силой наделены герои древнеиндийского и древнегреческого эпоса.

⁵² И. В. Пухов. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири, стр. 45.

⁵³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 91.

⁵⁴ Там же, стр. 104—105.

⁵⁵ Там же, стр. 105.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В. Жирмунский. Народный героический эпос, стр. 18.

⁵⁸ Р. Игнатьев. Сказания, сказки и песни..., стр. 208.

Публикуя легенду о Туляке, Л. Суходольский писал, что «в ней есть... предствление, относящееся к кругу религиозных преданий магометанских»⁵⁹.

В позднейших записях эпоса, сделанных в 50—60-е годы нашего столетия, влияние ислама почти не прослеживается. Отзвуки этого влияния можно обнаружить лишь в одном варианте произведения, записанном в 1967 году от 67-летнего С. Касимова⁶⁰.

Второй тип наслоений связан с влиянием типологически более позднего романического эпоса. Именно этим можно объяснить тот факт, что среди вариантов сказания есть и заканчивающиеся трагически. Интересен с этой точки зрения упоминавшийся выше вариант Б. Валиуллина. В нем говорится, что Заятуляк и Хухухылу, покинув водную стихию, начинают жить счастливо. Но счастье их длится недолго. Однажды к ним прибывают гонцы и сообщают о том, что хан скончался, и в стране началась жестокая борьба за власть. Народ просит Заятуляка стать ханом. Богатырь оставляет жену на горе Балкан, предупредив, что вернется за ней на сороковой день. Став ханом, богатырь настолько погружается в дела ханства, что забывает о назначенном им сроке. Вспомнив, он садится на коня и скачет к горе Балкан. «Но не успел Заятуляк. Когда он домчался до (горы) Балкан, настал сорок первый день, и его любимая Хухухылу уже умерла. Заятуляк очень тяжело переживал ее смерть. На вершине горы Балкан вырыл он копьем могилу для Хухухылу. Заятуляк положил ее в могилу и, пронзив себя булатным копьем, упал бездыханным рядом с любимой»⁶¹.

Приведенный эпизод, на наш взгляд, мог возникнуть под влиянием таких сказаний, как «Кузы-Курпач и Баян-сылу», или дастанов книжного происхождения «Тахир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», одинаково популярных как в башкирском, так и в татарском фольклоре.

Следует подчеркнуть, что поздние наслоения встречаются лишь в отдельных вариантах, а основной древний героико-архаический сюжет присутствует во всех вариантах дастана.

Сказание о Туляке является одним из наиболее архаичных образцов эпического фольклора башкирского и татарского народов. Оно облечено в классическую для тюркоязычного эпоса форму чередования стихов и прозы. Об этом свидетельствует не только вариант Л. Суходольского, где стихи приведены в подстрочном переводе, но и вариант Р. Игнатьева. Об этом же говорят многочисленные башкирские варианты сказания, дошедшие до нас из древности и бытующие в настоящее время.

⁵⁹ Лев Суходольский. Легенда о Туляке, стр. 72.

⁶⁰ «Башкорт халык ижады. Эпос».

⁶¹ «Башкирский народный эпос», стр. 427.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Я. С. АХМЕТГАЛЕВА

ГРАММАТИКА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА ИБРАГИМА ХАЛЬФИНА

(К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ)

Ибрагим Хальфин (1778—1829) — первый преподаватель татарского языка в Казанском университете. Он принадлежал к известной педагогической династии Хальфиных, преподававших татарский язык в Казани в течение шестидесяти лет¹ (Кононов, 1972, стр. 120—121 и др.) — с 1769 по 1829 год. Имя Ибрагима Хальфина стоит в одном ряду с именами основателей отечественного востоковедения, которые «своими трудами, опубликованными в первой половине прошлого столетия, внесли существенный вклад в дело фонетической, грамматической и лексикографической разработки тюркских языков» (там же, стр. 197). К числу именно таких работ относится грамматика Ибрагима Хальфина, полное название которой «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в Императорской Казанской гимназии». Эта работа была издана в 1809 году в типографии Казанского университета в виде небольшой по формату книги объемом в 168 страниц. Из документов, использованных Н. П. Загоскиным для написания истории Казанского университета, выясняется, что «Азбука и грамматика» были закончены автором значительно раньше и уже в 1804 году «одобрены для напечатания в 1200 экземпляров» (Загоскин, стр. 339).

Грамматика И. Хальфина в соответствии с ее названием состоит из двух самостоятельных частей: первая из них — «Азбука», объемом в 62 страницы, вторая — «Грамматика», объемом в 106 страниц, причем пагинация отдельная.

В «Азбуке» рассматриваются вопросы чтения и правописания татарского (главным образом) и арабского языков. К этой части приложены и тексты для чтения (стр. 41—62).

Материал по фонетике и орфографии татарского языка (в части консонантизма) изложен в следующей последовательности: буква, ее название в арабском алфавите, объяснение артикуляции произношения передаваемого ею татарского звука в сопоставлении с соответствующим звуком русского языка, четыре примера сочетания данной буквы с гласными, русская транскрипция произношения этих сочета-

¹ Сагит Хальфин работал преподавателем татарского языка с 1769 по 1785 год, его сын Исхак — с 1785 по 1800 год, его внук Ибрагим — с 1800 по 1829 год. В гимназии некоторое время преподавали еще два представителя этой семьи — Исмагил, младший брат Исхака, и Шагин-Гирей, сын Ибрагима Хальфина.

ний; по схеме: « د Дяль подобно российскому d, например, دا да, دى ди, دو ду, од дя» (стр. 10).

Описывая звуки, автор «Азбуки» проявляет глубокое знание татарского и русского языков, например: « ت ти произносится мягче, нежели российское т» (стр. 8), « خ ххы произносится из самой глубины гортани» (стр. 10). Примечательна в сопоставительном плане характеристика буквы و, способной передавать и гласный, и согласный звуки. Об этой букве сказано следующее: « و уау. В российском языке ни одна буква подобного произношения не имеет; ежели же после его будет следовать элиф, то выговаривается слитно, как وа уа; если же ia, то выговаривается как وى уи; когда поставлены два уау, как وو , то выговаривается как уу, почему и можно б было ее почитать за российское у; но она имеет голос буквы у только после какой-нибудь согласной буквы, а в начале речения произносится слитно со следующей гласною» (стр. 17—18). Таким образом, И. Хальфин различает две функции буквы вав: для передачи гласного и для передачи согласного. Основа артикуляции согласного, передававшегося этим знаком, — его губно-губной характер (Современный язык, стр. 90), что отмечено автором, указавшим на «слитное» произношение его с гласными.

Описания артикуляции согласных, данные И. Хальфиным, весьма точны. Естественно, наиболее подробно им описаны характер артикуляции и акустическое впечатление от тех звуков татарского языка, которые отличаются от русских или вовсе отсутствуют в русском языке, так как «Азбука» предназначалась для русских учащихся².

Сопоставление фактов татарского языка с аналогичными русского и арабского языков, указание на некоторые правила персидского и турецкого языков (стр. 6) свидетельствуют об основательной специальной подготовке И. Хальфина.

По приведенной выше схеме описаны все буквы арабского алфавита, использовавшиеся в то время в татарской орфографии для передачи звуков татарского языка. Об оставшихся трех буквах (ض, و, د) говорится, что они «употребляются единственно для арабских речений» (стр. 11). Дополнительно автором рассмотрены еще шесть букв-звуков, которых «в арабском нет»: وپ, وچ, وژ, وک, وڭ, وڭ. Таким образом, татарская азбука имеет, по И. Хальфину, 35 букв. Ученый ясно понимал отсутствие в арабском алфавите возможностей для обозначения всех татарских звуков и в связи с этим отмечал: «бывают такие слова, кои пишутся одинаковым образом, но различаются единственно по произношению» (стр. 19).

Заслуживает внимания попытка И. Хальфина разделить слоги на твердые и мягкие (стр. 29). В этом проявилась наблюдательность ученого, заметившего наиболее существенную черту фонетической системы татарского языка — сингармонизм. Для объяснения данного явления И. Хальфин строит таблицу и делит все согласные на две группы: твердые и мягкие. Для И. Хальфина, знавшего арабский язык, противопоставление согласных ط и ت, و و ص, و و س, و و ك, و و ق вполне оправдано. Однако в других случаях в таблице не нашли отражения особенности произно-

² М. Ф. Закиев считает «Азбуку и грамматику» И. Хальфина первой сопоставительной работой по фонетике и грамматике татарского и русского языков (Закиев, стр.: 370—373).

шения. Например, ç и ĉ считаются мягкими, ك — твердым. Непоследовательность такого разделения автор почувствовал и сам и поэтому дал следующее примечание: «В разговорах на татарском языке некоторые твердые буквы сами после мягких переменяются в мягкие, а мягкие после твердых — в твердые, например; ق *каф* стоит в числе твердых букв, а когда с ней в одной речи будет ز *зи*, которая хотя и из числа мягких, но после *кафа* произносится твердо, например, قاز *каз* 'гусь', собственно следовало бы выговаривать *казь* (на ь), но как в сей речи наперед стоит твердая ق *каф*, то и ز *зи* выговаривается тверже (на ѣ) *казѣ*» (стр. 32).

Последовательней и четче явление сингармонизма в татарском языке было раскрыто в грамматике Каюма Насыри, изданной уже в конце XIX века (Насыри, стр. 4, 113).

В «Азбуке» И. Хальфина определенное место отведено правилам орфографии, начертанию букв в начале, середине и конце слова. (стр. 33—34, 36).

То, что учебник предназначался для русских учащихся, обучавшихся татарскому языку, предопределило сопоставительный характер и второй части работы И. Хальфина — «Грамматики». При этом автор, ограничиваясь описанием грамматического строя одного только татарского языка, указывал по этому поводу: «Предполагая, что обучающиеся по-татарски прошли уже Российскую грамматику и, следовательно, знают оную, то и нет нужды здесь об оных (здесь имеются в виду падежи. — Я. А.) распространяться, а следует показать только то, что касается собственно до татарского языка» (стр. 8). Однако, несмотря на это, при систематизации и описании грамматических фактов татарского языка ученый исходил все же из грамматики русского языка. Безусловно, такой принцип соответствовал основной цели преподавателя Казанского университета — обучению русских татарскому языку.

За образец И. Хальфиным была взята, следует полагать, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, в которой часть, посвященная вопросам морфологии, делится на главы: об имени, о глаголе, о вспомогательных или служебных частях слова. Аналогично этому грамматика И. Хальфина состоит из следующих разделов: (о частях речи)³ — стр. 1, (об именах) — стр. 2—8, о склонениях — стр. 8—20, о местоимениях — стр. 20—35, о глаголах — стр. 36—84, о причастии — стр. 84—91, о наречии — стр. 92—98, о предлоге — стр. 98—100, о союзе — стр. 101—105, о междометии — стр. 105—106.

В разделе, посвященном именам, говорится о существительных, прилагательных и числительных. Анализируя существительное, автор выделяет не только имена собственные и нарицательные, но и собирательные. Последние имена определяются им следующим образом: «Существительное собирательное имя означает одним словом множество лиц или вещей» (стр. 3). В этом тоже проявилась тонкая наблюдательность И. Хальфина, отметившего способность татарского имени существительного обозначать в форме единственного числа родовое название целого класса предметов.

Изменение существительных по падежам дается автором по схеме русских грамматик того времени. Семь падежей русского языка, как известно, не отражают специфики категории склонения татарского языка.

³ В скобки заключены названия разделов, данные нами. — Я. А.

Однако и здесь ученым было высказано несколько «ярких догадок и удачных прозрений», характерных, по мнению С. Н. Иванова (Иванов С., стр. 56), для первого этапа развития отечественного тюркского языкознания. Например, И. Хальфин отмечает явление субстантивации (стр. 7—8): «Имена существительные, прилагательные и числительные, будучи поставлены особо, склоняются; когда же прилагательные и числительные имена стоят пред именем существительным, тогда не склоняются».

Местоимения автор «Грамматики» делит на следующие группы: личные, указательные, возносительные, возвратительные, вопросительные и притяжательные. Возносительными местоимениями им названы относительные местоимения. Данная классификация не отличается от принятой в настоящее время.

Рассматривая группу притяжательных местоимений, И. Хальфин обращается и к посессивному склонению. Он отмечает (стр. 35), что существительные с «окончаниями лица (так он назвал аффиксы принадлежности) склоняются таким же точно образом, как и имена существительные, только с тем различием, что они удерживают при себе во всех падежах окончание лица». Парадигмы, к сожалению, им не приводятся.

Значительное место в «Грамматике» И. Хальфин отводит глаголу. «Глагол есть та часть речи, — пишет он, — которая показывает действие или страдание» (стр. 36). Все глаголы автор подразделяет на два рода (стр. 36): первый, «который показывает делать что-нибудь *يازми* 'писать'», и второй, «который показывает понуждение *фикарми* 'заставить или принудить делать'». В более поздних грамматиках вторая форма была выделена в особый вид залога.

Известно, что вопрос о залогах — один из сложнейших в грамматике тюркских языков, поэтому подход И. Хальфина к нему представляет определенный интерес для истории науки. Ученый выделяет шесть залогов — действительный, средний, страдательный, возвратный, взаимный, общий.

1. Действительные глаголы значат действие, от одного лица к другому переходящее, например, *من سومن* 'я люблю', *من سودرامن* 'я принуждаю любить'.

2. Средние глаголы значат действие, от действующего лица к другому не переходящее, но в нем самом пребывающее и кончаются как действительные, например, *يوريمن* 'хожу'.

3. Страдательные глаголы показывают действие от другого произведенное и делаются принимая пред окончанием *من* наращение буквы *ى*, например, в действительном было *سومن* 'я люблю', а в страдательном будет *سولمن* 'любим бываю'.

4. Возвратные глаголы, которые значат действие от действующего лица на него же обращающееся и делаются из глагола действительного, принимая пред окончанием *من* наращение *ن*, например, *جوامن* 'мою', *جونامن* 'моюся'.

5. Взаимный показывает двух лиц взаимное действие и принимает пред окончанием *من* или *مق* или *ش* наращение *شا*, например, действительный *بلمن* 'знаю', а взаимный *بلشامن* 'знаюся', *بلشدرامن* 'заставляю знать'.

6. Общие глаголы в татарском языке суть те, которые имеют знаменование действительного, но перемену взаимного или страдательного, например, *قورقامن* 'боюсь', *قورقрамн* 'заставляю бояться'.

В построении раздела о залогах глагола прослеживается влияние работы И. Гиганова⁴, в которой выделено десять залогов: действительный, страдательный, возвратный, средний, взаимный, учащательный, понудительный, посредственно понудительный, общий и с наращением *-лага* (стр. 64—70). И. Хальфин в своей грамматике критически отнесся к концепции И. Гиганова и попытался пойти дальше с целью уточнения залогов татарского глагола, что ему отчасти и удалось. Из списка залогов он исключил десятый род, отказался от учащательного залога, но не отнес к залоговой категории понудительные формы глаголов. Наиболее полно определить залогов глагола удалось Каюму Насыри, что нашло отражение в его грамматике татарского языка «Энмюзядж» (стр. 16—60, 127—128). Названные им пять залогов — основной, переходный (то есть понудительный), взаимный, страдательный и возвратный — признаны и современной наукой о татарском языке (Современный язык, стр. 210—216).

Сознательно следуя схеме, принятой при изложении правил русской грамматики, что вытекало из задачи, стоявшей перед И. Хальфиным как преподавателем татарского языка русским учащимся, автор «Азбуки и грамматики» нередко был вынужден отмечать случаи несоответствия, отсутствия русских эквивалентов грамматическим явлениям татарского языка. Например, И. Хальфин приводит пять наклонений глагола: изъявительное, соизволяющее, повелительное, желательное (так названо условное) и неопределенное. Все они, кроме одного, совпадают по значению с соответствующими формами русского глагола. О наклонении, названном ученым «соизволяющим», он сделал такое замечание: «Наклонение сие российскому языку не свойственно, а потому и переводу выразить иначе не можно» (стр. 40). Автор поясняет семантику наклонения, отмечая, что оно «показывает согласие с другим лицом, например *ياز айм* 'пусть я пишу'» (стр. 41). И ниже: «Спряжение сие только в первом лице заключается». Здесь речь идет о желательном наклонении глагола, имеющем указанную особенность, отмеченную и в новейших исследованиях по татарской грамматике (Современный язык, стр. 238—239).

И. Хальфин называет семь глагольных времен:

«1. Настоящее: *сومن* 'люблю'.

2. Преходящее, которое показывает действие или страдание как бы в половину совершившееся и делается с прибавлением *айдом*, например, *жара айдом* 'я колол'.

3. Прошедшее однократное *яздум* 'я написал'.

4. Давнопрошедшее первое, которое показывает действие или страдание давно минувшее и делается прибавляя к глаголу окончание *айды* или *кан*, например, *айландр мшдум* или *кан айдум*, например, *айландр мшдум* 'я вертывал' (единственный пример).

⁴ Влияние грамматики И. Гиганова на рассматриваемую работу И. Хальфина отмечено А. Н. Кононовым (Кононов, 1976).

5. Давнопрошедшее второе делается прибавляя к глаголу окончание *در کانم, کانم*, во 2-м *منم*, в 3-м *انک, سنک*.

6. Будущее неопределенное, которое показывает действие или страдание когда-нибудь последовать имеющее и делается прибавляя к глаголу окончание *کلار* или *در کلار*, например, *ایلاندر کلارمن* 'буду вертеть'.

7. Будущее однократное, которое показывает действие или страдание однажды свершиться имеющее и делается прибавляя к окончанию глагола слог *رمن*, например, *ایلاندرورمن* 'верну'» (стр. 42—46).

Такой скупой отбор из известных и уже описанных до И. Хальфина двадцати шести временных форм татарского глагола (Гиганов, стр. 71 и сл.) объясняется, видимо, практическими задачами рассматриваемой работы. Ученый интуитивно стремился выделить глагольные формы, наиболее часто употреблявшиеся в разговорном языке.

В «Грамматике» (стр. 47—84) широко представлены парадигмы спряжения глаголов всех залогов в положительном и отрицательном аспектах в единственном и множественном числе по трем лицам во всех названных временах. Указанные парадигмы позволяли учащимся усваивать употребление татарских глаголов в различных формах, а преподавателю — проверять их знания.

Исследуя составленные ученым таблицы, можно заметить, что наряду с повелительной формой, совпадающей с основой глагола, И. Хальфин в единичных случаях приводит древнюю форму императива с аффиксом *-гыл*: *سن بلشکل* 'знайся ты' (стр. 74), *سن بولماغل* 'не будь ты' (стр. 78).

Еще одно наблюдение в связи с таблицами. В начале раздела о глаголе И. Хальфин, видимо, под влиянием схемы спряжения русского глагола, указывает, что в татарской грамматике существуют два типа спряжения. Однако после описания всех глагольных форм ученый приходит к заключению о едином спряжении. Он пишет: «Таким образом спрягаются и другие глаголы во всех залогах, несмотря на то, будут ли они первого спряжения или второго. Ибо сии ничем другим между собою не различаются, как только окончаниями неопределенного наклонения *می* или *مک*» (стр. 77).

Данный пример показывает, что научная добросовестность помогла ученому преодолеть субъективно привнесенную им в грамматику татарского языка заимствованную схему описания глагола.

В парадигмах спряжения даны также и три причастные формы: настоящего, прошедшего и будущего времени. Например: 'вертящий' *ایلاندرچی*, 'вертевший' *ایلاندر کان*, 'имеющий вертеть' *ایلاندرچک*, 'моющийся' *جوونوچی*, 'мывшийся' *جوونغان* и 'умоющийся' *جوونچق*⁵ (стр. 57). Указанные формы причастий приняты и современным языкознанием (Современный язык, стр. 245—251). Форма на *-ачак* в качестве будущего времени изъявительного наклонения И. Хальфиным не названа.

В специальном разделе, посвященном причастию, приводятся, кроме принятых сейчас, еще и причастия на *-ар* (стр. 89—90). Само опре-

⁵ Переводы на русский язык сохранены в авторской редакции.

деление причастия очень близко к данному И. Гигановым в его грамматике (стр. 97). И. Хальфин о причастии пишет: «Причастие сокращает понятие чрез соединение местоимения и глагола в одно речение. Причастия имеют в татарском языке шесть залогов, как глаголы, два числа, семь падежей и три времени и склоняются как существительные или прилагательные имена» (стр. 84—85). Отмеченное И. Хальфиным объединение в причастии признаков глагола и прилагательного является более точным определением по сравнению с данным его предшественником.

Говоря о наречиях, И. Хальфин отмечает: «Наречие есть часть речи, показывающая кратко разные обстоятельства и по сей разности имеет разные знаменования» (стр. 91). В этой характеристике проявляется стремление автора определить функцию указанной части речи в предложении. Ниже он пишет: «Наречия в татарском языке, от прилагательных имен происходящие, имеют уравнильные и превосходные степени и различаются по прежнему порядку» (стр. 98). Иначе говоря, И. Хальфин, подобно некоторым другим исследователям, предполагает превращение прилагательных в наречия в зависимости от синтаксических условий.

И. Хальфин утверждает: «Предлоги в татарском языке употребляются после имен, местоимений и причастий» (стр. 98). Так, автор «Грамматикки» определяет послелоги, которые, как известно, по своему содержанию и синтаксическим функциям соотносительны с русскими предлогами. Руководствуясь целями сопоставительного обучения русских учащихся татарскому языку, И. Хальфин не счел нужным переименовать предлоги, приблизив их название к выполняемым ими функциям. Раздел «О предлоге» разработан автором очень тщательно: в связи с системой склонения имен И. Хальфиным рассмотрено больше двадцати послелогов татарского языка.

«Грамматика» завершается разделом о союзе и междометии.

«Азбука и грамматика» Ибрагима Хальфина была широко известна среди отечественных и западноевропейских исследователей. М. Иванов в предисловии к книге «Татарская грамматика» указывает, что в своей практической деятельности в качестве преподавателя татарского языка в Оренбурге он пользовался «Грамматикой» И. Хальфина (Иванов М., стр. 15). К трудам И. Хальфина обращались М. Казем-Бек, Франц Эррман, Н. Ф. Катанов, на дастаны в издании И. Хальфина как на источник ссылается А. Давидс. Осуществленное И. Хальфиным издание «Жизни Джингизхана и Аксак Тимура» и комментариев к нему использовал Хаммер-Пургшталь, к работам ученого обращались востоковеды Чарльз Рье, Перч, Шпулер (Михайлова, стр. 124—131).

Лингвистическое наследие Хальфиных заслуживает самого тщательного изучения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>Гиганов</i>	— И. Гиганов. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. СПб., 1801.
<i>Загоскин</i>	— Н. П. Загоскин. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904, т. II, ч. II. Казань, 1903.
<i>Закиев</i>	— М. З. Закиев. Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века (до 1855 года). — «Вопросы татарского языкознания». Кн. 2-я. Казань, 1965.

- Иванов М.* — М. Иванов. Татарская грамматика. Казань, 1842.
Иванов С. — С. Н. Иванов. Об изучении грамматики тюркских языков. — «Советская тюркология», 1976, № 5.
- Кононов, 1972* — А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972.
- Кононов, 1976* — А. Н. Кононов. Из истории татарского языкознания: Татарская грамматика Иосифа Гиганова (1801 г.). — В кн. «Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри». Казань, 1976, стр. 69—78.
- Михайлова* — С. М. Михайлова. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. Казань, 1972.
- Насыри* — Насыри Каюм. Энмузэж. Казань, 1975.
Современный язык — «Современный татарский литературный язык». М., 1969.
-

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. П. ГОЛУБЕВА

ПРЕДИКАТИВНОЕ ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ: ОППОЗИЦИИ ПО СОСТАВНОСТИ

Понятие составности релевантно для языковых, то есть структурно законченных и не зависимых от контекста предложений. Однако оно не относится к законченным высказываниям, не обладающим свойством предикативности (например, междометиям). Не приложимо это понятие, на наш взгляд, и к сокращенно-ответным высказываниям типа *evet* 'да', *haug* 'нет', *elbet (te)* 'конечно' и т. д., которые иногда называют «эквивалентами предложений» и считают нечленимыми, а также ко вторым репликам в диалогических единствах и к любым незаконченным высказываниям, часто встречающимся в речи.

Односоставность/двусоставность понимают обычно как наличие в синтаксической структуре предложения одного синтаксически независимого или двух взаимозависимых (так называемых главных) членов предложения (подлежащего и сказуемого или недифференцированного главного члена), «ответственных» за грамматическую предикацию. Принято считать, что в формально-грамматическом плане подлежащее занимает независимую позицию. Предикативное отношение, возникающее между подлежащим и сказуемым, понимается как отношение предмета (в широком смысле) и предикативного, то есть утверждаемого относительно него признака. Наиболее типичным, хотя и не единственно возможным, выражением предикативного отношения признается сочетание имени в прямой форме и финитного глагола. Традиционное представление об исходности двучленного предложения, по-видимому, более адекватно отражает языковые факты¹.

В лингвистике до сих пор ведется спор об одном или двух основных синтаксических центрах предложения. Трудно не согласиться с Д. Н. Шмелевым, считающим этот спор довольно отвлеченным и бесперспективным, ибо он затрагивает только предложения с глагольным сказуемым².

В проблеме предикативного членения еще много неясного. Определение главных членов применимо лишь для типичных двусоставных предложений, но не для многих других конструкций, и поэтому требует уточнений и дополнений. Вопрос о том, существуют ли безусловные признаки главных членов предложения, пока остается открытым. Обычно

¹ См.: Н. Д. Арутюнова. Вариации на тему предложения. — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969.

² Д. Н. Шмелев. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976, стр. 9—10.

определение подлежащего и сказуемого включает в себя содержательную и формально-грамматическую (морфологическую) характеристику. Одного из этих признаков, взятого отдельно, недостаточно. Но и одновременно их учет не всегда ведет к однозначному решению. Не до конца ясно, какую роль в предикативном членении играет порядок слов. Признается, что порядок слов является основным показателем предикативного грамматического членения в тех случаях, когда синтаксическая функция члена предложения не определена однозначно другими средствами. По-видимому, порядок слов может определять подлежащее и сказуемое в так называемых «обратимых» предложениях. Но в отношении подлинных предложений тождества вопрос остается спорным: возможно, что им следует приписать двуподлежащую структуру³.

Интонация в некоторых случаях тоже может иметь решающее значение для предикативного грамматического членения, которое иногда зависит от семантики сочетающихся лексических словоформ, от контекстных условий и т. д.⁴ В языках, где формально-грамматическое выражение связи слов в предложении обусловлено прежде всего морфологическими показателями, последние становятся основным критерием при классификации типов предложений. Следовательно, при решении вопроса о составности важен учет грамматической формы предложения, то есть способа выражения предикативности. Каждый из основных типов простого предложения имеет свою систему грамматических значений и соответствующих показателей⁵. Для турецких глагольных предложений релевантны прежде всего категории лица, числа, времени, наклонения и залога.

В данной статье используются термины «безличность» и «односоставность». Понятие безличности применяется нами к односоставным глагольным и масдарным предложениям, в которых действие не связано с субъектом-деятелем. Для турецкого языка нет необходимости противопоставлять понятия «безличности» и «бессубъектности», поскольку в нем отсутствуют специфические безличные формы типа русской формы глагола 3-го лица единственного числа среднего рода, позволяющие выражать субъект косвенно и выделять субъектно-агентивные безличные («Снегом завалило крышу») и косвенно-субъектные безличные («Мне хотелось спать») предложения. Нет в турецком языке и специфических безличных конструкций, аналогичных русским предложениям с безличным глаголом в отрицательной форме типа «Мне нездоровится» или «Масла не осталось» и т. д.⁶ Наличие в структуре турецкого предложения субъекта на второстепенных синтаксических позициях обычно сочетается с наличием подлежащего. Интерпретация турецкого предложения как безличного предполагает отсутствие в структуре предложения и субъекта, и подлежащего.

Оппозицию по составности иногда рассматривают как особенность тектонического аспекта предложения⁷. Такой подход, отвлекающий от семантики, позволяет вскрывать тектонические различия семантически

³ См.: *И. И. Ревзин*. Логико-грамматический тип предложений тождества. — В сб.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Тезисы докладов. Л., 1975.

⁴ См.: *Д. Н. Шмелев*. Указ. раб.

⁵ См.: *П. А. Лекант*. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.

⁶ См., например: *И. П. Распопов*. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке. — «Филологические науки», 1967, № 3, стр. 31—32.

⁷ См., например: *И. Ф. Вардуль*. Предисловие. — В кн.: «Односоставные предложения в восточных языках». М., 1976.

тождественных предложений типа «Ветер сорвал шляпу» — «Ветром сорвана шляпа» — «Ветром сорвало шляпу», но при этом утрачивается связь, соотношение между данными предложениями.

Определение соотношения односоставных и двусоставных предложений предполагает следующие общие условия:

1) различие между односоставными и двусоставными предложениями не абсолютно, односоставные предложения производны в синхронном плане от двусоставных предложений, выделяются на фоне двусоставных и связаны с ними постепенным переходом;

2) изменения на уровне структуры выражения в языке вторичны по отношению к изменениям в структуре содержания предложения. Начало же языковых изменений синтаксических структур лежит в речи. Например, пропуск в речи (эллипсис) подлежащего в глагольном предложении может привести в конечном итоге к односоставному предложению⁸.

Пропуск подлежащего в речи — это не обычный эллипсис, который в общем случае не ведет к структурным изменениям. Эллипсис подлежащего, связанный пределами предложения и не зависящий от условий более широкого контекста, можно назвать «внутренним эллипсисом». Последний характеризует не любое подлежащее, а только подлежащее, обозначающее конкретное лицо и выраженное личным местоимением, прежде всего местоимением 1-го и 2-го лица, непосредственно соотносящимся с элементами знаковой ситуации (говорящий — слушающий). Пропуск такого подлежащего обусловлен тем, что сказуемое своей формой повторяет его и экспликация подлежащего становится избыточной. Ср.: *Nereden anladınız diye şaşlı* (5, 18) 'Откуда (вы) узнали? — удивился (он)'

На наш взгляд, предложение с внутренним эллипсисом не односоставное, и его вряд ли можно считать неполным, так как подлежащее в нем выражено в форме глагола и однозначно восстановимо. Ср.: *Sen babanı bilmez misin?* (5, 23) 'Ты что, не знаешь своего отца?'

Восстановление пропущенного подлежащего, выраженного местоимением 3-го лица, не столь однозначно, поскольку глагол в 3-м лице может предполагать одновременно и лицо, и неодушевленный предмет в позиции подлежащего. Эллипсис такого подлежащего в большей степени опирается на широкий контекст, и в этом случае, видимо, можно говорить о неполном характере предложения, но не об односоставности. Ср.: *Sabahleyin pencereyi açtı mı onu görebiliyorlardı* (5, 87) 'По утрам, едва открыв окно, (они) могли ее видеть'

Таким образом, отсутствие в предложении подлежащего, обозначающего определенное, конкретное лицо, не является, на наш взгляд, признаком односоставности. Глаголы-сказуемые таких предложений, обычно именуемых определенно-личными, в турецком языке могут принимать все формы времени, лица и числа в изъявительном наклонении. Формы других наклонений, например, повелительного, желательного, долженствовательного, тоже могут соотноситься с определенно-личным предложением в том случае, если предполагают конкретное лицо. Ср.: *Utanma, aynen anlat ne diyordu* (5, 4) 'Не смущайся, объясни толком, что (он) сказал'; *Evvelâ şunu söyleyeyim ki...* (5, 17) 'Прежде всего, вот что (я) хочу сказать...'; *Kahvedekilerin hoşlandığı bu... İlle yakından görmeli* (5, 91) 'Это как раз то, что нравится посетителям кафе... (Они) непременно должны видеть вблизи'

⁸ См.: В. С. Юрченко. Простое предложение в современном русском языке (Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное). Саратов, 1972.

Сказуемое определенно-личных предложений может быть и именным. Например: «*Ne iş yapıyorsunuz?» diye sorarsa «Gazeteciyim» derim* (5, 14) 'Если (он) спросит: «Чем (вы) занимаетесь?», (я) отвечу: «(Я) журналист»'.

Обычно вопрос о составности глагольных предложений принято решать исходя из вербоцентричности предложения, в зависимости от способности личного глагола допускать присутствие выраженного подлежащего. В отношении безличных (точнее внеличных бесподлежащих) предложений не возникает сомнений в их квалификации как односоставных. Разногласия вызывают неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения, поскольку в них нарушается значимое соответствие между субъектом и формой сказуемого. Их чаще относят к односоставным⁹. Нет единства мнений и в отношении определенно-личных предложений.

Определенно-личные предложения, будучи, как уже говорилось, двусоставными, выступают в двух вариантах — с занятой или незанятой позицией подлежащего. Варианты эти противопоставляются по признаку экспрессивного или логического выделения подлежащего. Ср.: *Ben sadece yaralıyı kaldırdım, git katılı de sen buluver* (5, 107) 'Я только подобрал раненую, а убийцу уж ты иди ищи'; «*Beni sen adam edeceksin!*» diye mığıldanıyordu (2, 100) '«Ты меня сделаешь человеком!» — пробормотал (он)»'.

Основным вариантом следует признать стилистически нейтральный, наиболее частотный. Для турецкого языка таким вариантом является бесподлежащий.

В неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях невыраженность подлежащего связана с неконкретностью обозначаемого им лица. Предложение сохраняет в семантической структуре место неконкретного, индивидуализированного субъекта, но в поверхностной структуре позиция подлежащего остается обычно незанятой, хотя возможность занятости этой позиции в обобщенно-личных предложениях не исключается: *Nerede vurmuşlar?* (5, 98) 'Где ее ранили?'; *Yaşı at pazarığında sorular* (1, 136) 'О возрасте коня спрашивают на рынке'.

Если позиция подлежащего занята, предложение и с точки зрения формальной структуры становится двусоставным.

К таким случаям можно отнести пословицы со сказуемым, выраженным глаголом в повелительном наклонении. Пословицы, представляющие собой высшую степень обобщения, предполагают обращение к неконкретному лицу, даже когда это лицо выражено личным местоимением. Ср.: *Seyrek git sen dostuna, kalksın ayak üstüne* (1, 129) 'Ты к другу ходи редко, (чтобы) он встречал (тебя) стоя (с почтением)'.

Обобщенно-личное предложение по признаку двувариантности сближается с определенно-личным, но противопоставлено неопределенно-личному как одновариантному. Противопоставленность же неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений определенно-личным основана на противопоставлении нулевого подлежащего эллиптированному. А все эти три типа предложений противопоставляются безлично-му предложению как бесподлежащему. Эти оппозиции поддерживаются различием в морфологической базе глагольных форм сказуемого или независимого недифференцированного главного члена предложения.

Определенно-личные предложения трехличны и не имеют ограничений в выражении временных и объективно-модальных значений.

⁹ См., например: А. Н. Баскаков. Типы односоставных предложений в современном литературном турецком языке. — В кн.: «Односоставные предложения в восточных языках». М., 1976.

Глагол-сказуемое обобщенно-личного предложения обычно выступает в форме 2-го лица повелительного наклонения, но может иметь и другую личную форму. Таким образом, в обобщенно-личном субъекте в скрытом виде содержатся все разновидности личного субъекта. Поэтому личные формы глагола-сказуемого в обобщенно-личном предложении не противопоставлены одна другой, а выступают как единая совокупная синтаксическая форма. В этом смысле глагол-сказуемое в обобщенно-личном предложении однолично. Но основой, на которой происходит обобщение личного субъекта, служит адресат сообщения, поэтому преимущественной формой глагола-сказуемого обобщенно-личного предложения выступает форма 2-го лица. Ср.: *Ne ekersen onu biçersen* (1, 124) 'Что посеешь, то и пожнешь'; *Anasına bak kızını al* (1, 84) 'Посмотри на мать и (потом) женись на дочери'; *Sev beni seveyim seni* (1, 129) 'Люби меня, полюблю тебя'.

Начало обобщения заложено в переносном употреблении формы 2-го лица: *Evde karidan sakla, dairedede herkesten sakla, bir gün sapıvereseğim* (2, 59) 'Дома от жены скрывай, в конторе от всех скрывай, я в один прекрасный день просто свихнусь'.

Некоторые лингвисты возражают против необходимости выделять обобщенно-личные предложения в особый тип, считая, что обобщение — лишь дополнительный момент, который в определенных условиях может быть сообщен любому предложению без изменения его структуры¹⁰.

Действительно, обобщение — семантический фактор, так же, как и, как и неопределенность субъекта. Невыраженность подлежащего еще не означает отсутствия его позиции. Нулевое подлежащее, поддерживаемое формой глагола, должно, на наш взгляд, свидетельствовать в пользу двусоставности. Об обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях, видимо, правильнее говорить как об особых семантических типах двусоставных предложений, приближающих двусоставное глагольное предложение к односоставному безличному.

Переход к односоставному глагольному предложению осуществляется, по крайней мере, тремя способами: во-первых, утратой субъектом-подлежащим свойства конкретности, как в обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях; во-вторых, утратой субъектом свойства активности, что связано с пассивизацией глагола-сказуемого и с передвижением субъекта-деятеля на второстепенные синтаксические позиции вплоть до его элиминации; и в-третьих, приобретением глаголом модального значения при элиминации субъекта-деятеля. Последние два признака можно наблюдать при анализе неопределенно-личных предложений.

Неопределенно-личные предложения одноличны. Типичной формой выражения глагола-сказуемого в них является 3-е лицо множественного числа настояще-будущего, а также других времен изъявительного наклонения. 3-е лицо множественного числа выражает значение неопределенности совокупного деятеля. Ср.: *Sütlüyu süğüden çıkarmazlar* (1, 131) 'Молочную (корову, овцу и т. д.) из стада не выгоняют'; *Nerede vurmuşlar?* (5, 98) 'Где (ее) ранили?'; *Ne dersin, bir gün beni de tercüme edecekler mi acaba?* (4, 5) 'Как ты думаешь, *неужели* и меня *переведут* (на русский язык) *когда-нибудь*?'; *Seni yakında sepetlerler* (2, 9) 'Тебя скоро прогонят с работы'; *Böyle ufak yerlerde insan adını çok hesaplı atmalı, insani tefe koyup çaliverirler* (2, 24) 'В таких маленьких местечках человек должен быть очень осторожным, *иначе его имя начнут трепать*'.

¹⁰ См.: И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 82—83.

Значение неопределенности деятеля может проявляться в разной степени, на что иногда указывает глагол, а иногда это выражается второстепенными членами предложения или более широким контекстом. Ср.: *Dairesinden çıkacağı sırada tevkiif ettiler* (2, 192) '(Его) арестовали, когда (он) собирался выйти из конторы'; *Şimdi yanından geliyorum, tevkiifhaneye teslim etmişler* (2, 197) '(Я) теперь иду от него, (его) посадили в тюрьму'; *Her halde bir yanlışlık oldu; hakikat anlaşılacak ve beni bırakacaklar!* (2, 197) 'Конечно, произошла ошибка; выяснится истина, и меня отпустят!'

В неопределенно-личном предложении с глаголом-сказуемым действительного залога происходит нейтрализация противопоставления по числу. Форма множественного числа как специфическая форма неопределенности деятеля не входит в парадигматический ряд с глагольной формой единственного числа.

При глаголе-сказуемом в страдательном залоге значение неопределенности деятеля проявляется, если в предложении не выражен реальный производитель действия. Глагол-сказуемое формально сопрягается с объектным подлежащим и сохраняет трехличность. Ср.: *Kediye reynir tutumu inanılır mı?* (5, 3) 'Разве сыр доверяют (может быть доверен) кошке?'

Если в таком предложении опущено подлежащее — местоимение 3-го лица, то происходит нейтрализация по признаку определенности/неопределенности лица. Ср.: *Gece iki kere hastaya uyandırılmıştı* (5, 97) 'Ночью (он) два раза был разбужен к больному — Ночью (его) два раза будили к больному'.

В турецком языке форму страдательного залога имеют и непереходные глаголы. В предложении, организованном таким глаголом, подлежащее не может быть выражено. Глагол тогда становится одноличным, поскольку значение неопределенности деятеля выступает на первый план. Ср.: *Böyle günde gidilir mi?* (2, 50) 'Разве в такой день уходят?'

Значение неопределенности совокупного деятеля, выраженное формой страдательного залога, уже не требует множественного числа глагола. Ср.: *Halide Edip hanımın rusçaya tercüme edildiği söyleniyor* (4, 5) 'Говорят, госпожа Халиде Эдип переведена на русский язык'; *Böyle şeyler sorulur mu?* (2, 54) 'Разве о таких вещах спрашивают?'; *Karıya uvaşça vuruldu* (2, 136) 'В дверь тихонько постучали'.

Форма глагола страдательного залога в настояще-будущем времени единственного числа имеет значение возможности или невозможности (при наличии отрицания) и может обозначать действие независимо от деятеля, то есть как безличное. Здесь налицо нейтрализация, противопоставленная по признаку неопределенно-личности/безличности. Например: *Dünyada yalnız yaşanır mı?* (2, 109) 'Разве можно прожить в мире одному?'; *Fakat bu anda bu nasıl söylenir?* (2, 90) 'Но как в данный момент можно говорить об этом?'; *Ömer olmasa bir dakika durulmaz* (2, 109) 'Если бы не Омер, ни минуты нельзя было бы (здесь) оставаться'.

Значение безличности может иметь и глагол в долженствовательном наклонении 3-го лица единственного числа, если действие мыслится безотносительно к деятелю. Ср.: *Her akşam biraz dolaşmalı* (2, 123) 'Надо понемногу прогуливаться каждый вечер'; *Halbuki omuzları üzerinde benimki kadar hummalı bir baş taşıyan insanlardan korkulmalıdır* (2, 75) 'Следует бояться людей, у которых на плечах такая горячая голова, как у меня'; *Kafalarını ezmeli onların!* (2, 75) 'Головы надо им оторвать!'

Таким образом, в турецких глагольных предложениях некоторые глагольные формы выражают только безличность, теряя соотносительность с личными формами. Общим для них грамматическим значением

является обозначение действия, несоотносимого с деятелем. Оно проявляется в частных грамматических значениях долженствования и возможности.

Если же значения долженствования и возможности выражены лексически, то составность предложения представляется спорной. Так, предложения, образованные сочетанием модальных лексем с масдарами, именами действия, оцениваются тюркологами по-разному: либо как двусоставные¹¹, либо как односоставные, безличные¹². Решение этого вопроса зависит от исходной позиции. В модальных масдарных предложениях основная семантическая нагрузка приходится на масдар (имя действия), который вместе с модальной лексемой может расцениваться как составной главный член односоставного предложения. Ср.: *Bir pi-hayet vermek lâzım* (2, 151) 'Надо положить этому конец'; *Bunun olması için çok çalışmak ister (gerek, lâzım, gerekir, lâzım gelir, icabeder)* (7, 496) 'Для этого нужно много потрудиться'; *Bir insana inanmak mümkün müdür?* (2, 141) 'Разве можно верить человеку?'; *Bunu unutmak mümkün (kabil) değil* (7, 468) 'Этого нельзя забыть'; *Bunları Ömre açıkça söylemek mümkündür* (2, 158) 'Это можно было открыто сказать Омеру'; *Para bulmak lâzımdı* (2, 106) 'Надо было найти деньги'.

Если же главное значение придавать форме, то масдар как субстантивная форма противопоставляется в основном падеже модальной лексеме, носительнице предикативных категорий, и может расцениваться как подлежащее, а все предложение — как двусоставное. Это особенно очевидно в тех случаях, когда масдар имеет аффикс множественного числа или принадлежности, подчеркивающий его субстантивную природу, или если место масдара занимает существительное. Ср.: «*Bize para lâzım azizim!*» dedi (2, 118) «*Нам нужны деньги, дорогой!*», — сказал он'; *Seninle yollarımızın ayrılması lâzım* (2, 148) 'Наши с тобой пути должны разойтись' (*букв.* 'Необходимо расхождение наших с тобой путей'); *Vaziyetinin Balıkesire karşı izah edilmesi hayli müşkül, hattâ imkânsızdı* (2, 158) 'Очень трудно, даже невозможно было объяснить ее положение балыкесирцам (*точнее:* объяснение ее положения было невозможным)'; *Sevgilerini tekrar bir takım esaslara istinat ettirmeleri lâzımdı* (2, 157) 'Им нужно было снова найти какую-то сумму оснований для своей любви (*точнее:* им нужна была опора на сумму оснований)'.

По-видимому, двусоставную структуру образует и сочетание масдара с предикативным наречием, выражающим оценку действия или состояния. Место наречия строго закреплено в конце предложения, и предикативная расчлененность отмечается паузой¹³. Ср.: *O zaman tahammül ettiğim halde şimdi hoş görmemek doğru değil* (2, 184) 'Неправильно теперь обижаться, если раньше я терпела'; *İçlerinden birkaçına istidatiz demek belki biraz haksızlık olurdu* (2, 168) 'Может быть, не вполне спра-

¹¹ А. С. Emre. *Türkçede isim cümlesi*. — «Türk dili araştırmaları yılığı». Ankara, 1955, стр. 139; см. также: А. Н. Васкаков. Указ. раб., стр. 21.

¹² А. Н. Кононов. *Грамматика современного турецкого литературного языка*. М.—Л., 1956, стр. 506—510.

¹³ Мнение П. А. Леканта, что решение о двусоставности предложений, включающих слова, выражающие категории состояния, зависит всецело от наличия в этих словах оценочно-характеризующего значения по отношению к инфинитиву (в ином же случае предложение не имеет признака двусоставности), видимо, можно отнести лишь к языкам типа русского, в котором место сказуемого не фиксировано. При таком чисто семантическом признаке границы двусоставности и односоставности у предложений со словами категории состояния становятся очень зыбкими. Так, на наш взгляд, совершенно неочевидно, что предложение «Спать было мокро и холодно» относится к односоставным, а «Говорить с ним было бесполезно» — к двусоставным (см. П. А. Лекант. Указ. раб., стр. 96).

ведливо было бы называть некоторых из них бездарными'; *Tevkifhanede Ömeri görmek güç olmadı* (2, 199) 'Увидеться с Омером в тюрьме было нетрудно'; *Gözalıcı işiği seyretmek doğrusu pek ömür oluyordu* (5, 61) 'Наблюдать за солнечным зайчиком было, действительно, очень приятно'.

Если же наречие со значением состояния употребляется без масдара, то оно может расцениваться как независимый главный член односоставного предложения. Ср.: *Bu adama yazıkı* (2, 170) 'Жаль этого человека'.

Если модальная лексема употреблена в структуре с общим значением наличия/отсутствия (с помощью предикативных лексем *var* или *yok*), то ее, видимо, можно рассматривать как подлежащее. Ср.: *Köyün doktora ihtiyacı var!* (2, 155) 'Деревне нужны врачи!' (букв. 'Есть нужда деревни во врачах'); *Vaziyetlerini düzeltmeğe imkân yok kil* (2, 144) 'Невозможно (нет возможности) поправить их дела!'; *O halde bu telâşa hiç lüzum yoktu* (2, 127) 'В таком случае не нужно было так волноваться (точнее: не было никакой необходимости в таком волнении)'.

Трудность в предикативном членении рассмотренных типов предложений связана с тем, что предикативно значимые сочетания полнозначных слов, выделяемые в них, не очень укладываются в рамки обычных подлежащно-сказуемых структур. Определить их как односоставные тоже трудно, так как в них явно бшущается расчлененность, однако расчлененность особого рода, представляющая в семантическом, а иногда и в интонационном плане определенное единство компонентов с фиксированным порядком. Возможно, что о них следует говорить как об особых предикативно-расчлененных, но не подлежащно-сказуемых типах предложения, не получивших в лингвистике еще терминологического определения. Существование таких структур признается, например, в русском языке¹⁴. Обычно эти структуры связаны со значениями модальности или наличия/отсутствия. Ср., например, различные способы выражения содержания «мне нужны деньги», в котором совмещаются значения модальности и наличия:

- 1) *başa para lâzım* ('мне нужны деньги'),
- 2) *parağa ihtiyacım var* ('у меня есть нужда в деньгах'),
- 3) *ben parağa muhtacım* ('я нуждающийся в деньгах').

Только второй и третий способы, бесспорно, соотносятся с двусоставностью, а в отношении первого можно спорить.

Односоставные предложения образует масдар в независимом употреблении. В таких предложениях действие характеризуется несоотнесенностью с деятелем, то есть внеличностью, а также вневременностью. Эти предложения могут сохранять модальное значение. Остановимся на примерах: *Onun böyle âciz, belki de muhtaç olduğu bir zamanda bu darbeyi vurmak* (2, 201) 'Нанести ему этот удар, когда он еще так слаб и, может быть, нуждается (во мне)'; *Kendimi biraktım ve ne olursa olsun, kağıttamak* (2, 177) 'Остаться и, будь что будет, не вмешиваться'.

Наличие в масдарном предложении детерминанта может нейтрализовать модальное значение предложения. Ср.: *Benden söylemesi* (5, 103) 'Мое дело сказать' (букв. 'От меня — сказать').

Масдарное предложение, как и любое номинативное, может употребляться в речи как эллиптированный вариант полного двусоставного предложения. Такие варианты важно отличать от структурно законченных односоставных предложений. Ср.: *Bütün kış bekâr odalarında titre-*

¹⁴ См.: Д. Н. Шмелев. Указ. раб.

mek, her gece pastırma ile helvaya yatmak, iki şiirimi basacaklar diye cigeri beş para etmiyen dergi sahiplerine yaranmak... Bu mu idi hayat? (5, 13) 'Всю зиму дрожать в своей холостяцкой квартире, каждую ночь ложиться, набив желудок халвой и пастурмой, пресмыкаться перед издателями, гроша ломаного нестоящими, чтобы они напечатали хотя бы два твоих стихотворения... И это была жизнь?'

Из-за отсутствия четких критериев неизбежны затруднения в отграничении односоставных номинативных предложений от двусоставных эллиптированных. А. М. Пешковский, например, считал существенной чертой односоставных номинативных предложений «обязательное отсутствие специфически приглагольных членов»¹⁵, то есть тех потенциально предикативных членов, которые теперь вслед за Н. Ю. Шведовой принято называть «детерминантами»¹⁶. Действительно, номинативное предложение с детерминантом нельзя безусловно отнести к односоставному, так как в нем явно ощущается двукомпонентность, подтверждаемая интонационной расчлененностью. Ср., например, предложения с обстоятельственным детерминантом — локативом: Alevlerin ortasında. L dibi isli bir kazan. Kazanın içinde. Lıslak çamaşırlar (5, 105) 'Над огнем. L закопченный котел. В котле. L мокрое белье'.

Связь детерминанта с номинативом осуществляется на уровне предложения, так как детерминант распространяет предикативную основу предложения. Это конструктивный член предложения, но приравнивать его к главным членам, думается, оснований нет. Главная синтаксическая функция детерминанта — актуализация, поэтому позиция в начале предложения для детерминантной группы естественна. Когда же детерминант перемещается на последнее место в предложении, типичное для сказуемого, он вовлекается в группу сказуемого, становясь предикативным членом. Ср.: Serçe parmağında tenekeden mavî taşlı bir yüzük (5, 16) 'На мизинце у него жестяной перстень с голубым камнем' (односоставное номинативное предложение с обстоятельственным детерминантом); Çoğarlarım buluzum, sutiyeğim darma dalgın bir halde isklemenin üstünde (5, 22) 'Мои чулки, блуза, бюстгальтер — на стуле в полном беспорядке' (двусоставное предложение с предикативным обстоятельством).

Таким образом, порядок слов играет решающую роль в проблеме составности именных предложений. Наличие же в предложении зависимой словформы, непосредственно не подчиненной какому-либо слову, то есть детерминанта, не является признаком двусоставности, так же как и не обязательно свидетельствует о грамматической неполноте предложения, как полагал А. М. Пешковский.

Грамматическая неполнота является следствием пропуска (опущения, эллипсиса) члена предложения. Критерием пропуска члена предложения некоторые считают его словесное выражение в контексте, где он представлен эксплицитно, или однозначное понимание его из речевой ситуации, что предполагает его однозначное восстановление¹⁷. Пропуск члена предложения, таким образом, подтверждается не просто наличием зависимых словесных форм в составе предложения при отсутствии господствующего слова, но прежде всего данными контекста и ситуацией речи. В неполном предложении синтаксические отношения реализуются не полностью.

¹⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 377.

¹⁶ См.: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6; *её же*. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? — «Вопросы языкознания», 1968, № 2.

¹⁷ См.: П. А. Лекант. Указ. раб., стр. 126 и след.

Словесная невыраженность главного члена предложения может интерпретироваться как эллипсис или синтаксический нуль. О нулевом и эллиптированном подлежащем говорилось выше. Нулевое сказуемое¹⁸ иногда связывают с невыраженностью связки или некоего обобщенного глагола, семантика которого чаще всего соотносится с глаголами пребывания и движения. Отсутствие глагола в таких случаях не нуждается в возмещении. Предложения с нулевым глаголом-сказуемым не зависимы от контекста и обладают семантической полнотой. Они широко распространены в обиходно-разговорной речи, но для научной и официально-деловой речи не характерны. Эти предложения строятся по определенным стандартизованным моделям, обязательными компонентами которых являются независимый именной член предложения, обозначающий субъект, и наречие или предложно- (или послеложно-) падежная сильноуправляемая форма, содержащая в себе намек на обобщенную семантику глагола. В турецком языке особенно часты предложения с обстоятельственными предикативами в форме пространственных падежей. Ср.: ...ben oradan doğru Modadaki pansiyona (5, 26) '...оттуда я прямо в пансион, что на Моде'; Ben direksiyonda, o, esans kokan kürküne büzölmüş, uapımda (5, 14) 'Я за рулем, она рядом со мной, закутанная в меха, блуоухающие духами'.

Границы между неполными предложениями с эллипсисом глагола-сказуемого и предложениями с нулевым глаголом-сказуемым нечетки и размыты. Постепенными переходами связаны также двусоставные глагольные предложения с нулевым глаголом-сказуемым и именные предложения со связкой (если предложения со связкой не считать глагольными, что для турецкого языка естественно, поскольку связка в нем превратилась в аффикс). Чем более определена глагольная семантика, на которую намекает обстоятельственная форма, занимающая конечную позицию в предложении, тем ближе предложение к глагольному типу. Обстоятельная форма при этом употребляется без аффиксов сказуемости, и временная отнесенность обобщенного действия определяется контекстом. Ср.: Dolmabahçeye kadar geldik. Köpek de peşimizde tabii (5, 20) 'Мы дошли до дворца Долмабахче. И пес, конечно, за нами'.

Когда же обобщенность семантики переходит в десемантизацию, то предложение превращается в именное, и временная отнесенность отмечается в нем аффиксами сказуемости. Ср.: ...Konser bütün mahallenin hatirındadır (5, 92) '...Концерт в памяти всего квартала'; Jale, Nevin, Ihan, Sumru bergutat oradayular (5, 28) 'Жале, Невин, Ильхан, Сумру, как обычно, были там'.

Неполные предложения — контекстуальные и ситуативные (например, реплики побудительного значения типа «Çabuk kâğıt kalemler» diye haugırdı (5, 5) «Живо бумагу и перо», — закричал он») с точки зрения составности могут рассматриваться только как варианты полных предложений. Они представляют собой разовые видоизменения односоставных и двусоставных предложений при их функционировании в речи.

Фразеологизированные предложения (предложения-штампы, обычно формы выражения внимания, пожелания типа Hoşça kalın 'Счастливого оставаться', Geçmiş olsun 'Пусть будет прошлым ваше горе' и т. д.) как немоделируемые сближаются с «эквивалентами предложений» и выносятся за пределы основных грамматических типов предложения.

¹⁸ Существует терминологическая разнобой в обозначении предложений с нулевым сказуемым. Нам кажется неправомерным называть их «эллиптическими», ибо это стирает различие в понимании эллипсиса и нуля. Если использовать аналогию с нулевым подлежащим, то можно предложить называть предложения с нулевым глаголом-сказуемым «обобщенно-глагольными».

Что касается собственно номинативных предложений, то замечено, что существительным различной семантики в разной степени свойственно изолированное употребление в форме именительного падежа. Бытийное значение, с которым обычно связывается предикативность номинативных предложений, присуще в первую очередь фразам, образованным существительными с процессуальным и событийным значением, например: *Hata... Fahiş hata* (5, 29) 'Заблуждение... Грубейшее заблуждение'.

Существительные с предметной семантикой в независимом предикативном употреблении проявляют значение бытийности с опорой на контекст, что сближает их с неполными предложениями. Ср. экспозиционные предложения: *Yuvarlak bir masa. Dört şişe Dört kişi ve dört bardak şarap* (3, 210) 'Круглый стол. Четыре бутылки. Четыре человека и четыре стакана вина'; или предложения, связанные с предыдущим контекстом: *Ah şekerim, meğer Amerikan üniforması giyip Texas aksaniyle konuşan o sarışın temğen aslında İzmirli bir Türk genci değil miymiş? Hem de tanınmış aile çocuğu* (5, 27) 'Ах, дорогая, разве не оказался этот блондин, говорящий с тexasским акцентом и одетый в американскую форму, на самом деле турком из Измира? К тому же отпрыском известной фамилии'.

В особую группу выделяются существительные с оценочным значением, так называемые «обзывные» (типа *eşek kafa* 'ослиная голова', 'осел'), для которых предикативная функция характерна и показательна.

Собственно номинативные предложения четко отграничиваются от предложений, представляющих сочетания номинатива с детерминантом или с различными частицами [типа *işte* 'вот': *Işte kalem, işte kâğıt, otur yaz* (6, 481) 'Вот перо, вот бумага, садись, пиши'] и отличающихся автосемантической и интонационной расчлененностью. Но, поскольку эта расчлененность, двукомпонентность — не то же самое, что предикативная расчлененность предложений подлежащно-сказуемостной структуры, эту расчлененность иногда называют «квазипредикативностью»¹⁹.

Учитывая существенные различия в предикативном членении предложений, отличающихся по форме предикативных членов, то есть глагольных, масдарных и именных²⁰, можно прийти к выводу, что нет единого основания для их классификации по составности.

В предложениях, где морфологической опорой предикативности служит финитный глагол, основой деления на односоставные и двусоставные являются различия в морфологической структуре глагола. Порядок слов и интонация не влияют на составность. Различные виды подлежащего — основа для выделения разных видов двусоставных глагольных предложений. Сфера проявления безличности (односоставности) — значения возможности и необходимости.

Предикативное членение масдарных предложений затруднено из-за двойственной природы масдара, совмещающего признаки глагола и имени. Носителем предикативных категорий в них выступают модальные лексемы или предикативные наречия со значением оценки действия или состояния, место которых закреплено в конце предложения, основная же семантическая нагрузка приходится на масдар. Интонационная расчлененность характерна только для предложений с предикативными наречиями. В предложениях с модальными лексемами интонационное и се-

¹⁹ Д. Н. Шмелев. Указ. раб., стр. 85.

²⁰ Иногда выделяют еще группу слов-предложений как глагольного, так и именного типов: см.: С. А. Соколов. Тилы односоставных предложений в современном турецком литературном языке. — «Всероссийская тюркологическая конференция „Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР”». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976.

мантическое единство масдара и модальных лексем создает дополнительные трудности, позволяя говорить об аналитизме, о параллели с предложениями, где место масдара занимает имя существительное, видеть в них предикативную расчлененность, отличную, однако, от расчлененности предложений с подлежащим и сказуемым. Сфера проявления безличности (односоставности) в масдарных предложениях также связана с модальными значениями.

В именных предложениях предикативное членение основывается на порядке слов и интонации. Номинативные односоставные предложения связаны со значением бытийности и не вполне безразличны к лексическому наполнению и контекстному окружению. Сочетания номинатива с детерминантами и некоторыми частицами дают особый тип непредикативной, точнее «квазипредикативной» расчлененности, отличающий предложения, образованные этими сочетаниями, от собственно номинативных.

Неочевидность в некоторых случаях предикативного членения, сложность интерпретации некоторых видов выделяемых при грамматическом членении опорных членов, наличие постепенных переходов между полносоставными и неполными предложениями, возможность интерпретации невыраженных подлежащего и сказуемого как синтаксических нулей, расплывчатость границ между незамещенной и устраненной позициями — все это создает объективные трудности при классификации предложений по признаку составности.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ö. A. Aksoy. Atasözleri ve deyimler. Ankara, 1965.
 2. S. Ali. İçimizdeki şeytan. Sofya, 1956.
 3. N. Hikmet. Bütün eserleri. C. I. Sofya, 1967.
 4. N. Hikmet. Önsöz. (S. Ali. İçimizdeki şeytan. Sofya, 1956).
 5. H. Taner. Tuş. İstanbul, 1954.
 6. «Турецко-русский словарь». М., 1977.
 7. «Русско-турецкий словарь». М., 1972.
-

З. П. ДЕМЬЯНЕНКО

ДОЛГАНСКИЕ «КУЙКА», «КЫЙКА», «КЫН'ЫКА» И ИХ СВЯЗИ С ДАННЫМИ АЛТАЙСКИХ И ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В долганском языке слово *куйка* обозначает ту часть кожи головы человека, которая покрыта волосами. В данном значении это слово распространено среди носителей западного, центрального и восточного вариантов долганского языка. Выступает оно и в других смежных значениях: «макушка головы (у человека)», «темечко». В ранней работе Е. И. Убрятовой слово *куйка* приводится только в значении «кожа на голове человека» (Убрятова ЯНД).

Этимологически однокоренными с *куйка* являются и долганские слова *кыйка* и *кын'ыка*, означающие шкурку, кожу, сдираемую весной с рогов убитого оленя и употребляемую в пищу. Из двух существующих в долганском языке форм *кыйка* и *кын'ыка* более естественной является форма с *-н'*, так как чередование $\tilde{y} \sim \tilde{y} \sim \tilde{ny}$ (Убрятова Опыт 93-96) выступает регулярно ступенью *нь* (Убрятова 1966₄₆₋₄₇). Ср., например, якут. *туйах* ~ долг. *тун'ак* 'копыто'; якут. *мэйи* 'мозг', (диал.) 'голова' ~ долг. *мән'и*: 'голова' и др. В данном случае, кроме соответствия якут. *кыјаха** ~ долг. *кын'ыка*, имеется и вариант *кыйка*. Формы *кыйка* и *кын'ыка* территориально не закреплены, хотя отмечается некоторое преобладание варианта *кын'ыка* в речи долган западных районов. Форма же *кыйка* чаще встречается у восточных долган, проживающих на граничной с якутами территории (поселки Сындаско, Попигай). В связи с этим правомерен вопрос: не возник ли вариант *кыйка* под якутским влиянием и по аналогии со словом *куйка*?

По своему происхождению долганские *куйка*, *кыйка* и *кын'ыка* восходят к различным источникам.

Долганское *куйка* 'кожа на голове человека' Е. И. Убрятова справедливо считает эвенкийским по происхождению от эвенк. *куйка* 'череп' (Убрятова ЯНД). Характер эвенкийской лексемы, сопоставляемой с долганским *куйка*, побуждает нас подробнее остановиться на ней и выяснить, является ли долганское *куйка* прямым заимствованием из какого-либо диалекта эвенкийского языка, или же речь в данном случае может идти лишь о сохранении реликтового слова языка эвенков — предков современных долган. Дело в том, что в эвенкийском языке, судя по известным нам материалам, это слово отмечено только в нерчинском говоре и в записях М. А. Кастрена, которые, по мнению ученых, сделаны в районе Читы (Горцевская Очерк₁₃₋₁₄) у урульгинских и маньковских тунгусов — представителей (1) «нерчинского диалекта тунгусского языка...» (Дамдинов 1968₇₆). Приводим эти данные: эвенк. (нрч.) *куйка*, *куйка* 'череп' (ЭРС₂₁₆), (Кастр.) *куйка* 'кожа на голове', (Кастр.) *куй-*

* Здесь и далее в данной статье черное j соответствует — j. (Прим. ред.).

калā-, (нрч.) *куйкалā* — 'опалить (шерсть, волосы)' (ТМС I₄₂₄). Узколокальный характер и далеко отстоящий от долган ареал эвенкийских параллелей делают возможным отнесение долганского *куйка* к эвенкийской реликтовой лексике в языке долган, сохранившейся в речи тех эвенков, которые усвоили в свое время якутский язык и образовали ядро долганской народности (о формировании долганской народности см.: Убрятова 1966₄₂₋₄₆). Что касается происхождения данного названия в самом эвенкийском языке, то, по мнению В. Д. Колесниковой, оно заимствовано из монгольских языков (Колесникова₂₆₃).

Долганские же *кыйка* и *кын'ыка* унаследованы из якутского, составившего основу языка долган, и параллельны якутским *кыјаха*, *кујаха*, *кунјаха* 'кожа на голове у человека', 'кожа животного с опаленной шерстью', а также 'толстая наружная кожа у скота (со ссылкой на Д. Д. Попова)' (Пек.₁₁₉₉). Долганские *кыйка*, *кын'ыка* и якутское *кыјаха* — неогубленные варианты широко известного в якутском языке соответствия огубленных и неогубленных гласных первого слога, относящегося к явлениям якутской исторической фонетики (Убрятова Опыт₃₉₋₄₉). Современный якутский язык знает форму с огубленным гласным *куйаха* 'кожа головы', 'опаленная шкура (обычно на голове и ногах забитого скота)' (ЯРС₁₈₆). Особый интерес представляет отражение в языке долган значения якутского слова. Для обозначения кожи головы человека у долган уже имелось, по-видимому, свое слово *куйка* (это еще раз говорит в пользу предположения о реликтовом характере долганского *куйка*), поэтому эвенки, перейдя на якутский язык, использовали якутское слово только в одном из его значений — для обозначения новой для них реалии — молодой шкурки, кожицы на рогах убитых оленей, которую перед употреблением в пищу опаливали над костром. Таким образом, якутское значение «опаленная шкура» в долганском слове сохранилось, но уже применительно не к шкуре на голове и ногах забитого животного, ибо долганы, в отличие от якутов, вообще не употребляют в пищу опаленные олени головы и ноги.

Указанные выше якутские формы имеют убедительные параллели в тюркских языках: тел. *куйука* 'кожа на голове' (Р II₉₀₆), саг., кач., койб. *куйса* 'кожа на голове' (Р II₈₉₀), ойр. *куйка* 'кожа на голове' (ОРС₉₄), тув. *куйга* 'кожа на голове', 'паленая шкура' (ТРС₂₄₉), хак. *хуйга* 'кожа головы, покрытая волосами' (ХРС 1953₂₉₁), башк. *қойқа* 'паленая кожа, шкурка' (БРС 1958₃₃₄), кирг. *куйка* (или *куйка тери*) 'кожа головы', 'кожа паленой головы овцы или козы' (КРС₄₃₈), казах. *құйқа* 'опаленная кожа туши животных или головы и ног мелких животных (овцы, козы и т. д.)', 'головная (черепная) кожа человека' (Бегалиев КРС₂₁₂), ккалп. *қуйқа* 'опаленная кожа (барана)' (ККРС₄₀₇), уйг. *қуйқа* 'опаленная и сваренная кожа с головы овцы', 'кожа на голове человека' (УРС 1968₆₁₈), ср.-тюрк. *қујқа* 'кожа, шкура' (МК Индекс₃₇₅; ДТС₄₆₄), др.-тюрк. *қујқа тери* 'шкура, кожа' (ДТС₄₆₄).

Этимология указанного названия в упомянутых языках остается, однако, до сих пор научно не раскрытой. Нам известна лишь точка зрения М. Рясянена, который считает возможным связывать форму **куйка* с **куйак* 'панцирь' (Räsänen VEWT_{301 в}).

Наблюдения над семантикой долганских слов и привлекаемых для сравнения тюркских соответствий позволяют высказать некоторые соображения, которые могут оказаться полезными для выяснения этимологии приведенного выше гнезда слов.

За исходный следует принять тот факт, что основным значением у анализируемой группы слов является паленая кожа, шкура (чаще на голове и ногах животных, то есть на частях их туши, непо-

средственно употребляемых в пищу, и даже на всей туше целиком определенных животных — обычно свиньи или курицы, — с которых, в отличие от крупного рогатого скота, перед употреблением шкура опаливается, а не снимается). Хотя в большинстве из названных языков за указанным словом сохранилось лишь значение части кожи головы, покрытой волосами, значение «паленая шкура, кожа» является, по-видимому, первичным, так как оно регулярно сохраняется в глагольных образованиях, широко представленных в тюркских языках: якут. *кујахалā*-, *кунјахалā*-, *кыјахалā*- 'опалить (шерсть или волосы)' (Пек.₁₁₉₉), тув. *куйгалаар* 'палить, опаливать (шкуру)' (ТРС₂₄₉), ойр. *куйкала*- 'палить, опаливать (курицу, свинью)' (ОРС₉₄), кирг. *қијаала*- 'палить, опаливать (курицу, барана)' (Юдахин 1940₃₉₅), др.-тюрк. *қијаала*- 'снимать шерсть со шкуры, обезволашивать шкуру' (ДТС₄₆₄). Исконное значение у именной основы также сохранилось в целом ряде языков. Ср., например, тув. *куйга* 'паленая шкура', башк. *қойқа* 'паленая кожа, шкурка', якут. *кујаха* 'опаленная шкура (обычно на голове и ногах забитого скота)', долг. *кын'ыка*, *кыйка* 'опаленная шкурка с рогов убитого оленя'; ср. также др.-тюрк. *қија теги*, которое значит, видимо, не вообще «кожа, шкура», как это приведено в ДТС₄₆₄, а именно «паленая кожа, шкура».

Указанная семантика анализируемых слов позволяет связывать их внутреннюю форму с понятием «нечто обгоревшее, опаленное (огнем)», представляющих, по всей видимости, производное отглагольное образование со значением результата. Аффиксальный элемент $\frac{k}{z} a$ — обще-

тюркское достояние и образует в тюркских языках отглагольные имена со значением орудия, приспособления, процесса, результата, признака (Севортян АИ₂₂₇₋₂₃₄). Исходная глагольная морфема сохранилась в чистом виде, например, в киргизском: *куј*- 'гореть' (Юдахин 1940₂₈₀).

Гнездо анализируемой группы слов может быть значительно расширено путем привлечения сравнительных данных не только тюркских, но и монгольских языков. Ср., например, п.-монг. *хи́ха*, монг. *хуйх*, бур. *хуйха* ~ *хууха* 'кожа черепа', 'опаленная кожа' (по: ТМС I₄₂₄), калм. *хуух* 'толстая кожа', *хуухин усн босх* 'сердиться, нервничать' (*букв.* 'волосы на голове встали дыбом'), *хуухлата* 'опаленный (например, о туше кабана)', *хуухлх* 'палить, опаливать (например, голову и ноги барана перед варкой)', 'спалить, сжечь что-либо' (КРС 1977₆₁₅₋₆₁₆) и др. Независимо от того, заимствования ли это или генетически общие с тюркскими слова, семантические показания имеют здесь весьма существенное значение для определения внутренней формы тюркских слов.

Приведенные примеры, безусловно, не исчерпывают полностью состава и содержания изучаемого этимологического гнезда слов. Здесь, видимо, могут быть упомянуты также и некоторые другие тюркские производные основы, объединенные общим значением исходной морфемы: *'гореть', *'обгореть', *'огонь', *'жар' и др. Ср., например, тюрк. *қијаš* 'солнце', якут. *кујāс* 'солнечный жар', *кујār*- 'палить, жарить (о солнечной погоде)', *кыјаха*, *кујаха*, *кунјаха* 'обжигание', хак. *хуюх* 'гарь; запах паленой шерсти, кожи', алт. (тел.) *куйук* 'чад; запах жареного, свечи, тлеющей тряпицы' и др.

Производящая основа всех приведенных выше образований может быть выделена и представлена в виде $*\frac{k}{x} V_j \sim * \frac{k}{x} V_j \sim * \frac{k}{x} V_n$. Если конечный ее элемент рассматривать не в синхронном плане, как чередование звуков, а исторически, как грамматические форманты, то для объяснения этих элементов можно обратиться (хотя и с большой осторож-

ностью) к доалтайскому состоянию, то есть к полисинтетическим языкам типа енисейских, и в своих посылках исходить из выдвинутой А. П. Дульзоном рабочей гипотезы об отдаленном родстве алтайских и енисейских языков и о полисинтетическом строе языков доалтайского состояния, в которых «двусложное глагольное слово... содержало две морфемы с лексическим значением» (Дульзон 1973₉₄ и указанная там же на стр. 104 литература). Так, глаголы «сжигать», «обжигать», «лечь» имеют в кетском, живом представителе енисейских языков, в качестве определяющей подосновы морфему *хот* со значением *'огонь' (ср. коттское *һат* 'огонь') (Дульзон КЯ₅₆₂). При этом следует учесть известное в енисейских языках чередование анлаутных $h \sim k$; ср. также кетское *кук* 'копоть, сажа' (Дульзон КЯ₅₂₉). Тогда корневой элемент в приведенных выше алтайских (тюркских и монгольских) и в указанных енисейских формах может быть представлен в виде $\frac{k}{x} V$, к которому присоединялись, видимо, различные грамматические показатели. Так, в кетском языке *-т* и *-й* (*-j*) представляют собой аффиксы состояния: *т* — осуществленного кем-то, *й* — наличного (медиального) (Дульзон 1973₉₅). Значит, форму $*h \frac{o}{a} t$ *'огонь' можно толковать как *'зажженный кем-то' (ср. в этой связи общетюркское название огня **ōt*; этимологическую разработку см. в: Севортян 483-484), а морфему $\frac{k}{x} Vj$ как *'обгоревший сам'.

Вторая часть тюркских слов, формально выделяемая как словообразовательный аффикс, также может получить вполне достоверное историческое осмысление на материале енисейских языков, сохранивших полисинтетический строй. Так, в кетском языке, «когда аффикс *k* соотнесен с предшествующей морфемой, целое приобретает значение „осуществленным сделаться“, откуда возникла возможность переосмысления *k* в суффикс прошедшего времени» (Дульзон 1973₉₅). Тогда, например, кетское *кук* 'сажа, копоть' может быть понято как *'нечто сгоревшее', что вполне соответствует значению современного *кук* в кетском. Элемент *a* известен в кетском языке как глагол «делать».

Таким образом, генезис интересующих нас современных названий (опаленной) кожи головы семантически может быть осмыслен как *'обгоревший, опаленным сделавшийся». В этом случае особенно показательна древнетюркская форма *қија теги* *'паленая (<*опаленной сделавшаяся) кожа, шкура', приведенная в ДТС₄₆₄ с пометой *пáрное*, которая свидетельствует о том, что *қија* в тот период самостоятельно еще не употреблялось. Позднее, в результате забвения внутренней формы, слово *қија* стало употребляться отдельно и претерпело в языках некоторые изменения в семантике.

Сделанные наблюдения не охватывают, естественно, всего состава и содержания анализируемой группы слов. Так, в енисейских языках имеется, видимо, однокоренная, но морфологически затемненная в этих языках, лексема. В имбатском диалекте кетского языка отмечено слово *кэ'йга*, *койга*, *койча* и т. п., которое означает здесь «голова (человека и животных)», а также «волосы» (п. Суломой) (КС). В сымском диалекте кетского языка слово *кэ'йгын* встречается в значении «мозг». В данном случае, по мнению Т. И. Поротовой, в результате заимствования из имбатского диалекта, произошло не только переосмысление числа, но и изменение значения слова: кет. (имб.) *кэ'йга* 'голова' — множественное число *кэ'йчан*, кет. (сым.) *кэ'йгын* 'мозг' — множественное число *кэ'йго-*

ныц (Поротова 1970₃₅₋₃₆). Данное название может иметь заимствованный характер и в имбатском диалекте кетского языка. На это косвенно указывает «размытость» границ значения, что говорит об отсутствии в сознании носителей языка семантической мотивированности данного слова. На материале кетского языка это название не поддается морфологическому анализу, хотя, как предполагает Т. И. Поротова (устное сообщение), со стороны внутренней формы оно может быть соотнесено с понятием «пустой (кет. *куй*), вместилище». О заимствованном характере в кетском приведенной выше лексемы говорит и тот факт, что это слово не является единственным для обозначения головы как в самом кетском, так и в других енисейских языках. Известны следующие названия головы: имбатское *ты, чиг*, ассанское *тогай, тагай, такай*, коттское *тагай*, пумпокольское *колга*, аринское *колк'а* (Дульзон СМ₁₆₂), сымское *чиһ* (КС). Источником заимствования в кетский могли быть языки исторически связанных с кетами качинцев, сагайцев, бельтиров, койбалов, тувинцев, тунгусов (подробные сведения об историко-этнографических связях кетов с сибирскими народами приводятся, например, у Е. А. Алексеенко). Причиной заимствования явилась, по всей видимости, необходимость (при наличии исконного названия для головы вообще) специального наименования *шкуры с головы* некоторых животных и птиц, которая широко использовалась у кетов в хозяйстве. Семантика слова в языках-источниках («кожа на голове») такому предположению не противоречит. Так, из шкурок с голов гагар шили мешочки для сахара и чая (Алексеенко₁₁₇), а елогуйские кеты сохранили воспоминание о головном уборе, который представлял собой шкуру с головы оленя или лося, снятую чулком (Алексеенко₁₄₈). Е. А. Алексеенко считает, что этот архаичный головной убор и был, возможно, наиболее распространенным у кетов в далеком прошлом, и только позднее, под влиянием русских, вошел в употребление платок. К этому периоду, по-видимому, и относится развитие в кетском у слова *къ'ойга* из значения *'шкура головы' отмеченных выше значений «голова», «волосы», «мозг», появление которых основано на перенесении значения на смежные понятия, что вообще характерно для названий частей тела.

Вместе с тем, видимо, не следует исключать и другую возможность в трактовке кетских параллелей, которые могут быть здесь исконными, хотя достоверных аргументов и в пользу этого предположения явно недостаточно. Так, если допустить исконный характер *къ'ойга, койча* в кетском и принять для них предложенный выше морфемный состав в виде

$kVj\frac{k}{2}a$ *'опаленная (шкура, кожа)', то придется констатировать до-

вольно существенные изменения в семантике кетского слова. Весь ход этих семантических изменений может быть представлен следующим образом. Предки современных кетов, так же как и древние тюрки, опаливали головы убитых животных, а анализируемое слово было известно в кетском в значении «опаленная шкура с головы животных». Позднее, в связи с новыми особенностями быта, обусловленными, в частности, другими климатическими условиями, этот обычай был утрачен, и шкура с головы некоторых животных (олений, лосей) стала использоваться в качестве головного убора, обозначавшегося уже имевшимся в языке словом *к'Уйга*. И, наконец, в дальнейшем, в связи с распространением русского платка, слово *к'Уйга*, по-видимому, утратило это специальное значение и приобрело новое — «шкура, кожа головы», из которого и могли развиться современные значения «голова», «волосы», «мозг».

Особенности приведенных выше кетских слов требуют, безусловно, проведения дополнительных разысканий со стороны кетологов. Тем не

менее привлечение этих, хотя и спорных, данных для анализа тюркских слов, как нам кажется, вполне оправдано.

Таким образом, первоначально синхронный анализ долганских *хуйка*, *кыйка*, *кын'ыка* и выяснение характера их связи с данными якутского и эвенкийского языков, послуживших базой для формирования лексической системы современного языка долган, позволяют сделать ряд заключений о семантике анализируемых слов. Привлечение сравнительного материала из других родственных и предположительно отдаленно родственных языков позволило в своей совокупности определить исходную семантику рассмотренных слов, осмыслить их внутреннюю форму и сделать изложенные выше выводы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Алексеевко* — Е. А. Алексеевко. Кеты. Л., 1967.
Бегалиев КРС — Г. Б. Бегалиев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1945.
БРС 1958 — «Башкирско-русский словарь». М., 1958.
Горцевская Очерк — В. А. Горцевская. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959.
Дамдинов 1968 — Д. Г. Дамдинов. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора. — «Исследования бурятских говоров», вып. 2. Улан-Удэ, 1968.
ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
Дульзон КЯ — А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968.
Дульзон СМ — А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям. — «Ученые записки Томского пединститута», т. XIX, вып. 2 (Лингвистические науки). Томск, 1961.
Дульзон 1973 — А. П. Дульзон. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернатив. — «Советская тюркология», 1973, № 5.
ККРС — «Каракалпакско-русский словарь». Под редакцией Н. А. Баскакова. М., 1958.
Колесникова — В. Д. Колесникова. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках. — «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972.
КРС — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
КРС 1977 — «Калмыцко-русский словарь». Под редакцией Б. Д. Муниева. М., 1977.
КС — «Кетский словарь» (Материалы рукописного кетского словаря, находящиеся в картотеке им. А. П. Дульзона при Томском пединституте).
МК Индекс — Словарь Махмуда Кашгарского «Собрание тюркских наречий (языков)», 1072—74 гг. по: Девону луготит турк. Индекс — лугат. Ташкент, 1967.
ОРС — «Ойротско-русский словарь». Составили Н. А. Баскаков и Т. М. Тошакова. М., 1947.
Лек. — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, I—III. Б. м., 1959 (фототип).
Поротова 1970 — Т. И. Поротова. Диалектные особенности образования форм множественного числа кетских существительных. — «Языки и топонимия Сибири», вып. III. Томск, 1970.
Р (I, II, III, IV) — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
Севортян — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
Севортян АИ — Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке (Опыт сравнительного исследования). М., 1966.
ТМС I — «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (Материалы к этимологическому словарю). Отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975.
ТРС — «Тувинско-русский словарь». Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968.

- Убрятова Опыт* — Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.
- Убрятова 1966* — Е. И. Убрятова. О языке долган. — «Языки и фольклор народов Сибирского Севера». М.—Л., 1966.
- Убрятова ЯНД* — Е. И. Убрятова. Язык норильских долган. Канд. дисс., 1940 (рукопись).
- УРС* — Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
- ХРС 1953* — «Хакасско-русский словарь». Составили Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. М., 1953.
- ЭРС* — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка. М., 1958.
- Юдахин 1940* — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940.
- ЯРС* — «Якутско-русский словарь». Под ред. П. А. Слепцова. М., 1972.
- Räsänen VEWT* — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

Б. Х. ИСМАГУЛОВА

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ И РАЗЛИЧИЯ В СФЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование лексической семантики разных языков позволяет выявить общезыковые и специфические особенности формирования лексического значения и его функционирования в речи. На лингвистической конференции, состоявшейся в 1967 году в Новосибирске, отмечалось, что «типологическое изучение плана содержания является необходимым условием для получения полного представления о сходных и различных чертах человеческих языков, о принципиальном устройстве механизма языкового общения»¹.

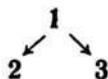
В данной статье рассматривается один из аспектов лексической семантики — полисемия прилагательных — в русском и казахском языках. Несмотря на то, что анализируемые языки относятся к различным языковым семьям — индоевропейской и тюркской — в области их лексической семантики (в частности, в закономерностях образования производных значений) наблюдается немало общего. Проведенные исследования указывают на то, что моменты сходства в моделях семантического развития² русских и казахских многозначных прилагательных преобладают. Однако это, конечно, не означает полной эквивалентности корреспондирующих слов двух языков.

Необходимо иметь в виду, что семантическая структура многозначного слова может быть адекватна той или иной модели семантического развития (если она складывается из двух лексико-семантических вариантов), но может также включать и другие модели (если состоит из трех и более лексико-семантических вариантов). Так, семантическая структура прилагательного «свинцовый», состоящего из двух лексико-семантических вариантов: 1) сделанный из свинца и 2) похожий цветом на свинец («свинцовое небо») — исчерпывается моделью «от признака по материалу к визуальному цветовому признаку»; семантиче-

¹ Б. Ю. Городецкий. О предпосылках семантической типологии. — В сб.: «Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции». Новосибирск, 1967, стр. 3.

² См. об этом: Л. А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954, стр. 55—56; В. И. Зимин. О мотивировке метафорических значений слов. — В сб.: «Лексико-грамматические записки». М., 1976, стр. 17; «Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 104—107, 111; Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 23; Д. Н. Шмелев. О третьем измерении лексики. — «Русский язык в школе», 1971, № 2, стр. 8—11; *его же*. О переносных значениях слов. — «Русская речь», 1978, № 3, стр. 63—68; А. Н. Шрамм. Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке. — Межвузовский сб.: «Вопросы семантики». Вып. I, 1974, стр. 5.

ская структура прилагательного «стальной», состоящего из трех лексико-семантических вариантов: 1) сделанный из стали («стальной клинок»), 2) похожий цветом на сталь («стальные волны»), 3) крепкий, прочный («стальные нервы») — помимо модели «от признака по материалу к визуальному цветовому» (1→2) включает также модель «от признака по материалу к умозрительно-оценочному» (1→3). В целом семантическую структуру его можно представить следующей схемой:

Ниже анализируются в основном соответствия—несоответствия закономерностей образования производных значений в русских и казахских прилагательных; объектом наблюдения являются семантические отношения между первоначальным и производным значениями в слове, а не семантическая структура многозначного прилагательного в двух языках; следовательно, чаще будут упоминаться моменты соответствий, нежели различий. Причина кроется, на наш взгляд, в ряде обстоятельств, связанных как с явлениями лингвистического, так и экстралингвистического порядка.

Развитие производного значения слова, будучи языковым фактом, имеет психологическую, гносеологическую, социальную природу. Различные ассоциации, сравнения, проведение аналогий, без которых невозможно образование производных значений любых типов³, имея своей основой установление временных связей, оказываются общими для носителей разных языков. Кроме того, анализируемые языки — русский и казахский — более полувека находятся в самом тесном контакте во всех сферах хозяйственной и культурной деятельности, что обуславливает проникновение многочисленных заимствований различного характера и проявление закона аналогии языковых изменений и т. д. Таким образом, благодаря многочисленным причинам как лингвистического, так и экстралингвистического характера производные значения в обоих языках формируются в основном по общим правилам.

Назовем модели семантического развития русских полисемичных прилагательных, действующие и в казахском языке. Степень продуктивности моделей не всегда совпадает в анализируемых языках, но оба они располагают словами, семантическое развитие которых шло по следующим моделям.

1. От признака лица к умозрительно-оценочному признаку предмета или отвлеченного понятия. Очевидно, эта способность слов, называющих признаки лица, служить наименованием умозрительно-оценочного признака предмета или отвлеченного понятия объясняется, независимо от языка, свойством человеческого мышления вообще, характерным для человека олицетворением неживой природы. Таковы прилагательные: *жомарт кісі* 'щедрый человек' и *жомарт жер* 'щедрая земля', *батыл бала* 'смелый мальчик' и *батыл ой* 'смелая мысль', *бұйра шаш* 'кудрявые волосы' и *бұйра толқын* 'кудрявые волны', *долы әйел* 'злая женщина' и *долы боран* 'сильный буран', *көңілді көрші* 'веселый сосед' и *көңілді күй* 'веселый (о музыкальном произведении)'.³

2. От визуального признака к умозрительно-оценочному признаку предмета или отвлеченного понятия: *жазық дала* 'открытая, ровная местность, равнина' и *жазық мінез* 'спокойный, ровный характер', *қарулы*

³ Имеются в виду производные значения по способу образования: метафорические, метонимические, по сходству функций.

жау 'вооруженный враг' и *қарулы сын* 'сильная, обоснованная критика', *қисық сызық* 'кривая линия' и *қисық мінез* 'упрямый, капризный характер' (букв. 'кривой') *таза сүлгі* 'чистое полотенце' и *таза пиғыл* 'чистые помыслы', *үлкен терезе* 'большое окно' и *үлкен міндет* 'высокий долг', *тура жол* 'прямая дорога' и *тура сөздер* 'прямые слова', *асқақ тау* 'высокие горы' и *асқақ қиял* 'высокая мечта, высокие устремления', *ірі жидек* 'крупная ягода' и *ірі ғалым* 'крупный ученый' и др.

3. От тактильного признака к умозрительно-оценочному признаку лица, отвлеченного понятия: *қатты нан* 'черствый хлеб' и *қатты адам* 'черствый человек', *өткір пышақ* 'острый нож' и *өткір тіл* 'острый язык', *суық күн* 'холодный день' и *суық үн* 'холодный, безразличный голос', *салқын кеш* 'прохладный вечер' и *салқын амандасу* 'сухое приветствие', *ұяң жүн* 'мягкая шерсть' и *ұяң жас жігіт* 'застенчивый, робкий юноша', *ауыр шелек* 'тяжелое ведро' и *ауыр жол* 'тяжелая, трудная дорога', *жеңіл зат* 'легкая вещь' и *жеңіл тұрмыс* 'легкая жизнь', *қатыңқы жер* 'твердая, сухая земля' и *реңі, қабағы қатыңқы* 'суровое лицо, выраженные лица', *салмақты жүк* 'тяжелый багаж' и *салмақты сөз* 'весомое слово' и др.

4. От тактильного признака к признаку количественному, меры: *қатты қамыр* 'крутое тесто' и *қатты боран* 'сильный буран', *өткір балта* 'острый топор' и *өткір жел* 'пронизывающий ветер', *ыстық ауа* 'горячий воздух' и *ыстық сезім* 'горячее, сильное чувство', *ыстық қуаныш* 'большая радость', *қалың көрпе* 'толстое одеяло' и *қалың ой* 'глубокое раздумье', *қюю қаймақ* 'густая сметана' и *қюю қараңғы* 'плотная темнота' и т. п.

5. От визуального, пространственно-размерного признака к интеллектуальному признаку лица или отвлеченного понятия: *тайыз өзен* 'мелкая река' и *тайыз ой* 'неглубокая мысль', *терең шұңқыр* 'глубокая яма' и *терең мағыналы сөз* 'слово с глубоким смыслом', *алыс үй* 'дальний дом' и *алыс туысқан* 'дальний родственник', *алыс арман* 'далекая мечта' и др.

6. От визуального, пространственно-размерного признака к временному признаку: *қысқа тон* 'короткий тулуп' и *қысқа әңгіме* 'короткий рассказ', *жақын мектеп* 'школа, находящаяся близко' и *жақын күндер* 'ближайшие дни', *арғы есік* 'дальняя дверь' и *арғы заман* 'давнее время, эпоха' и др.

7. От признака по материалу к умозрительно-оценочному признаку лица, отвлеченного понятия: *тас үй* 'каменное здание' и *тас жүрек* 'каменное сердце, черствый человек', *саз балшық* 'вязкая почва' и *саз бет* 'человек с каменным выражением лица, «толстокожий», *алтын сағат* 'золотые часы' и *алтын ана* 'золотая, бесценная мать' и т. д.

8. От каритивного признака лица к отрицательному признаку. В казахском языке чаще развивается умозрительно-оценочный отрицательный признак, а в русском — нравственно-оценочный отрицательный признак: *мылқау бала* 'глухонемой мальчик' и *мылқау тысым* 'полная, гробовая тишина', *аяқсыз қарт* 'безногий старец' и *аяқсыз әңгіме* 'пустой, безрезультатный разговор' *соқыр кемпір* 'слепая старуха' и *соқыр сезім* 'слепое чувство'.

9. От признака по материалу к признаку визуальному, цветовому: *күміс қасық* 'серебряная ложка' и *күміс шаш* 'серебряные волосы', *алтын шашбау* 'золотые подвески' и *алтын күн, алтын сәуле* 'золотое солнце, золотой луч'. Данная модель не отличается высокой продуктивностью в казахском языке.

Отсутствие в казахском языке притяжательных прилагательных придает соответствующее своеобразие семантическим эквивалентам

русских притяжательных прилагательных: модель «от признака принадлежности, свойственности к умозрительно-оценочному признаку» в казахском языке не функционирует. Отношения принадлежности передаются в казахском языке сочетанием двух существительных: *нанның дәмі* — вкус хлеба, *күннің көзі* — луч солнца (солнечный), *шешемнің көзілдірігі* — очки матери (мамины), *аңның ізі* — следы зверя (звериные), *мал азығы* — корм для скота, *қала халқы* — население города (городское), *қар суы* — вода из снега (снеговая), *сауыншы еңбегі* — труд доярки, и др. Наличие специальных аффиксов *-ның, -дың, -тың, -нің, -дің, -тің*, служащих для выражения принадлежности, свойственности в широком смысле, является существенным препятствием для развития производных значений в пределах подобных словосочетаний. Даже внешнее отсутствие названных аффиксов (они могут опускаться в определенных условиях — см. последние четыре словосочетания выше) не позволяет употреблять их в переносном смысле — настолько сильно ощущаются отношения принадлежности в пределах таких конструкций. Заметим, что и в русском языке признак принадлежности сильнее и ярче проявляется в словосочетаниях из двух существительных, нежели в словосочетаниях, состоящих из существительного и прилагательного. Последние потому и способны развивать производные умозрительно-оценочные значения, что признак принадлежности в них выражен слабее: материнская ласка — ласка матери и ср. «как у матери»; волчий аппетит — аппетит волка и ср. «как у волка»; царский подарок — подарок царя и ср. «как у царя, богатый, щедрый»; ослиное упрямство — упрямство осла и ср. «тупое, ненужное, как у осла». Напомним следующее положение: «... Основной функцией прилагательных с *-ск-* и *-ү-*, образуемых от основ существительных нарицательных, было обозначение отношений к роду лиц; на этой основе легко развивались качественные значения свойственности, подобия („такой, как у...“): монашеское поведение, юношеская мечтательность, помещичий дом, воровские глаза... Ср. такие прилагательные, как *ангельский, гигантский, богатырский, исполинский, царский, шегольской, плутовской, шутовской, чертовский, рыцарский, дьявольский, родительский, братский, сестринский, фарисейский, диктаторский, сиротский, приятельский* и др., приобретшие устойчивые („словарные“) качественные значения»⁴.

Сравним казахские соответствия прямого и переносного значений русских притяжательных прилагательных, например, лебединая шея — 1) шея лебедя (прямое) *аққудың мойны*, 2) шея такая, как у лебедя, красивая, грациозная (производное переносное значение) *қаз мойын*, что дословно значит «шея такая, как у гуся», а не у лебедя, как в русском языке; царский подарок — 1) подарок царя (прямое) *патишаның сыйлығы*, 2) щедрый, богатый, подарок (производное переносное) *орынды, бағалы сыйлық*.

Различие в значениях притяжательности и оценочности имеет материальную форму выражения: первое оформляется особой конструкцией *ілік септік* с характерным окончанием определяемого существительного (*мойынЫ, сыйлығыЫ* — в приведенных примерах) и аффиксами *-ның, -дың, -тың* с их мягкими вариантами у зависимых существительных — компонентов словосочетания.

Модели «от культуроведческого признака к нравственно-оценочному» и «от культуроведческого признака к признаку лица» в казахском

⁴ «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Кн. 1. «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 296—297 и 319.

языке почти не наблюдаются. Думается, причина этого в том, что большинство слов, называющих культуроведческий признак, заимствованы казахским языком из русского, причем они не потеряли еще оттенка заимствованности, чтобы развивать производные значения: классический — 1) являющийся классикой, созданный классиками — **классикалық** (*шығарма, еңбек*), 2) античный, относящийся к древней греко-римской культуре — **классикалық** (*тілдер*), 3) *перен.* типичный, характерный (разг.) — **нақтылы, айқын** (*нақтылы үлгі*); трагический — 1) такой, как в трагедии, свойственный ей — **трагедиялық, қайғылы, аянышты** (*трагедиялық стиль*), 2) играющий в трагедиях — **трагедиялық** (актер), 3) ужасный, потрясающий, полный страданий — **жан түршігетін, қорқынышты, аянышты, қайғылы** (*қайғылы оқиға*); театральный — 1) театр, театрлық (*өнері, билеті*), 2) *перен.* неестественный, показной, ходульный — **жасанды, табиғи емес** (*жасанды келбет*); мифический — 1) мифтік (сюжет), 2) *перен.* легендарный — мифтік (адам), 3) *перен.* вымышленный — мифтік, қыялдық; музыкальный — 1) музыка, музыкалық (*аспан*), 2) одаренный — **музыкаға қабілетті** (бала), 3) мелодичный — **эуенді** (*үн*): *Темирәлі мен жесір әйел Қарашаш арасындағы драмалық күйді де тереңдете түсуге болар еді*⁵ 'Можно было бы углубить сложные драматические отношения между Темиралей и вдовой Карашаш' (перевод здесь и далее наш. — Б. И.).

Единичны соотношения: от культуроведческого признака к положительно умозрительно-оценочному признаку, как и в русском языке, например, *бай адам* 'богатый человек' и *дауысы бай* 'богатый голос': *Ермектің бай репертуарында шетел композиторларының да ондаған шығармалары бар*⁶ 'В богатом репертуаре Ермека (народного артиста СССР Серкебаева. — Б. И.) десятки произведений зарубежных композиторов'; *Халық музыкасының қымбат туындылары шебер әншінің орындауында бұрыңғысында өзгеше әсерлі, әсем болып көңілге ұялайды*⁷ 'В исполнении искусного певца бесценные произведения народной музыки особенно западают в душу, волнуют'.

В описываемой семантической сфере слов (называющих культуроведческий признак) трудно разграничить заимствование и семантическое калькирование: являются ли производные оценочные значения заимствованными вместе с культуроведческими или более поздними семантическими кальками, например, патриархальный строй — *патриархалдық құрылыс*, патриархальные взгляды (производное) — *патриархалдық көзқарас*, художественный руководитель театра — *театрдың көркемдік жағын басқарушысы*, художественная литература — *көркем әдебиет*, художественное исполнение — *көркем орындау*. Но, как правило, производные значения прилагательных с первоначальным культуроведческим значением в казахском языке оказываются либо заимствованными вместе с первоначальным смыслом, либо образованными путем калькирования семантики русского многозначного прилагательного; казахские прилагательные с культуроведческим значением оценочных производных значений не развивают, поэтому семантический объем слов этой сферы в обоих языках не совпадает; два значения одного прилагательного переводятся двумя разными словами казахского языка, например, «искусственный» — 1) *жасанды, қолдан істелген*, 2) *сұрқия, айлакер, мекер*; «картинный» — 1) *суретті*, 2) *әдемі, көрнекті*.

⁵ Газ. «Қазақ әдебиеті» от 28 октября 1977 года, стр. 3.

⁶ Там же, от 21 октября 1977 года, стр. 2.

⁷ Там же.

Кроме моделей, функционирующих только в русском языке, нам удалось выявить такие закономерные соотношения между семантической сферой первоначального и производного значений полисемичных прилагательных, которые характерны лишь для казахского языка. Такова модель «от признака животного к умозрительно-оценочному признаку лица, отвлеченного предмета, понятия». Признак одушевленных существ, в особенности животных, в казахском языке ярко выделяется в ряду других признаков. В русском языке он недифференцированно входит в общий тип признака одушевленных существ и не противопоставляется признаку лица, как в казахском языке. Ср. *асау қошқар* 'строптивый баран' и *бас асау адам* 'несговорчивый, упрямый человек', *асау толқын* 'игривая волна'; *жүгенсіз ат* 'необузданный конь' и *жүгенсіз адам* 'недисциплинированный человек'; *күйлі тоқты* 'упитанный баран' и *күйлі көрші* 'зажиточный сосед'; *күйлі өмір* 'обеспеченная жизнь'; *үйірсек құлын* 'привыкший к своему косяку жеребенок' и *үйірсек бала* 'общительный ребенок'; *қасқа сиыр* 'корова с белой отметиной на лбу' и *қасқа* 'человек, вызывающий сочувствие'.

Не имеет соответствий в русском языке также соотношение «от признака количественного, меры к умозрительно-оценочному признаку»: *артық дәптер* 'лишняя тетрадь' и *сапасы артық зат* 'изделие более высокого качества', *тұзы кемдеу* 'мало соленый, недосоленный' и *мағынасы кемдеу сөйлем* 'малосодержательное, малозначимое высказывание'.

Роль контекста в определении актуализируемого значения особенно возрастает в казахском языке, агглютинативном по своей грамматической природе. Границы между лексико-грамматическими классами слов в нем не оформлены в строго определенных материальных показателях, каковыми являются, например, флексии в русском языке, что делает более весомым семантический аспект языковых единиц, их смысл. Наблюдаемая при этом омонимия частей речи ведет к усилению семантической нагрузки, смысловой информативности не только омонимичного слова, но и всех других слов, составляющих контекст. В особенности это относится к случаям актуализации в речи производных значений. В выражениях *кәрі түлкі* 'старая лисица', *үлкен айна* 'большое зеркало', *белгілі шебер* 'известный мастер', *жарық тас* 'треснутый камень', *піскен қарақат* 'спелая смородина', *дәмді алма* 'вкусное яблоко', *ірі маржан* 'крупный жемчуг', *еденнің жарығы* 'щель в полу', *жалғыз құмырсқа* 'один муравей' вторые слова называют предмет в широком смысле, являются именами существительными, а в выражениях *түлкі мінез* 'хитрый, лживый человек', *айна көлдер* 'зеркальные озера' *шебер қолы* 'умелые руки', *тас жүрек* 'черствое сердце', *қарақат көздер* 'красивые, живые, как ягоды смородины, глаза', *алма мандай* 'красивый лоб (букв. 'как яблоко')', высокий, гладкий', *маржан тіс* 'ровные, белые, блестящие зубы, как жемчужины', *жарық ақжұман* 'треснувший чайник', *құмырсқа бел* 'муравьиная, тонкая талия' — те же слова называют признаки предметов и являются именами прилагательными. Значение признака, развиваемое в этих словах, является вторичным, производным по отношению к предметному значению и актуализируется в соответствующем контексте.

Выявление типологических соответствий и различий в сфере лексической семантики двух языков позволяет наметить новые пути обогащения русской речи нерусских многозначными словами. Анализ множества слов, семантика которых развивалась по одной модели, приводит к усвоению данной модели семантического развития слов. Учитель в школе не будет вводить понятие модели, но добьется практического овладения действующими в языке закономерностями образования производных

значений, что представляется более рациональным при обучении языку. Для этого учителю необходимо овладение знанием не столько единичных семантических структур корреспондирующих слов двух языков, сколько знанием закономерностей их семантического развития, механизма данного языкового явления. Сопоставительный анализ семантики многозначных слов изучаемого и родного языков позволяет учителю строить словарную работу, исходя из особенностей семантики полисемичных слов последнего, используя его сходные, способствующие транспозиции факты и предупреждая его возможное интерферирующее влияние. Это наилучшим образом поможет обогащению русской речи нерусских учащихся многозначными словами.

Л. ЮХАНСОН

НЕЙТРАЛЬНАЯ СТАДИЯ В РАЗВИТИИ АФФИКСАЛЬНОГО ВОКАЛИЗМА В ТУРЕЦКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Процесс развития гармонии гласных в тюркских языках до сих пор детально не исследован. К наиболее спорным его аспектам относится генезис губной гармонии в турецком и азербайджанском языках. Специалисты дают этому явлению крайне противоречивые объяснения, а между тем губная гармония играла важную роль в развитии анатолийско-турецкого языка и даже может служить одним из критериев при периодизации его истории.

Сама исходная точка развития этого явления представляется сомнительной, так как общепринятое определение суффиксального вокализма, применительно к староанатолийскому турецкому языку, на наш взгляд, не совместимо с общепризнанной системой древнетюркского языка.

Традиционно в древнетюркском языке различаются три класса суффиксов с гласными верхнего подъема: 1) суффиксы с негубным гласным; 2) суффиксы с губным гласным; 3) суффиксы с четырехвариантным чередованием гласного.

Поскольку, как нам кажется, сомнительно, чтобы гласный класса *1* имел вариант в виде гласного заднего ряда, и в связи с невозможностью определить, были ли гласные класса *2* действительно гласными верхнего подъема, нами используются в качестве символов соответственно знаки $\{i\}$ и $\{W\}$. А так как отличительные свойства гласных класса *3* и природа их изменения все еще остаются спорными, нами вводится значок $\{o\}$. Например: (1) притяжательный суффикс $\{(s) i\}$, (2) каузативный суффикс $\{tWr\}$, (3) притяжательный суффикс $\{(o) m\}$ и суффикс пассива $\{(o) l\}$.

Староанатолийский турецкий язык, как представляется, имеет следующие классы: 1) суффиксы с сохраняющимся $\{i\}$; 2) суффиксы с сохраняющимся $\{W\}$; 3а) суффиксы с губными гласными; 3б) суффиксы с негубными гласными. Гласные последних двух классов (3а и 3б) восходят к $\{o\}$.

Таким образом, класс *3* древнетюркского языка, по-видимому, разделился на два подкласса: подкласс суффиксов с губными гласными и подкласс суффиксов с негубными гласными. В связи с этим возникает такая проблема: если класс *3* обладает четырехвариантным чередованием гласных верхнего подъема, то есть $\{X\} = i/i/u/ü$, то трудно объяснить отсутствие соответствующей губной гармонии в староанатолийском турецком языке. В этом случае по традиции предполагается, что классы 3а и 3б включают в себя соответственно $\{U\} = u/ü$ и $\{I\} = i/i$. Суще-

ствуется точка зрения, согласно которой губная гармония в староанатолийском турецком языке начала формироваться в XIV веке с огубления гласных класса *3б* под влиянием губного корневого гласного. Позднее, согласно тому же общепринятому мнению, произошла соответствующая делабиализация гласных классов *2* и *3а* после неогубленных корневых гласных. Возникшее в результате чередование {X} в конечном итоге и достигло класса *1*.

Данная идея прямого развития губной гармонии от системы староанатолийского турецкого языка, в котором признак [±огубление] релевантен применительно к суффиксальным гласным позднейшей системе османского турецкого языка, где губная гармония представлена полно, противоречит многим языковым фактам, в особенности из транскрипционных текстов среднеосманского периода. XVII век считается решающим периодом этого развития. Например, исчерпывающая и ясная картина морфологической системы языка этого периода, данная Дж. Хазан в его блестящем исследовании¹, во многих частностях не согласуется с традиционной точкой зрения. Здесь имеют место многие так называемые «явления реакции», которые не могут получить удовлетворительного объяснения в рамках прогрессирующей губной гармонии, но лишь как факты определенной стадии развития языка, предшествовавшей процессу гармонизации.

Нами была недавно выдвинута альтернативная теория развития суффиксального вокализма в турецком и азербайджанском языках². Ее положения частично аргументируются материалами двух азербайджанских транскрипционных текстов XVII века, записанных французом латинской графикой³. Согласно нашей теории, промежуточная — индифферентная стадия должна быть принята за нечто само собой разумеющееся в интервале между начальной стадией развития, где признак [±огубленный] все еще релевантен в суффиксальных гласных, и конечной стадией, при которой качества [+огубленный] и [—огубленный] нормативно обусловлены корневым гласным. Индифферентная стадия характеризуется параллельным употреблением равноценных или стилистически дифференцированных вариантов, представляющих предшествующую стадию и новые фонологически индифферентные варианты, которые часто даже фонетически «нейтральны» к огублению и подвержены влиянию тенденции к уменьшенной, слабой артикуляции. Нами такие нейтральные варианты изображаются стереотипом *э*. Заметим здесь же, что индифферентная стадия является в действительности предварительной, а не начальной стадией губной гармонии. Губные суффиксальные гласные, правда, легче переходят в нейтральные гласные после неогубленных корневых гласных и наоборот; так что первоначальный суффиксальный гласный имеет тенденцию к тому, чтобы дольше сохраняться после гласного аналогичного свойства. Эту консервативную остаточную черту согласования не следует, однако, смешивать с зарождающейся тенденцией активной, наступательной губной гармонии.

Все суффиксы классов *1—3* проходят на пути к губной гармонии через промежуточную стадию, но между ними существуют значительные хронологические различия. Суффиксы могут быть названы более или менее «прогрессивными» в зависимости от стадии развития, на которой

¹ G. Hazai. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert. Untersuchungen an den Transkriptionstexten von Jakob Nagy de Harsány. Budapest, 1973. Сокращенно: Харц.

² L. Johanson. Die westghusische Labialharmonie. Orientalia Suecana (Uppsala), vol. 27.

³ Сокращенно: Азерб.

они находятся в данный момент. Вообще суффиксы анатолийского турецкого языка более прогрессивны, чем их эквиваленты в азербайджанском языке. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые суффиксы в каждом из классов, начиная с наиболее консервативных и кончая самыми прогрессивными.

Класс 1. Так как класс 1 последним освободил губную гармонию, появилась возможность подробнее проследить предварительные стадии этого процесса. В текстах XVII века $\{(s) i\}$ обнаруживает признаки индифферентной стадии, хотя только в неконечной позиции: в Харс. *oglini* ~ *oglini* (совр. тур.: *ođlinu*), Илл.⁴ *ierunde* ~ *yerende* (совр. тур.: *yerinde*), Азерб. *elende* (совр. тур.: *elinde*) и т. д. и последующее развитие здесь происходит более ускоренно: в некоторых азербайджанских диалектах губная гармония в настоящее время достигла такого развития, когда нейтральный $\{i\}$ появляется в конечной позиции.

Класс 2. Сравнительно прогрессивный суффикс желательного наклонения $\{sWn\}$ обнаруживает почти полную губную гармонию в Харс., но имеются такие остаточные явления, как *gielßen* (совр. тур.: *gelsin*) и *bißßen* (совр. тур.: *bilsin*), необъяснимые с точки зрения существующей теории. В то время как каузативные суффиксы $\{DWr\}$ и $\{Wr\}$ в Харс. гармонизированы, в Азерб. языке сохраняются старые губные формы, а иногда и нейтральные, такие, как *gecher-* (совр. тур.: *geçir-*). В Илл. то же самое: *degistur-*, *degyister-* (совр. тур.: *değistir-*). Суффикс первого лица множественного числа прошедшего времени уже имеет форму $\{DXQ\}$ в Харс., а в Азерб. сохраняют губные, а также нейтральные формы, например, *kessdek* (совр. тур.: *kestik*). Первоначальная губная форма все еще сохраняется в суффиксе $\{dux\}$ в современных диалектах азербайджанского языка.

Связка третьего лица, хотя и позднего происхождения, претерпевает те же изменения, что и суффиксы, имеющие древнетюркские эквиваленты. В среднеосманский период признаки губной гармонии не отмечаются, за исключением любопытного явления индифферентности, по-видимому, противоположной нёбной гармонии (*dür* после неогубленных корневых гласных заднего ряда): например, *vardür* (совр. тур.: *vardir*). Это — первый графический симптом фонетической нейтрализации, начавшейся, по-видимому, вслед за неогубленными корневыми гласными. Соответствующий нейтральный гласный в Азерб. языке пишется *dr*, *der* и т. д., например, *vardr*, *yerdr* ~ *yerder* (совр. тур.: *yedir*) и т. д.

Заметим, что нейтральный гласный появляется также вслед за огубленными корневыми гласными, ибо в данном случае он не может быть объяснен как «промежуточный звук». По нашему мнению, такие нейтральные гласные, по-видимому, не противодействуют развитию процесса губной гармонии, а только предшествуют ему.

Класс 3. Специфическое нововведение староанатолийского турецкого языка, заключающееся, как полагают некоторые, в регрессе чередования губной гармонии $\{X\}$, не получило должного объяснения. Однако нет подтверждения существования такого чередования в древнетюркском языке, предшественнике турецкого и азербайджанского. Более того, арабская графика недостаточно однозначна, для того, чтобы определить характер соответствующих суффиксальных гласных староанатолийского турецкого языка, то есть для того, чтобы решить, действительно ли в *3a* имеется $\{U\}$, а в *3б* — $\{I\}$.

⁴ J. Németh. Die türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Budapest, 1970. (Анализ т. н. рукописи Иллешхази 1668 г.). Сокращенно: Илл.

Если морфонологическая единица {^o} включает в себя редуцированные гласные неверхнего подъема, то вопрос о неразрывности следует поставить иначе. Эти гласные, как нечетко выраженные звуки, занимавшие слабую позицию, должны были быть особенно чувствительны к качественному влиянию, а значит и к тому вероятному исходному явлению, которое стимулировало тенденцию к губной гармонии. Данная тенденция могла быть выражена сильнее или слабее в различных диалектах древнетюркского языка. Возможно, что в древнетюркском предшественнике турецкого и азербайджанского языков единица {^o} была представлена редуцированными и в значительной степени огубленными гласными неверхнего подъема, например, {^o}. Возможно, что указанные качества присущи и вариантам, входящим в класс 3а староанатолийского турецкого языка, в то время как варианты класса 3б — вторичны, и будучи делабиализованными и нейтральными, представляют индифферентную стадию.

Класс 3а. Суффиксы первого лица единственного числа прошедшего времени, в родительном падеже, входящие в Харс., достаточно консервативны и включают почти одни только губные гласные. В некоторых более ранних текстах, однако, встречаются делабиализованные формы, такие, например, как *hekimen* (совр. тур.: *hekimin*) и *guenderdem* (совр. тур.: *gönderdim*). В Азерб. варианты *cin* по сравнению с вариантами, оканчивающимися нейтральной формой *en*, имеют, по-видимому, более консервативный стилистический статус. В примерах, подобных *halkün* (совр. тур.: *halkin*), как будто нарушающих правила нёбной гармонии, проявляются первые признаки начинающейся нейтрализации в Харс. В Харс. и в словаре Ф. Менинского⁵ суффикс прилагательного, восходящий к {^loG}, часто встречается с делабиализованным гласным даже после губного корневого гласного. В Азерб. этот суффикс также индифферентен, причём варианты *lou* и *li* встречаются рядом и, по-видимому, без всякой системы. Факт сохранения губных вариантов после губных же корневых гласных следует рассматривать как консервативную черту и не связывать ее с губной гармонией.

Более прогрессивный привативный суффикс {^soz} имеет в Харс. делабиализованные варианты. В словаре Ф. Менинского ясно обнаруживается фонетически нейтральный характер Э : *işsyz* (совр. тур.: *işsiz*) и т. д. В материалах азербайджанского языка встречается прежде всего форма *seuz*; ср. афшарский гласный э в [*susəz*] (совр. тур.: *susuz*) и т. д.

Форма, в которой этот суффикс выступает в текстах среднеосманского периода, убедительно подтверждает нашу точку зрения. Сплошная делабиализация не может объясняться стремлением к гармонии, так как это означало бы, что эти тенденции противодействуют самим себе. Не следует рассматривать делабиализацию и как «реакцию», ибо единственный реальный процесс губной гармонии, против которого можно было бы «реагировать» начался в более поздний период.

Класс 3б. Прогрессивный суффикс {^loQ} развился в {^lXQ} уже в среднеосманский период. Его гласные в староанатолийском турецком языке главным образом негубные. Случаи записи данного суффикса через букву *vav* обыкновенно расцениваются как проявления первых признаков губной гармонии. Однако, думается, правильнее было бы считать подобные случаи проявлениями следов прежней губной формы, сохранившейся после губных корневых гласных дольше, чем где бы то ни было. Таким образом, новым явлением следует считать появление делабиализованного варианта, вероятно, нейтрального Э, который,

⁵ F. Meninski. *Thesaurus linguarum orientalium* (...). Viennæ, Austriæ, 1680.

судя по всему, был скрыт за знаками, до сих пор транскрибировавшимися как *lik*, *liq* и т. д.

В Азерб. рассматриваемый суффикс гораздо более консервативен. В нем без какой-либо заметной тенденции к губной гармонии выступают и первоначальные губные гласные (письменные *o* или *u*) и Э , например, в слове *tembelleuk* ~ *tembelek*. Диалекты азербайджанского языка все еще сохраняют нейтральную форму в виде неизменяющегося $\{l\alpha q\}$ (арабскими буквами записываемого как *lwq*).

Даже наиболее прогрессивные залоговые суффиксы в староанатолийском турецком языке иногда встречаются в губных вариантах, что следует рассматривать скорее как остатки, а не зародыши губной гармонии. В более поздних транскрипционных текстах можно найти несколько примеров страдательных и возвратных суффиксов как с губным (*o*, *u*), так и с нейтральным (письменным *e*) гласным. Точно так же наш гораздо более консервативный азербайджанский материал дает примеры губных — *gundergul-* (совр. тур.: *gönderil-*) и негубных — *kesel-* (совр. тур.: *kesil-*) форм. Но даже и в этом случае рассматриваемые суффиксы имеют тенденцию к губной гармонии, представляющей собой конечную стадию развития типичного для турецкого и азербайджанского языков суффиксального вокализма.

Перевод с английского И. Е. Петросян

Н. АБДУЛЛАЕВ

ОБ УЗБЕКСКИХ ГОВОРАХ АФГАНИСТАНА

Узбекский язык, как известно, отличается разнообразием и сложностью диалектного состава¹. В одних диалектах преобладают огузские элементы, в других — кыпчакские, а в ряде говоров обнаруживается сильное влияние таджикского языка². Последнее обстоятельство вызывает особый интерес у исследователей.

К числу малоизученных относятся узбекские говоры, распространенные на севере и в северо-западной части территории Афганистана. Исследование их тем более важно, что в них сохранились языковые особенности, утраченные всеми другими говорами узбекского языка. Объясняется это, как думается, отсутствием у афганских узбеков современного литературного языка, которым, кстати, они до сих пор считают язык классической узбекской литературы. Помимо этого, материалы узбекских говоров северо-западного Афганистана могут пролить определенный свет на диалектную базу, некогда послужившую основой для образования так называемого «чагатайского» языка XV—XVI веков³. Важны эти данные и для диалектологического атласа узбекского языка. Носители узбекских говоров Афганистана проживают на территории вилайетов Балх, Джузджан (Джавзиджан), Фарьяб, Кундуз, Бадахшан, Тахар, Баглан, Санган. В Гератском вилайете узбеков (вне самого города Герата) проживает немного. По сведениям информаторов, они принадлежат к племени *Şekibâni*⁴.

О количественном составе населения Афганистана, в том числе узбеков, точных статистических данных нет, имеющиеся сведения неточны и противоречивы⁵.

¹ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 3.

² А. К. Боровков. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. — «Ученые записки Института востоковедения», т. IV. М., 1952, стр. 174; В. С. Расторгуева. Об устойчивости морфологической системы языка. — «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 225.

³ А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров. — «Известия АН Узбекской ССР», 1953, № 5. Ташкент, стр. 71.

⁴ Знаки, используемые в статье [ô] и [â], передают специфические гласные, образовавшиеся вследствие: а) конвергенции переднего и заднего гласных [ô] и [o]=ô, б) дивергенции заднего общетюркского [a] в передний [â] и задний лабиализованный широкий [a]=â.

⁵ Г. Ярринг в книге «On the distribution of the turk tribes in Afganistan» (Leipzig, 1939) приводит цифру 800000 узбеков, а в «Узбекской Советской Энциклопедии» названа цифра 1,5 млн узбеков (т. I, стр. 576).

Первой работой, посвященной языку афганских узбеков, следует считать книгу Гуннара Ярринга «Узбекские тексты из Афганского Туркестана»⁶, содержащую текстовый материал с переводом на английский язык и с небольшим узбекско-английским словарем. Вслед за этой работой вышла другая книга Г. Ярринга, посвященная исследованию родоплеменного состава тюркского населения Афганистана⁷. В середине пятидесятых годов была опубликована статья венгерского ученого Лайоша Лигети о монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана⁸.

Определенный интерес представляет небольшая книжка таджикского ученого-фольклориста С. Асадуллаева, в которой содержатся 350 таджикских и 150 узбекских пословиц и поговорок, записанных автором в районе Тахара и Кундуза⁹. Судя по этим материалам, язык афганских узбеков указанного района несколько отличается от узбекских говоров северо-западной территории страны. Следует упомянуть также статьи литературоведа А. Хайитметова «Материалы по узбекским говорам Афганистана»¹⁰ и автора этих строк — «Узбекские говоры Афганистана», в которой приводятся тексты, отражающие живую речь узбеков — жителей Шибригана и Сарыпуля¹¹.

Материал по языкам узбеков северо-западного Афганистана был собран нами в период 1974—1976 годов на территории вилайетов Балх, Джузджан (Джавзиджан) и Фарьяб. Основное внимание при этом было уделено городским говорам Андхоя, Шибригана, Майманы, Сарыпуля, Акчи. Кроме узбеков, в этих городах проживают фарсиваны, говорящие на дари, паштуны, туркмены, а также небольшое число арабов. Однако городское население говорит преимущественно на узбекском языке.

По своим основным лингвистическим показателям узбекские говоры Афганистана во многом схожи с узбекскими говорами городов Карши и Шахрисябз, обследованными Е. Д. Поливановым, Б. Дж. Джураевым, А. Ш. Шерматовым¹².

Фонетические особенности узбекских говоров северо-западного Афганистана многообразны, причем эти особенности взаимосвязаны и взаимобусловлены. Остановимся на их основных фонетических и морфологических чертах.

1. Согласно классификации, предложенной Е. Д. Поливановым, узбекские говоры северо-западного Афганистана относятся к несингармоническим (иранизованным) говорам, а по классификации Гази Алима Юнусова — к узбекским говорам «турк-барлас»¹³. В указанных говорах количество гласных фонем не превышает шести: *i, e, ā, u, o, ā*. Наличие седьмого гласного [ō] в системе вокализма исследуемых говоров еще окончательно не доказано; этот вопрос, видимо, будет разрешен при помощи осциллограмм.

⁶ Gunnar Jarring. Uzbek Texts from Afgan Turkestan. Leipzig, 1938.

⁷ Gunnar Jarring. On the distribution of the turk tribes in Afganistan. Leipzig, 1939.

⁸ L. Ligeti. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана. — «Acta orientalia Hungarica», 1954, т. IV, стр. 93—117.

⁹ С. Асадуллаев. Намунаи зарбул-масал ва мақолҳои тоҷикон ва узбекони Вилояти Қатағони Афғонистон. Душанбе, 1963.

¹⁰ А. Хайитметов. Афғонистондаги ўзбек шевалярига оид материаллар. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1975, № 1, Тошкент, стр. 63.

¹¹ Наримон Абдиллаев. Афғонистондаги ўзбек шеваляри. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1976, № 4, Тошкент, стр. 68—72.

¹² Е. Д. Поливанов. Образцы несингармонических (иранизованных) говоров узбекского языка. — «Доклады АН СССР», 1928, № 5, стр. 92; Б. Джураев. Шахрисябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1960.

¹³ Gazi Alim Yunus. Ozbek lahçalarının tasnifida bir taçriba. Taşkent, 1936.

2. Гласные в системе вокализма языка узбеков города Шибиргана мало чем отличаются от соответствующих фонем узбекских говоров ташкентско-ферганского типа, легших в основу литературного языка. Некоторые расхождения с современным литературным языком имеются в области расположения гласных в составе слов и аффиксов:

а) соответствие \ddot{a}/\acute{a} отмечено в немногочисленных примерах тюркского корня, основы: *suḡâr* 'поливать', *juḡâr* 'посылать', *kizâr* 'краснеть', *ṣiḡâr* 'выводить', *tânu* 'узнавать', *tigḡâncâ* 'озорник';

б) в заимствованных из арабского и персидского языков двусложных словах, независимо от открытости или закрытости последнего слога, широкий гласный [a] систематически переходит в лабиализованный ширский гласный заднего ряда $\ddot{a}câ:ässä$ (ар. اصحاح) 'посох', *ṣogbâ* (перс. شوربا) 'суп', *ävġât* (ар. انواع) 'пища'. Употребление широкого лабиализованного заднего [ä] в конечном открытом слоге характерно для узбекских говоров самаркандско-бухарского типа¹⁴;

в) многочисленные примеры на размещение «аканья» по слогам показывают, что изучаемые говоры в этом отношении сближаются с узбекскими говорами городов Карши и Шахрисябз, материал по которым был собран в свое время Б. Дж. Джураевым. Свободное размещение гласного [a] и лабиализованного [ä] характерно для узбекских говоров самаркандско-бухарского типа. Однако нельзя при этом не учитывать того, что известны случаи, когда один и тот же факт литературного языка, совпадая соответственно с самаркандским говором, не сходится с говорами ферганского типа¹⁵. При этом ряд специфических особенностей узбекских говоров северо-западного Афганистана отличает их и от узбекских говоров городского типа, и от литературного языка. Такие слова, как *bälâ*, *tâmâšâ*, *âšnâ*, *хигтâ* и т. д., в литературном языке произносятся: *бало*, *томоша*, *ошна*, *хурма*, а в изучаемых говорах — в первом написании. Интересно отметить, что «оканье» в словах исконно тюркских почти соответствует нормам литературного языка. Особенно это относится к двусложным словам с конечным открытым слогом: *âtâ* 'отец', *âpâ* 'мать', *tâḡâ* 'дядя по матери', *âvâ* 'дядя по отцу' и т. д.;

г) закрытые двусложные слова узбекских говоров Андхоя и Шибиргана произносятся так же, как в говорах городов Шахрисябз и Карши: *jâmân* 'дурной', *âmân* 'безопасный', *jälÿân* 'ложь', *sâmân* 'солома', *kâzân* 'котел' и т. д.

3. Характерной особенностью всех узбекских говоров северо-западного Афганистана является почти не встречающаяся в городских говорах дифтонгизация полушироких гласных типа [o] и полуузкого гласного [e]¹⁶: *ḡök* 'пуля', *ḡökijdi* 'он читает', 'учится', *ḡörtâ* 'середина', *ḡöribâldi* 'он поцеловал', 'ešik 'дверь', 'ellik 'пятьдесят', 'ešäj 'осел', 'eläj 'сито', 'ektim 'я посеял'. В узбекских говорах Северного Хорезма, особенно в их «джекающей» группе, широко представлена дифтонгизация указанных гласных: 'eki 'два', 'oġu 'читать', 'öldi 'он умер'¹⁷.

В исследуемых говорах, особенно в конечной позиции, звук [b] подвергается спирализации ($b > v$). Можно указать следующие типы этого чередования:

¹⁴ Б. Джураев. Указ. раб., стр. 179 и след.

¹⁵ См.: Ш. Шоабдурахмонов. Узбек адабий тили ва ўзбек халқ шеваляри. Тошкент, 1962.

¹⁶ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кыят-Кунград Шаватского района. — В сб.: «Научные труды Узбекского научно-исследовательского института культуры», 1934, т. I, вып. II, стр. 3—17; его же. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. I. Введение. Ташкент, 1935, стр. 12 и след.; В. В. Решетов. Узбекский язык. Фонетика. Ташкент, 1959, стр. 187.

¹⁷ Ф. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 58.

а) в абсолютном начале слова *bol* 'быть', 'становиться': *ʒijdā gül-lāsā xâtillā mäs vólādi* 'Когда цветет джида, женщины пьянеют' (пословица), *âš vôsîp* 'приятного аппетита'. Правда, таких примеров немного, и поэтому усматривать здесь какую-то закономерность, видимо, не следует;

б) в инлаутной позиции это чередование имеет более или менее регулярный характер: *âvât* 'благоустроенный', *sāvâr* 'причина', *kāvâr* 'шашлык', *sāvât* 'корзина' и т. д.;

в) в конечной позиции, особенно заимствованных слов, чередование $\bar{v} > u$ носит системный характер: *mehgâv* 'ниша', *mâktâv* 'школа', *kässâv* 'мясник', *âptâv* 'солнце', *ʒâguv* 'веник' и т. д.;

г) в деупричастных формах на *-v* (*-ub*): *bâguv*, *keluv*, dev: *Kismâtân kačuv kutiluv bolmajdi* 'От судьбы ни убежать, ни скрыться' (пословица).

Встречается также чередование $b > m$, однако диапазон распространения его ограничен: *bunî—munî* 'этого', *bundâj—mundâj* 'такой', *bugun—mugun* 'нос', *bôjîn—môjîn* 'шея' и т. д.

В изучаемых говорах отмечено соответствие *p//b*: *bičmây* 'кроить', *bišiy* 'вареный', *bišiy pâxud* 'вареный горох', а в языке жителей Сарыпуля — чередование *p//f*: *seftim* 'я посеял', *kôbrîk* 'мост', *tufraq* 'пыль'.

В начальной позиции фонема [t] обычно остается без изменения, однако имеется ряд случаев ее озвончения (как в некоторых узбекских говорах огузского типа): *dudup*, лит. *tutun* 'дым', *munî durtiv* *ujlâtti* 'он его, растолкав, разбудил', *durdi* 'он встал'. Случаи озвончения [t] в указанной позиции — явление нечастое, здесь сказывается влияние (речь идет об узбекском говоре Андхоя) туркменского языка.

Выпадение [t] в конечной позиции, видимо, присуще заимствованным словам типа *dos*, лит. *dûst* 'друг', *viš*, лит. *fiшт* 'кирпич', *goš*, лит. *gûшт* 'мясо', *mäs*, лит. *mast* 'пьяный'. В отдельных случаях, правда, весьма редких, выпадение [t] отмечено и в исконно тюркских словах, например: *â. sôz minân âjsâm bôlmäs. sâz minân âjtâj* 'о, невозможно сказать словами (это), скажу-ка я с помощью саза'; *âlmuš*, лит. *олмиш* 'шестьдесят'.

Фонема [d]: а) в конечной позиции систематически оглушается и переходит в [t]: *sāvât*, лит. *sавод* 'грамотность', *âvât*, лит. *обод* 'благоустроенный'; б) в конце некоторых заимствованных слов этот звук вообще выпадает: *bâlân*, лит. *баланд* 'высокий', *xursân*, лит. *хурсанд* 'довольный'. В остальном артикуляция этой фонемы ничем не отличается от литературного произношения.

Если не учитывать отдельных случаев перехода фонемы [č] в начальной позиции (особенно *č//š*, *č//s*), то ее положение полностью соответствует нормам литературного языка: *čâčrâ—sâčrâ* 'брызгаться', *čâčik—sâčik* 'полотенце', *čâč—sâč* 'волосы' и т. д. Имеются и случаи перехода *č//t*: *čiš—tiš* 'зуб', *čuš—tuš* 'слезать'.

Аффриката [ʒ] в начальной позиции обычно устойчива и не подвергается изменениям. Некоторые случаи изменения, видимо, объясняются исторически сложившимися соответствиями, ср.: *ʒijdâ—jijdâ* 'джида', *ʒug—jug* 'ходить', *ʒirillâ—jirillâ* 'скандалить', *ʒugân—jugân* 'узда' и т. д. Переход в середине слова звука [ʒ] в таких словах, как *beʒiz—bečiz*, является результатом озвончения [č] в интервокальном положении: лит. *бежиз*, в говорах *bečiz//beʒiz* 'без причины'; ср. в сочетании: *bu beʒiz* 'emäs' 'это не напрасно'.

Фонема [s]. Наблюдаются следующие отклонения от норм литературного языка: *s//t*; например, *tiškân*, лит. *сичкон* 'мышь'; *s//ʒ*—*ʒâvci*,

лит. *совчи* 'сват'. Последний пример отмечен и в каршинском говоре узбекского языка¹⁸.

В конечной позиции сильно оглушается фонема [z], в остальных случаях произношение этого звука ничем не отличается от литературных норм: *ôz^c, kôz^c, sôz^c* и т. д.

В произношении афганских узбеков фонема [ʃ] переходит в [j] лишь в одном слове: лит. *ташла* — в Шибиргане *tājġā* 'бросать'. Видимо, подобные локальные изменения характерны для всех узбекских говоров «турк-барлас»¹⁹, то есть городских говоров долины Кашкадарьи и Сурхандарьи; ср. *Avāzxāndi 'elitip kudukka tājlādi* 'Авазхана привели и бросили в колодец'.

Фонема [n] подвергается изменению $n > m$: *uġumġisi* 'третий из них', лит. *учинчиси*.

Для узбекских говоров типа «турк-барлас» характерно и диссимилятивное изменение [n] в аффиксах родительного и винительного падежей: *tājdi, tāldi*.

И еще одна характерная особенность исследуемых говоров: при прибавлении аффикса дательного падежа к слову с конечным [n] сочетание *ng* как бы удваивается — *ngng*: *xātingngā* 'женщине', *ċōrāngngā* 'чабану', *kāzāngngā* 'котлу' и т. д.

В личных местоимениях первого и второго лица часто конечный [n] выпадает, хотя и это явление не носит регулярного характера: *mā: bilmi: mān bu kudukkā tuġumtān* 'не знаю, как я очутился в этом колодце'.

Выпадение звука [l] происходит в некоторых глагольных формах, особенно часто в корне глаголов: *âl* 'брать', *bôl* 'быть', *kâl* 'оставаться', *kel* 'приходить'; *āsāng* 'если ты возьмешь', *kāmājdi* 'он не останется', *bôsā* 'если будет'; ср. *ägā: kelāsān, māni ālāsān, xôr* 'если ты придешь, меня возьмешь', *ägā: kemājsān, māni āmājsān* 'если ты не придешь, не возьмешь меня'.

В причастных формах на *-r/-ār* наблюдается изменение фонемы [r] — $r > j$: *mārdimdi 'ešijijā jetimġilij kilijdi su: keltirijdi* 'в домах людей служили работниками, носили воду'. В отдельных случаях этот звук вообще выпадает: *Ojdāki xātingngā, dāštāki ċōrāngngā xudā ôzi insār be: sīn* 'Жене, которая дома, пастуху, который в степи, — судья сам бог' (поговорка); *išim bā: ungnā* 'у меня есть дело к нему'.

Очень редко встречается изменение фонемы [j] — $j > ʒ$: *ām̄r kildik, Kīrātti ʒöllāgin* 'мы приказали оседлать Кирата'. Кроме того, в некоторых случаях [j] «вставляется» в слово: *juzuk—uzuk* 'кольцо'; *jil—il* 'год', *jirāk—irāk* 'далекий', *jilki—ilki* 'табун лошадей' и т. д.

Следует отметить характерное для изучаемых говоров явление спирантизации фонемы [k] — $k > j$, широко распространенное в узбекских говорах типа «турк-барлас». Это явление отмечено как в корнях и основах, так и в грамматических и словообразовательных аффиксах²⁰:

а) в конечной позиции некоторых корней и основ: *pišāj* 'кошка', *pālāj* 'листья дыни', *ināj* 'корова', *'ešāj* 'осел', *kuġij* 'собака', *ôzbāj* 'узбек', *āndālaj* 'дыня-скороспелка', *'ešij* 'дверь', *sājsān* 'восемьдесят' (лит.: *мушук, палак, сигир, эшак, кучук, узбек, хандалак, эшик, сакоон*);

¹⁸ А. Шерматов. Некоторые фонетические особенности каршинского говора. — «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института им. Низами», вып. XII. Ташкент, 1959, стр. 201.

¹⁹ Там же, стр. 203.

²⁰ Дустимурод Абдурахмонов. Узбек шевалярида сўз охиридаги баъзи хусусиятлари. — В журн.: «Узбек тили ва адабиёти», 1972, № 3, стр. 33 и след.

б) в словообразовательных аффиксах: *tilāj* 'желание', *bólāj* 'кусок', *bôšlij* 'пустота', *jāmānlij* 'зло', *jāxšilij* 'добро', *gāstlij* 'прямота', *xursānlij* 'радость', *kunlij* 'дневной' и т. д.;

в) в некоторых аффиксах формообразования и словоизменения: *keldij* 'мы пришли', *âldij* 'мы взяли', *kelsāj* 'если мы приедем', *âlsāj* 'если мы возьмем' (лит.: *келдик*, *олдик*, *келсак*, *олсак*).

В речи носителей говора города Шибирган фонема [k] может в соответствующих позициях заменяться другими звуками — *kâziy* 'кол' (лит. *юзшиқ*): *Kâziy bâšigā kâr turmās* (загадка) 'На верхушке колышка снег не держится' («яйцо»); *bišiy pâxud* 'вареный горох' (лит. *пишиқ нўхот*). Звук [g] может подвергаться спирантизации — *g > j*:

а) в корнях некоторых слов: *tejiḡmān* 'мельница' (лит. *тегирмон*), *čijit* 'семя хлопчатника', *tejidā* 'внизу', *kijiz* (лит. *кигиз*) 'кошма', *bijiz* (лит. *бигиз*) 'шило';

б) в причастных формах на *-gān*: *ôjlājān ôjing* 'задуманные тобой мысли', *kôtārālmājān tâšing* 'камень, который ты не можешь поднять';

в) в аффиксе дательного-направительного падежа: *kôrjā keljān bāj-gām* 'праздник одинаковый для всех' (поговорка) и т. д.

Звук [ng] может подвергаться различным изменениям:

а) систематически выпадать из состава аффикса родительного падежа: *âtti 'ejāri* 'седло лошади', *kôčkârdi šâxi* 'рога барана', *ôjdi 'ešigi* 'дверь дома', *Avāzxāndi pâfāri* 'человек Авазхана';

б) на стыке корня и притяжательного аффикса, а также в некоторых глагольных окончаниях происходит регулярное изменение *ng > j* или же [ng] вообще выпадает: *âldijiz/âldiz* 'вы взяли', *bârdijiz/bârdiz* 'вы ходили', *bâlājiz* 'ваш ребенок', *âtājiz* 'ваш отец', *âlsājilā* 'если вы возьмете', *bilsājilā* 'если вы знаете', *sesijni čiyār* 'подай голос', *kučijni kôrsāt* 'покажи свою силу' и т. д.²¹

В начале слова данная фонема, как и в литературном языке не выпадает. Одной из характерных особенностей [ng] является как бы удвоенное произношение данного согласного в позиции между двумя гласными: *jāngngāki devānāni* 'того нищего', *tāngngātti* (лит. *тонг отди*) 'рассвело' и т. д.

Переднее произношение этого сонорного звука наблюдается при присоединении аффикса направительного падежа к формам, оканчивающимся на согласный звук [n] или имеющим в конце притяжательный аффикс второго лица единственного числа: *ukāngngā* 'твоему братишке', *âsmāngngā* 'к небу'. Кроме того, данный звук может выпадать, что является причиной появления вторичной долготы стоящего впереди гласного: *sô:rā bâčālā minān žām bôldij* 'затем мы с ребятишками собрались вместе'.

В некоторых качественных прилагательных упомянутых говоров с конечным [k] происходит систематическое изменение *k > γ*, что характерно и для ряда других узбекских говоров: *kāttiγ* (лит. *қаттиқ*) 'твердый', *âččiy* (лит. *аччик*) 'горький', *sāssiy* (лит. *сассиқ*) 'вонючий'; *Qāgāni kār:ri kelinčā*, *sāriγdi žāni čiyār* 'Пока черный разозлится, рыжий выйдет из себя' (поговорка).

Из приведенного примера явствует, что подобное изменение может происходить в корнях глаголов: *Ikki ôjni ôrtāsidi ôtinim ustuxānimdān čiyādi dutunim* 'Дрова мои меж двух домов, а дым идет меж костей моих' (поговорка). Такое же изменение наблюдается и в конце неко-

²¹ Я. Г. Гулямов. О падежных формах в ташкентском говоре. — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина». Ташкент, 1955, стр. 50 и след.

торых существительных: *kâziy* 'кол', *târiy* 'просо', *kuduy* 'колодец', *sôgây* 'вопрос', *âhmây* 'глупый'.

Отмечается довольно частое чередование *k > x*: *vâxt* (лит. *ваџт*) 'время', *âxšâm* (лит. *оџшом*) 'вечер', *tôxsân* (лит. *тџхсон*) 'девьяносто'.

В заимствованных словах начальный придыхательный [h] часто выпадает. Это фонетическое явление особенно заметно в речи шибирганцев: *âpdälâj* (лит. *ҳандалак*) 'дыня-скороспелка', *âlâj* (лит. *ҳалак*) 'сильная усталость', *âvli* (лит. *ҳовли*) 'двор', 'дом', *âlâvâ* (лит. *ҳолва*) 'халва', *Asân-Usân* (лит. *Хасан-Хусан*) 'Хасан и Хусан'. Выпадение [h] в середине слова — распространенное явление в ряде узбекских говоров: *sô:bât* 'беседа', *mô:tâz* 'нуждающийся', *mô:lât* 'срок'²². В конечной позиции придыхательный [h] обычно выпадает: *râššâ* (лит. *подшоҳ*) 'царь', *pikâ*: (лит. *нихоҳ*) 'обручение', *gâ*: (лит. *гоҳ*) 'иногда' и т. д.²³

Рассматриваемые узбекские говоры северо-западного Афганистана отличаются нижеследующими морфологическими особенностями, различающимися с нормами узбекского литературного языка.

1. Отсутствуют формы местного падежа, так же как в узбекских говорах городского типа долины Кашкадарьи, например, в каршинском²⁴. Правда, в языке жителей Андхоя и Шибиргана изредка можно встретить форму местного падежа, однако это, по-видимому, является индивидуальной особенностью носителей указанных говоров. Ср. примеры:

U jâkkâ çâpâr kôrân tâj,
Bu jâkkâ çâpâr kôrân tâj
Tâl tâgigâ tinik su:
Jâjrvâv içâr kôrân tâj (загадка)
'Тудâ бегает бурый жеребенок,
Сюда бегает бурый жеребенок,
Под ивой играючи, воду
Прозрачную пьет бурый жеребенок' («лягушка»)²⁵;

Mâjmânâni Onçô-Arlât kišlâvîgâ tuyilgânân 'я родился в Маймане в кишлаке Унча-Арлат'.

2. Как и в каршинском говоре, аффикс винительного падежа *ni* (*ti—di*) выступает также показателем родительного падежа: *dârgâv bulâ gâr-ti birkildi*, *bizdi bâjdi kôlijâ pul berdi* 'они тотчас договорились и дали в руки нашему баю деньги'.

3. Характерен показатель дательно-направительного падежа *-gâ* (с фонетическими вариантами): *Yâgibjâ šorbâjâm/šôrvâjâm pâlâv* 'Неимущему и сун кажется пловом' (поговорка); *Kârâ hindi juguriv 'ešâkkâ mindi* (загадка) 'Черный индеец побегал и оседлал осла' («бурдюк»); *Lâttâni tuguv kudukkâ tâjlâjvuz* (загадка) 'Обернув тканью, бросаю его в колодец' («труп в саване»).

В поэтических произведениях встречается и устаревшая форма (сингармонический вариант) на *γd—γâ*: *hâk ôzi gâhm âjlâsun ul bivâju-biçâgâγâ* 'да помилует творец тех вдов и несчастных'.

4. Используемый показатель исходного падежа *-dân* ничем не отличается от аффикса *-дан* узбекского литературного языка и, как во многих узбекских говорах, имеет фонетический вариант *-tân*: *siz nimâ sâvârtân kevdiv* 'вы зачем пришли?'.

²² Ф. Абдуллаев. Қарнок шевасининг фонетикасидан. — В журн.: «Узбек тили ва адабиёти», 1965, № 6, стр. 17; *его же*. Фонетика хорезмских говоров, стр. 115.

²³ Там же, стр. 116.

²⁴ Е. Д. Поливанов. Образцы несингармонических (иранизованных) говоров узбекского языка, стр. 94.

²⁵ В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. 2, стр. 1451 (*куран*—бурый, масть лошади).

После носовых согласных *m, n, ng* исходный падеж принимает форму *-nān*: *Verjāpnān — āl, urjāpnān — kâč* 'У дающего — бери, от бьющего — беги' (поговорка).

Реликтовая форма исходного падежа на *-din* широко используется в поэзии²⁶:

Juzing zebāliyi kānglum âčärmu?

Zulfing žilāsidin kājyu kâčärmu?

'Порадует ли меня красота твоего лица?

От блеска твоих локонов исчезнет ли моя печаль?'

Форма множественного числа на *-lār//lā* ничем не отличается от формы множественного числа ташкентского диалекта²⁷.

1. Среди форм притяжательных аффиксов следует отметить аффикс первого лица множественного числа на *-vuz//-uvuz*, характерный и для ташкентского диалекта²⁸: *ičuvuzgā mäslāhätuvuz bâr* досл. 'между нами есть разговор' ('мы должны посоветоваться'); *mäšātkā gômālivuz belivuzgā, älkāj-älkāj ketävuz jölivuzgā* 'вот здесь наш платок, на поясе, воздав (вам) хвалу, мы отправимся в свой путь'.

2. Не менее интересна форма 2-го лица множественного числа, идентичная таковой в ташкентском диалекте и в каршинском говоре:

ätibiz/ätivuz 'наш конь',

ätijiz/ätijlä 'ваш конь',

ätävuz 'наш отец',

ätäjiz/ätäjlä 'ваш отец'.

Присоединение показателя множественности к личному местоимению 1-го лица множественного числа сильно изменяет форму слова: *bizā kogkābizām* 'мы и боимся'. Когда этот аффикс присоединяется к личному местоимению 2-го лица множественного числа, то и здесь слово подвергается стяжению — *silā//slä*: *silā bu jergā jätipsilā, dāvlät silādān kājtti* 'вы здесь спокойно лежите, а богатство от вас ушло (отвернулось)'.²⁹

В системе спряжения имеются отдельные формы, отличающиеся от норм литературного языка, но совпадающие с ташкентскими.

Формы глагола настояще-будущего времени

Единственное число

mān ketāmān 'я пойду',
sān ketāsān 'ты пойдешь',
и *ketādi* 'он пойдет',

Множественное число

biz ketävuz//ketābiz 'мы пойдем',
silā ketāsilā//ketāsiz 'вы пойдете',
ulā ketādi//ketādilā 'они пойдут'.

Формы настоящего конкретного времени глагола идентичны таковым в каршинском говоре.

Единственное число

mān bârâtimmān 'я иду',
sān bârâtipsān 'ты идешь',
и *bârâtipti//bârâtti* 'он идет',

Множественное число

bizā bârâtimmiz 'мы идем',
silā bârâtipsilā, sizbârâtipsiz 'вы идете',
ulā bârâtipti//bârâttilā 'они идут'.

²⁶ Форма на *-din* вообще характерна для письменно-литературного «чагатайского» языка. Из современных тюркских языков она сохранилась в уйгурском и в узбекских говорах икано-карабулакского типа (см.: К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. — В сб.: «Материалы по узбекской диалектологии», I. Ташкент, 1957, стр. 35).

²⁷ Я. Г. Гулямов. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. — В сб.: «Материалы по узбекской диалектологии», I. Ташкент, 1957.

²⁸ Там же, стр. 191.

В каршинском говоре:

mān bārātummān,
sān bārātupsān,
u bārātuplu,

biz bārātummiz//bārātubbiz,
siz bārātupsiz,
ulā bārātuptu²⁹,

(лит. *боряпман, боряпсан, боряпти, боряпмиз, боряпсиз, боряпти*).

Из глагольных форм прошедшего времени заслуживает внимания форма прошедшего длительного времени:

Единственное число

mān bārijdim 'я ходил' (лит.
борар эдим),
sān bārijding 'ты ходил',
u bārijdi 'он ходил',

Множественное число

bizā bārijdij 'мы ходили',
silā bārijdijlā 'вы ходили',
ulā bārijdi 'они ходили'.

Представляет определенный интерес и форма на *-mākčīn*, выражающая намерение субъекта совершить действие:

Единственное число

mān bārmākčīnmān 'я намерен
пойти',
sān bārmākčīnsān 'ты намерен
пойти',
u bārmākčīn 'он намерен пойти',

Множественное число

bizā bārmākčīnmiz 'мы намерены
пойти',
silā bārmākčīnsilā//siz bārmāk-
čīnsiz 'вы намерены пойти',
ulā bārmākčīn//bārmākčīnlā 'они
намерены пойти'.

Данная форма глагола со значением намерения отмечена пока лишь в каршинском говоре узбекского языка, в остальных же говорах (не огузских), так же как и в литературном языке, обычна форма *bārmākčītmān* 'я намерен пойти'.

Образование на *-mākčīn*, как и в литературном языке, может сочетаться с глаголом *bōlmāk* (лит. бўлмоқ) 'быть', 'становиться', выражающим определенные значения модальности, осложненные временными оттенками:

ālmākčīn { bōlādi 'он хочет взять',
bōldi 'он решил взять',
bōlipti 'он хочет взять' (говорят),
bōlgān 'он раньше хотел взять',
bōlgānedi 'он хотел было взять',
bōlsā 'если он хочет взять' и т. д.

Некоторые формы причастия также имеют своеобразное оформление. Например, причастная форма настоящего времени имеет форму *bārājātikān, kelājātikān* 'dārājā iślājātikān māni ināyām bōlādi 'человек, который работает в учреждении, является моим братом', ketājātikān ādām 'человек, который уходит'. Иную форму имеет причастие со значением будущего времени *kilājān* 'который будет делать', *ʔokijān* 'который будет учиться', *sā:rgā//šā:rjā bārājān ādām bā:mi?* 'есть ли человек, который поедет в город?'

Что касается лексических особенностей языка узбеков, проживающих на обширной территории северного Афганистана, то можно сказать, что лексика этих говоров содержит преимущественно общетюркские корни, связанные с карлукско-огузской основой, и что она испытала сильное влияние соседних говоров таджикского языка или *dāri*.

²⁹ А. Шерматов. Указ. автореф., стр. 30.

Л. П. ПОТАПОВ

«ИЕР СУБ» В ОРХОНСКИХ НАДПИСЯХ

Среди сюжетов, отражающих религиозные верования древних тюрков, немало посвящено высшим божествам, упоминаемым в орхонских надписях — *Тэнгри* (небо) и *Умай*¹. Исследование этих сюжетов велось нами путем сопоставления объектов древнетюркских религиозных верований с соответствующим этнографическим материалом современных тюркских народов, живущих в горах Алтая и Саян, и это позволило прийти к заключению, что материалы по религиозным верованиям алтае-саянских народов, в свете сравнительного анализа, являются ценным источником для изучения этногенеза населения Южной Сибири и Центральной Азии, их истории вообще и истории религии в частности. Подобный метод даст возможность пролить свет на многие стороны и формы древнетюркских религиозных верований, о которых сохранились лишь отрывочные сведения в письменных источниках.

В настоящей работе рассматриваются данные о третьем главном божестве древних тюрков, именуемом в орхонских надписях *ыдык Иер суб* (*ıduq* или *uduq* *ıer sub*, *ıer suw*, *jär sub*) и упоминаемом вместе с *Тэнгри*. Приведем примеры: 1) «вверху Тэнгри тюрков и Иер суб тюрков так сказали: „да не погибнет тюркский народ, народом пусть будет”»; 2) «Тэнгри, Умай, Иер суб даровала (нам) победу»². В этих надписях употребляется также выражение *Иер суб*, свободное от религиозного символизма, для обозначения конкретной территории или местности, как совокупности земли (*Иер*) и воды (*суб*), но без эпитета *ыдык*, например: «Да не останется без властителя Кёгменская земля-вода!»³.

Название *Иер суб* с его эпитетом *ıduk* (*yduk*) привлекло внимание исследователей уже при первом прочтении орхонских надписей в конце

¹ См.: Л. П. Потопов. Новые данные о древнетюркском *Ötükän*. — «Советское востоковедение», 1957, № 1; *его же*. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973; *его же*. Алтае-саянские параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение. — «Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института этнографии», в. 11. Горно-Алтайск, 1974; *его же*. Über den Pferds skull bei den Völkern des Sajan-Altai-Gebiges. — «Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Fölkerkunde Dresden» (ABSMFD). Dresden, Bd. 34, Berlin, 1975; *его же*. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов. — В кн.: «Этнография народов Алтая и Западной Сибири». Новосибирск, 1978; *его же*. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. — Там же.

² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 37, 39, 63, 68.

³ И. В. Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — «Тюркологический сборник. 1971». М., 1972, стр. 216.

XIX века и было переведено как название божества «Земля-Вода»⁴. С тех пор вопрос об *Иер суб* эпизодически обсуждается в тюркологической литературе, вызывая временами дискуссии о том, относится ли *Иер суб* к категории особого древнетюркского божества или это лишь совокупность духов земли и воды, на что указывает буквальный перевод названия.

В. В. Радлов, сразу признавший за *Иер суб* название особого самостоятельного божества, аргументировал это ссылкой на свои полевые записи у алтайцев, сделанные им более чем за тридцать лет до открытия и расшифровки орхонских надписей. «Выражение *jār su* или *jāgsu* (-jег суб), — писал он, — в значении обозначения божества употребляется еще теперь у алтайцев и телеутов, которые придерживаются шаманства». Далее В. В. Радлов приводит следующее место из своих записей (на алтайском языке и в немецком переводе): «Мы (алтайцы. — Л. П.) камлаем 70 горам, Иер-су, всеобщему отцу Бай-Ульгеню и еще Ерлику»⁵. Совершенно очевидно, что алтайцы почитали *Иер су* за отдельное божество наряду с духами гор и *Ульгеном* — этим персонифицированным аналогом божества Неба. Отсюда видно, что во времена В. В. Радлова культ *Иер су* существовал у алтайцев одновременно с почитанием *Ульгена*, подобно тому, как культ *Иер суб* у древних тюрков сосуществовал с поклонением *Тэнгри*, о чем свидетельствуют орхонские надписи.

Однако В. Томсен перевел *Иер суб* как «духи Земли и Воды» и тем самым положил начало различному толкованию данного названия в исследованиях, посвященных древним верованиям⁶. Вслед за публикацией надписей В. В. Радловым с оценкой их исторического значения выступил В. В. Бартольд. Сославшись на запись В. В. Радлова о том, что алтайцы поклоняются *Иер су* наряду с шестидесятью (sic! — Л. П.) горами, он почему-то усомнился, что *Иер суб* означает особое божество, а не общее название духов⁷. Правда, несколько позднее В. В. Бартольд убежденно заявил: «Из тех мест, где говорится о земле и воде (*jār суб*) тоже можно вывести заключение, что имеется в виду земля и вода как единое божество, а не как собрание духов земли»⁸. Заметим, что и В. Томсен в дальнейшем признал *Иер суб* за «божество Земли и Воды»⁹. Наконец, в переводах и исследованиях П. М. Мелиоранского *Иер суб* характеризуется как шаманское божество¹⁰.

Итак, после расшифровки и публикации первых же переводов орхонских надписей был выявлен древнетюркский пантеон, в составе которого фигурировало и божество *Иер суб*, игравшее видную роль в религии древних тюрков. Это двухэлементное название, выступающее в обязательном сочетании, было правильно понято как каноническое терминологическое единство для наименования данного божества. К сожалению, этот важный исследовательский результат был забыт впо-

⁴ W. Radloff. Alttürkischen Inschriften der Mongolei (AIM). СПб., 1895, стр. 240.

⁵ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. I. СПб., 1866, стр. 150. В немецком переводе текста алтайское слово *jārton* переведено ошибочно не 70, а 60!; см. AIM (Dritte Lieferung), стр. 240.

⁶ V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. — «Memoires de la société finno-ougrienne» (MSFOu), V, Helsingfors, 1896, стр. 144.

⁷ V. Bartold. Die historischen Bedeutung der Alttürkischen Inschriften. AIM (Neue Folge). St. Pet., 1897, стр. 10. В. В. Бартольд повторяет, видимо, опечатку В. В. Радлова «60 гор», а не 70, как написано в алтайском тексте.

⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 26.

⁹ V. Thomsen. Turcica. MSFOu, Helsingfors, 1916, стр. 35.

¹⁰ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — «Записки Восточного Отдела Русского Археологического Общества» (ЗВОРАО), т. XII, в. II—III. СПб., 1899, стр. 105.

ледствии, когда к орхонским надписям, как к одному из важных письменных источников, стали обращаться востоковеды, и не только лингвисты или филологи, но и историки, этнографы, фольклористы и т. д. Так, например, в переводе С. Е. Малова *Иер суб* без всяких объяснений и аргументации означает просто «родину древних тюрков»¹¹. В словаре, приложенном к переводу памятников древнетюркской письменности, С. Е. Малов расчленил термин *Иер суб* и каждый из элементов поместил в соответствующем месте под обыденным буквальным значением («земля» и «вода»). Таким образом, из орхонских надписей оказалось исключенным важное указание на существование у древних тюрков божества высокого ранга, почитание которого сохранилось у некоторых тюркских народов до нашего времени. Так же поступили и составители «Древнетюркского словаря»¹², и видный тюрколог А. фон Габэн, которая даже не упомянула об этом божестве в своей работе, посвященной содержанию и магическому значению древнетюркских надписей¹³.

Под влиянием такого формального и упрощенного перевода оказался и Дж. Клосон, объявивший религиозное содержание названия *Иер суб* «только предположением» и заявивший, что это слово «означает просто территорию», то есть область, «включающую и земли, и реки, и воды, и т. д.»¹⁴. Заметим в этой связи, что при переводе орхонского *Иер суб* как «родина», к тому же священная (*īduq*), следовало бы призадуматься над тем, не приписывается ли таким образом древним тюркам — народу с часто изменявшимся этническим составом и неустойчивыми границами занимаемой территории, наше понятие о родине или священном отечестве?

Вместе с тем появились и работы, свидетельствующие о возобновлении интереса к *Иер суб* в религиозно-этнографическом аспекте. Например, этнограф Э. Лот-Фальк затронула этот вопрос в своем интересном исследовании по поводу *Ātūgān* — богини Земли у монголов, в котором она, под влиянием монгольского материала, усмотрела соответствие исследованному ею персонажу древнетюркской богини *Умай* и связанному с ней божеству *Иер суб*¹⁵. Э. Лот-Фальк полагала, что у древних тюрков также была богиня Земли выступающая здесь в раздельном значении: *Умай* и *Иер суб*. По ее мнению, упоминание в орхонских текстах этих божеств рядом не оправдано, так как *Умай* — божество в женском облике, а *Иер суб* — абстрактное, причем *Умай* сохранилось у алтайцев-шаманистов как бы в мумифицированном виде, а *Иер суб* раздробленным на отдельных духов — земли и воды¹⁶. Однако все эти предположения не подтверждаются фактическим материалом. Напомним здесь, что *Умай* имеет очевидную связь с материнским жизненным началом, отразившуюся в самом названии *Умай* (*Ымай*, *Май* и т. п.) у тюрков и монголов, где оно означает чрево или утробу, послед, пуповину¹⁷.

Вопрос об *Иер суб* неоднократно рассматривался Ж. П. Ру. В большой статье о религии древних тюрков в VII—VIII веках он толкует

¹¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 29, 37 и др.

¹² «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 257 (в значении «матернк», «земля» и др.).

¹³ A. von Gabain. Alttürkischen Grammatik. Dritte Auflage, Wiesbaden, 1974; *ee же*. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. Anthropos, vol. 48, 1953.

¹⁴ Gerard Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, стр. 783.

¹⁵ E. Lot-Falck. A propos d'Ātūgān. Déesse mongole de la terre. — «Revue de l'Histoire des Religions» (RHR), Paris, 1956, стр. 149.

¹⁶ Там же, стр. 168—169.

¹⁷ См.: Л. П. Потапов. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных.

его как «совокупность земных духов» и отмечает видную роль *Иер суб* в жизни древних тюрков наряду с божеством *Тэнгри* (неба)¹⁸. В более поздней работе учений склоняется к тому, чтобы признать *Иер суб* единым земным божеством¹⁹. Но особое внимание автора привлеч эпитет *ıduq*, имеющийся при *Иер суб* в орхонских надписях. Обычно этот эпитет переводился как «священный», пока не появилась книга Р. Жиро о государстве древних тюрков, где говорится также о верованиях и обычаях. Автор предложил перевести выражение *ıduq uer sub* как: «места и текущие воды, оставленные свободными»²⁰. Поводом для подобной интерпретации послужила этимология корня слова *ıduq* в форме *ıd*, указанной Махмудом Кашгарским в значении «посылать, оставлять свободным». Однако Р. Жиро вскоре отказался от своего перевода, поместив в конце книги специальное примечание, где писал: «Теперь я убежден, что выражение *ıduq uer sub* обозначает одно единственное место: лес Отюкен и одну единственную реку Тамир, вернее ее исток»²¹. Таким образом, *ıduq Jer sub* Р. Жиро свел к двум конкретным древнетюркским топонимическим объектам. Но ошибочное положение взялся возродить и отстаивать Ж. П. Ру, пытающийся объяснить смысл перевода «оставленный свободным» следующим образом: «здесь нельзя охотиться, ловить рыбу, пасти баранов, разбивать лагерь»²². Однако рассуждения в защиту нового явно бессмысленного перевода, от которого добровольно отказался даже его инициатор, несостоятельны и противоречат этнографическим фактам, в том числе отраженным в самих орхонских надписях²³.

Иначе обстоит дело с этимологией рассматриваемого термина в значении «посылать». В свое время это привлекло внимание видных тюркологов, которые переводили *ıduq* < *i + -duq 'посланный' словом «священный», исходя из того, что священный — это посланный божеством или посланный божеству²⁴. Такое толкование не выходит из границ древнетюркского религиозного сознания и согласуется с этнографическими фактами. Поэтому опасение Э. В. Севортяна по поводу связи значений «посылать» и «священный» и того, что эта связь может быть «механическим переносом христианских представлений на далекое прошлое тюрков (в частности, тюрков эпохи орхонских надгробий)»²⁵, с этнографической точки зрения неосновательно, так как представления о взаимной связи в форме посланий от божеств людям (благополучия, благодати и т. д.) и от людей божествам (жертвоприношения, посвящения) особенно характерны для шаманства. Но совершенно справедливо предположение Э. В. Севортяна о вероятной связи *ый-ық/ыд-ық/ыд-уқ* и т. д. с *ай или *ай- 'почитать' и т. п.²⁶

Мимоходом затронут вопрос об *Иер суб* в религиоведческом плане в статье И. В. Стеблевой, посвященной реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы, написанной с позиций современ-

¹⁸ Jean-Paul Roux. La religion des Turks de l'Orkhon des VII et VIII siècles. RHR, Paris, 1962, стр. 161.

¹⁹ Jean-Paul Roux. La morte chez les peuples altaïques anciens et medievales d'après les documents écrits. Paris, 1963; *ego же*. Faune et flore sacrées dans les sociétés altaïques. Paris, 1966, стр. 172, 173.

²⁰ Rene Giraud. L'empire des turcks célestes. Paris, 1960, стр. 107.

²¹ Там же, стр. 207.

²² Jean-Paul Roux. La religion des Turks..., стр. 202.

²³ См.: Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue). Bd. I, Wiesbaden, 1958, стр. 10.

²⁴ A. von Gabain. Altürkischen Grammatik, стр. 336; M. Räsänen. Versucht eines etymologischen Wörterbuch der Türkischen Sprachen, Helsinki, 1969, стр. 164—165.

²⁵ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 649.

²⁶ Там же.

ного структурализма, вообще говоря, мало пригодного для конкретных историко-этнографических исследований. Автор относит *Иер суб* к категории духов земли и воды, по аналогии с культами духов «хозяев» у современных алтайцев²⁷. В статье М. А. Сейидова хотя и поставлен вопрос о трактовке понятий *Иер суб* в древнетюркских памятниках, однако почитание данного божества сопоставляется только с реликтами домусульманских верований, главным образом у азербайджанцев и башкир²⁸. Автор приводит и анализирует любопытный материал о культуре воды, подтверждая тем самым известное сообщение Ф. Симокатты о почитании воды древними тюрками. Этот культ у тюркских народов еще ждет своего исследователя. Что касается непосредственно *Иер суб*, то М. А. Сейидов, вслед за некоторыми авторами, считает его возникшим из синтеза культов земли и воды, превратившихся затем в понятие «родина».

У орхонских тюрков божество *Иер суб* почиталось не как совокупность местных духов «хозяев», а наряду (или параллельно) с ними и независимо от них, о чем свидетельствует термин *idi* со значением «бог, господин, хозяин», зафиксированный в орхонских надписях²⁹. В этих надписях к тому же содержатся и данные о почитании отдельных объектов: гор, лесов, рек (например, *Ötükän*, *Yduq baš*, *Tamir*). Следовательно, культ подобных священных мест был столь распространенным и обычным явлением, что нашел отражение даже в сугубо светских исторических орхонских надписях.

Целесообразно обратиться непосредственно к алтайскому этнографическому материалу, на который обычно ссылаются сторонники взгляда на *Иер суб* как на совокупность духов земли и воды. Выше уже говорилось о том, что В. В. Радлов как этнограф не прошел мимо факта почитания алтайцами божества *Иер су* еще задолго до того, как были открыты и прочитаны орхонские надписи. Этот факт подтверждается и другим видным этнографом В. Вербицким, много лет изучавшим алтайцев³⁰.

Материал о поклонении и камланиях *Иер су* у алтайцев содержится и в книге А. В. Анохина³¹.

С. А. Токарев среди божеств духов, которым поклонялись алтайцы, выделил *Иер су*, отметив, что *Иер су* — это один, а не множество духов. В этом культе, по его мнению, «не видно ни анимистического, ни мифологического элемента»³². Понятие *Иер су* у алтайцев означало только божество. Сочетание же слов *Иер* и *су* для обозначения территории они не употребляли.

Для алтайских верований было характерно почитание духов хозяев (эззи) отдельных гор, лесов, скал и рек и т. д., существовавшее одновременно с культом *Иер су*. А. В. Анохин выделил этих духов в особую самостоятельную категорию «духов земли или горных духов», не имеющую

²⁷ И. В. Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы, стр. 216.

²⁸ М. А. Сейидов. К вопросу о трактовке понятий *jer sub* в древнетюркских памятниках. — «Советская тюркология», 1973, № 3.

²⁹ К. Г. Менгес. Тюркское *idi* 'господин', некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях. — В кн.: «Turcologica». Л., 1976, стр. 102—103.

³⁰ В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 236, 425.

³¹ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924, стр. 15, 17, 47, 93 и др.

³² С. А. Токарев. Пережитки родового культа у алтайцев. — «Труды Института этнографии Академии наук СССР» (ТИЭ), т. I. М., 1947, стр. 148, 151 и след.

отношения ни к *Ульгеню*, ни к *Эрлику*, указав при этом, что алтайцы называют их: духами воды и земли (*jär-su*), духами горных ледников (*jäžim taika*) и духами гор (алтай). Однако эта классификация им не выдержана до конца³³.

Упоминание в шаманских призываниях «хозяина озера» (в образе синего быка) и «хозяина воды»³⁴ говорит о том, что алтайцы название *Иер су* не осмыслили как совокупность духов земли и воды. Это подтверждается и тем, что алтайское слово *ä*, обозначающее духа-хозяина, употребляемое всегда с осложненным притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа в форме *äži*, происходит от этимона *idi*, зафиксированного в орхонских надписях со значением «хозяин, властитель»³⁵.

У кызыльцев, вошедших в состав хакасов, сохранились воспоминания об особом молении *Шер суг тайыг* (моление Шер суг или Иер суб)³⁶.

Киргизы божество *Иер суб* называли *Джер суу* (*Жер суу*). По верному замечанию С. М. Абрамзона, этот доисламский культ был своеобразной памятью о почитании древнетюркского *Иер суб*³⁷.

Название этого божества, моление ему с жертвоприношением овец, столь противоречащим догмам ислама, и отдельные ритуальные элементы ясно указывают на генетическую связь киргизского *Жер суу* с древнетюркским *Иер суб*. Примечательно также и то, что у киргизов почитали божество *Жер суу* наряду с культом «хозяев» (*ээ* или *ээси*) отдельных гор, рек, озер и т. д.

Название *Иер суб* и смутная память о нем сохранились у сибирских татар³⁸. В форме *jer suw* его обнаружил Б. Владимирцов у омонголившихся по языку тюрков-хотонцов, живших близ озера Упса-Нор³⁹.

Рассмотренный выше материал, относящийся к тюркским народам, ныне живущим столь отдаленно друг от друга, доказывает древнетюркские корни божества *Иер суб*. Древнетюркская основа выступает как в его названии, так и в представлении о нем как о верховном шаманском земном божестве, почитавшемся не отдельными племенами, родами или территориальными группами, а народом в целом.

Этот материал доказывает еще и одновременное существование культов *Иер суб* и локальных духов — «хозяев» отдельных гор, хребтов, рек, озер, тайги и других объектов местной природы, на что указывают и орхонские надписи. Данное обстоятельство делает беспредметным спор о том, представляет ли собой *Иер суб* особое самостоятельное божество или оно лишь обозначает совокупность духов земли и воды. Тем самым выявляется и ошибочность перевода двухэлементного названия *Иер суб* с эпитетом *ыдык* словом «родина» или «территория».

Несомненно одно, что сохранение у современных тюркоязычных народов отголосков религиозных верований, связанных с *Иер суб* и другими древнетюркскими божествами (*Тэнгри*, *Умай*), не может быть слу-

³³ А. В. Анохин. Указ. раб., стр. 1, 17, 30, 33, 38, 47, 49 и след.

³⁴ Там же, стр. 136.

³⁵ К. Г. Менгес. Указ. раб., стр. 102—103.

³⁶ М. С. Усманова. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов. — В кн.: «Из истории Сибири», в. 19. Томск, 1976.

³⁷ С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и исторические связи. Л., 1971, стр. 294—295; Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972, стр. 38—39.

³⁸ По личному сообщению Ф. А. Валеева.

³⁹ Отчет Б. Владимирцова о командировке к байтам Кобдосского округа. — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (ИРКИСВА), сер. II, № 1. СПб., 1912, стр. 102.

чайным или конвергентным. Объяснение этого феномена следует искать в истории этих народов с их сложным и смешанным этническим составом.

В этническом составе алтайцев — нынешних хакасов (в том числе кызыльцев), тувинцев и других — ясно прослеживаются древние этнические элементы VI—VIII веков, восходящие либо непосредственно к тюркам, либо к племенам *теле*, возглавлявшимся уйгурами⁴⁰. Не подлежит сомнению, что какая-то часть далеких предков этих народов была связана этногенетическими узами с древними тюрками и племенами *теле*, жила с ними общей исторической жизнью в составе тюркских каганатов, союза племен *теле* и уйгурского каганата. Это подтверждается различными письменными источниками. Поскольку главные божества древних тюрков (*Тэнгри*, *Умай*, *Иер суб*) были общими в масштабе этих государств, где шаманизм являлся основной религией и шаманы входили в состав правящей верхушки, то, следует думать, названные исторические предки поклонялись этим божествам⁴¹.

⁴⁰ Л. П. Поталов. *Этнический состав и происхождение алтайцев*. Л., 1969; *его же*. Тюркские народы Южной Сибири. — В кн.: «История Сибири с древнейших времен», т. I. Л., 1968.

⁴¹ Л. П. Поталов. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. — В кн.: «Этнография народов Алтая и Западной Сибири». Новосибирск, 1978.

РЕЦЕНЗИИ

АСКАР ТУРСУНОВ. КЫРГЫЗ ТИЛИНДЕГИ ЭТИШТИК
СӨЗ АЙКАШТАРЫ (САЛЫШТЫРУУ ПЛАНЫНДА), II БӨЛҮК

«ИЛИМ» БАСМАСЫ, ФРУНЗЕ, 1978, 337 стр.

Новая монография А. Турсунова, посвященная изучению глагольных словосочетаний в киргизском языке (в сопоставительном плане), является продолжением его работы «Кыргыз тилиндеги сөз айкаштары (жалпы маселелер)», I-бөлүк [«Словосочетания в киргизском языке (общие вопросы)», часть I], опубликованной в 1976 году.

Синтаксис простого предложения относится к малоизученным проблемам грамматики киргизского языка.

Рецензируемая книга состоит из вводной части и трех глав. Вводная часть включает три раздела. В первом из них справедливо подчеркивается, что многие вопросы киргизского синтаксиса, в том числе и словосочетания, еще недостаточно изучены. Именно поэтому автору пришлось обратиться к теоретическим исследованиям в области словосочетания, проведенным на материале других — тюркских и индоевропейских — языков.

Теоретическую основу рецензируемой работы составили труды советских ученых. Особенности глагольного словосочетания киргизского языка исследуются автором в сопоставлении с языком древнетюркских памятников и современными тюркскими языками: алтайским, тувинским, хакасским, казахским, татарским, туркменским и узбекским. Автор ставит целью установление исторической преемственности между современным киргизским и древнетюркским языками в отношении ряда моделей глагольного словосочетания, выявление специфики киргизского языка, отличающей его от соседних и других тюркских языков, раскрытие общих тенденций в развитии упомянутых выше современных тюркских языков.

Классифицируя типы словосочетаний, А. Турсунов критически подходит к функциональному принципу, широко применяе-

мому в трудах ряда тюркологов, ибо, как справедливо подчеркивает автор, не всегда можно подразделять словосочетания по их функциям в предложении. Во многих случаях связь между компонентами свободного словосочетания оказывается неустойчивой, каждый из них сохраняет свою лексико-семантическую самостоятельность. Структурные особенности словосочетания, указывает В. В. Виноградов, в большинстве своем зависят от морфологической структуры и семантики главного (подчиняющего) компонента.

Основываясь на этом положении, автор классифицирует словосочетания в киргизском языке, исходя из следующих основных принципов: 1) принадлежности компонентов или элементов словосочетания к определенной части речи по своим морфологическим особенностям; 2) видов синтаксической связи между компонентами словосочетания; 3) структуры словосочетания. Согласно первому принципу выделяются две большие группы словосочетаний: именные и глагольные; второму — группы словосочетаний, связанных между собой посредством примыкания, управления и согласования; третьему — группы простых и сложных словосочетаний.

О глагольных словосочетаниях А. Турсунов пишет, что в современном киргизском языке они являются наиболее распространенными и продуктивными. К основным факторам, определяющим возможности глаголов в сочетании с другими словами, относятся: морфологические свойства глаголов, их лексическое значение, лексико-грамматические особенности подчиненного компонента. Главный компонент глагольного словосочетания связывается с подчиненным компонентом посредством трех следующих способов: примыкания, управления и согласования. В трех главах

книги исследуются глагольные словосочетания, образованные этими способами.

В первой главе «Глагольные словосочетания, образованные посредством примыкания» автор указывает, что компоненты этого типа глагольного словосочетания связывает порядок их расположения в предложении. На письме подчиненный компонент всегда предшествует главному, уточняя различные его признаки. В разговорной речи эти компоненты связаны между собой интонационно. Примыкание может быть как контактным, так и дистантным. Грамматическое значение словосочетания выражается суммой обобщенного лексико-семантического значения и взаимоотношения слов, его составляющих. По своей структуре этот тип словосочетания многообразен. В качестве подчиненного компонента выступают наречия, деепричастия, подражательные слова, прилагательные, числительные, местоимения. Подробно описываются в главе типы глагольных словосочетаний, образованных способом примыкания: наречие+глагол, подражательные слова+глагол, деепричастие+глагол, имя прилагательное+глагол, имя числительное+глагол, местоимение+глагол. Автором проведена тщательная внутренняя классификация каждого типа.

Вторая глава «Глагольные словосочетания, образованные посредством управления» состоит из пяти разделов, распадающихся на подразделы. В первом разделе исследованы словосочетания, в которых управляющий глагол — главное слово — сочетается с именами в винительном падеже; в роли подчиненного компонента выступают именные части речи: существительное, местоимение, субстантивированное прилагательное, числительное, причастие, имя действия. Наибольшим разнообразием отличаются глагольные словосочетания с именами существительными. Говоря об оформленном и неформальном винительном падеже, автор приводит новые грамматические и семантические доводы в пользу «неформального винительного» и polemизирует с лингвистами, рассматривающими немаркированный вариант винительного падежа как форму именительного или неопределенного падежа. Анализируя разные фонетические и морфологические варианты формы аффикса винительного падежа, А. Турсунов определяет отношение киргизского языка к языку древнетюркских памятников и к сравнимым в работе языкам, а также некоторые ареальные особенности тюркских языков. В главе показаны особенности лексико-семантических групп переходных и непереходных глаголов киргизского языка. Наряду с общим свойством имени в винительном падеже — выражением прямого объекта указываются и специфические черты каждой части речи, выступающей в составе словосочетания: имя в винительном падеже+глагол. Дается подробная характеристика главного и подчиненного компонентов словосочетания.

В таком же аспекте подробно рассмотрены глагольные словосочетания, подчиненный элемент которых оформляется в дательном-направительном, местном, исходном и инструментальном падежах.

В разделе «Глагольные словосочетания, образованные способом согласования» автор исследует тип словосочетания, известный в тюркологии под названием «изафетные сочетания» (полные и неполные). А. Турсунов считает, что этим способом образуются и глагольные словосочетания (*алгадын бермеги бар, кулгөндүн билгеги бар* 'брать — значит отдавать, улыбаться — значит знать'; *адамга малдын табылышы оңой, адамдын табылышы кыйын* 'легко заработать имущество, труднее — дружбу'; *биздин чаршасыбыздын толук себеби бар* 'есть достаточно причин для нашей усталости' и т. д.). Вряд ли это утверждение правомерно, поскольку данный тип представляет собой именное словосочетание, а не глагольное. Не совсем удобна транскрипция, используемая автором при подаче материалов других тюркских языков.

Третья глава книги посвящена исследованию глагольных словосочетаний со служебными словами: послелогами и служебными именами. Глава включает два раздела: глагольные словосочетания с послелогами (имя+послелог+глагол) и глагольные словосочетания со служебными именами (имя в родительном падеже+служебное имя+глагол). На большом фактическом материале киргизского языка подробно анализируется роль послелогов и служебных имен в образовании словосочетаний. Глагольные словосочетания с послелогами классифицированы на основе сочетания последних с именами: в основном в дательном-направительном и исходном падежах. Словосочетания с участием служебных имен классифицированы по их семантическим особенностям: отношению предметов по вертикали, горизонтали, окружению, внутренней и внешней соотнесенности и т. д.

В специальном разделе рассмотрены теоретические вопросы деления словосочетаний на простые и сложные, а также особенности компонентов простого и сложного глагольных словосочетаний. Опираясь на высказывания отечественных тюркологов и лингвистов, на основе анализа большого фактического материала киргизского и других тюркских языков автор определяет главные критерии компонентов простого (стр. 259—267) и сложного глагольных словосочетаний (стр. 267—270). Простые словосочетания, как правило, состоят из двух слов, то есть являются двусоставными, тогда как сложные — из трех и более слов. Автор предлагает четко различать понятия «компоненты словосочетания» и «слова в составе словосочетания», чтобы не смешивать простые словосочетания со сложными (стр. 266). А. Турсунов проанализировал основные типы сложных словосочетаний, состоящих из трех и более (многосоставные) слов, образованные различными синтаксическими способами связи: при-

мыканием, управлением, согласованием. Им установлены модели: 43 типов простых глагольных словосочетаний, 52 типов сложных трехсоставных и 26 типов сложных многосоставных глагольных словосочетаний.

В «Заключении» А. Турсунов подчеркивает, что глаголы, по сравнению с другими частями речи, более активно участвуют в формировании различных типов словосочетаний. Автор дифференцирует по характеру глагольных словосочетаний признаки, общие для киргизского и других тюркских языков, и особенности, присущие только киргизскому языку. Показаны общие и специфические черты словосочетаний киргиз-

ского языка, с одной стороны, и языка древнетюркских памятников — с другой. Определены наиболее древние и поздние по времени образования типы глагольных словосочетаний.

Монография А. Турсунова, представляющая собой первый опыт систематического и детального изучения глагольного словосочетания в киргизском языке, несомненно, будет широко использована при составлении сравнительно-исторических грамматик тюркских языков, практических учебных пособий по киргизскому языку для школ и вузов.

К. Мусаев

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТАТАРСКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ (ФОНЕТИКА И ЛЕКСИКА)

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1978, 248 стр.

Среднее Поволжье, как известно, является регионом сложных исторических, лингвистических и этнических контактов народов — носителей языков различных систем.

Сравнительное изучение двух родственных языков этого региона — татарского и чувашского — с привлечением обширного материала из других тюркских и нетюркских языков позволяет не только глубже раскрыть проблемы истории этих двух языков, но и внести определенную лепту в сравнительно-историческое и ареальное изучение тюркских языков вообще.

Сравнительное исследование тюркских языков Поволжья непосредственно связано с изучением пресловутого вопроса о «булгарском наследии» в чувашском и татарском языках, а следовательно, и проблемой этногенеза татар, башкир и чувашей. Этим отчасти объясняется повышенный интерес к истории этих языков, проявляемый не только лингвистами, но и историками, археологами, этнографами и др.

Рецензируемая монография состоит из введения, трех глав и заключения. Во вводной части книги приводятся краткие сведения о зарождении и развитии болгаро-чувашской лингвистической теории и критически анализируются различные, порой взаимоисключающие, мнения ученых о болгаро-чувашско-татарских отношениях. Р. Г. Ахметьянов оговаривает, что его исследование опирается на положение о булгарском происхождении чувашского языка.

Тем не менее в монографии автор не стремится подтвердить «чувашскую концепцию» в булгарском вопросе, которая обычно расшифровывается примерно следующим образом: 1) чуваша являются прямыми потомками булгар; булгарский язык — это древнечувашский язык; 2) татары захватили древнюю Булгарию и, ассимилировав ее население, частично восприняли ее высокую культуру.

Выводы автора, основанные на объективном и тщательном анализе фонемного состава и лексики татарского и чувашского языков, проливают определенный свет и на вопрос о «булгарском наследии».

Первая глава («Фонетика») посвящена сравнительно-историческому изучению системы вокализма и консонантизма татарского и чувашского языков. В первом разделе этой главы исследуются специфические черты татарско-чувашско-башкирского вокализма, характеризующегося как общими особенностями, так и известными различиями между татарским и башкирским языками, с одной стороны, и чувашским — с другой. Автор считает, что многие вопросы, связанные с этой проблемой, не получили еще удовлетворительного ответа, и выдвигает свои положения.

Объясняя особенности татарско-башкирско-чувашского вокализма, Р. Г. Ахметьянов говорит о влиянии древнекыпчакских диалектов на татарский, чувашский и другие языки. До сих пор большинство особен-

ностей вокализма указанных языков объяснялось либо влиянием финно-угорского субстрата, либо же спецификой чувашского вокализма, сформировавшегося в изоляции от других тюркских языков этого региона и восходящего непосредственно к древнетюркскому языку-основе или к гунно-болгарскому языку. Положение Р. Г. Ахметьянова выгодно отличается от этих гипотез своей обоснованностью.

Вполне убедительны, на наш взгляд, и доводы Р. Г. Ахметьянова о кыпчакском происхождении огубления *a* в первом слоге в чувашском, татарском, марийском и некоторых других языках. При этом автор совершенно справедливо опирается на произвольное чередование *o~a* в древнерусской передаче половецкого произношения (*аба ~ оба* 'медведь-предок') и на встречающиеся случаи оканья в кыпчакских заимствованиях в русском языке (*козак, корсак, лошадь* и др.).

К древнекыпчакскому языку возводятся в рецензируемом исследовании также татарские *и* и *э* (соответственно чувашские *и* и *е*); влиянием западнокыпчакских диалектов объясняются колебания *ā~и* (*э~и*) в диалектах чувашского и татарского языков (*пяр 'мы', сяр 'вы', кэбан ~ кибан 'стой', кэлы ~ кимэ 'лодка'*), случаи чувашского опереднения (*ен 'сторона', кёске 'короткий'*) и так называемые «нерегулярности» чувашского вокализма. Выводы автора по этому вопросу подкрепляются убедительным лингвистическим анализом: «Кыпчакский этнос — носитель языка, который повлиял на татарский, чувашский и марийский языки, очевидно, существовал в соседстве с древними чувашами и марийцами. Областью, где имели место эти контакты, могли явиться, например, низовья р. Сура (бассейны рек Пьяма, Урга и бассейн р. Свяга)...» (стр. 35).

Эти положения о древности собственно тюркского этноса в Поволжье подтверждаются и экстралингвистическими фактами, приводимыми в исследованиях археологов, антропологов, этнографов и др.

В вопросе переходов *o>y*, *y>o*, *ö>y*, *y>ö* автор придерживается субстратной теории и предполагает, что вероятным источником *o*, *ö* были древнеугорские языки, а не марийский.

Представляет интерес и предположение об условиях перехода *o>y*, *ö>y*, *э>и*, объясняющее происхождение татарских *y*, *ү*, *и* стяжением дифтонгоидов: *yo*, *yö*, *yө*, *ye*, *йэ*, *йө*. В этой связи следует отметить, что, видимо, не случайно и в современном татарском языке в определенных языковых ситуациях вместо *y*, *ү* произносятся дифтонгоиды *yo* (*үэ*): *Идел бит үөл, Киң бит үөл...*, *йүк үзәм* и т. д.

В разделе «Консонантизм» основное внимание уделяется объяснению характерных различий между татарским и чувашским языками в области согласных — соответствиям *p~з*, *л~ш* и др.

Исследуя ротацизм, автор придерживается широко распространенного в тюркологии мнения о первичности *p* (*p>з*) и в толковании условий данного перехода исходит из предположения об открытом характере типичного слога в древнеобщетюркских диалектах: «1. Исчезают открытые слоги внутри слова и ослабленный *p* первых подударных закрытых слогов (особенно при наличии звуков-катализаторов, например, *p*) переходит через ступень *θ* в *з*: *кары-ғакъ > кар-ға-къ > казакъ* 'казах; холостяк, бобыль', *ка-ръ ~ га-нъ > кар-га-нъ > каз-ан-ъ* 'котел', *тобу-ръ-га-нъ > тор-га-нъ > тоз-анъ* 'пыль'» (стр. 69).

В книге получило освещение многие спорные вопросы тюркской фонетики: происхождение общетюркских долгих гласных, связь появления закрытых слогов с переносом ударения с первого на последний слог, следы родо-классовых делений слов в древнетюркских языках и т. д. Р. Г. Ахметьянов вводит в научный обиход новый языковой материал из татарского и чувашского языков и их диалектов.

Следует отметить, что основные положения, выдвинутые Р. Г. Ахметьяновым, касаются узловых проблем формирования и развития татарского и чувашского языков. На основе системного изучения вокализма указанных языков автор приходит к следующим общим выводам:

1) сходные явления в системах вокализма татарского, чувашского и башкирского языков восходят к единому источнику, Этим источником мог быть болгарский язык;

2) общие черты татарского и чувашского языков в области вокализма суть результат взаимовлияния этих языков, а не их идентичного развития;

3) изменения гласных в низовом диалекте чувашского языка объясняются влиянием татарского языка: «...Казанский и мишарский диалекты татарского языка оказали огромное влияние на образование низового диалекта чувашского языка...» (стр. 45).

Вторая глава рецензируемого исследования («Лексика») посвящена количественно-статистической и общей сравнительной характеристике лексики татарского и чувашского языков.

Подробный статистический анализ лексики позволил автору установить степень взаимопроникновения и примерный объем общей части словаря татарского и чувашского языков.

Р. Г. Ахметьянов обратил внимание также на большое сходство морфемного состава татарских и чувашских слов. Примечательно, что многие словообразовательные и формообразовательные аффиксы в исследуемых языках полностью совпадают (*-чы ~ -çä*, *-ғä*, *-даш ~ -таш*, *-мыш ~ -мәш*, *-кыч ~ кәчә*, *-у ~ -ү*, *-лы ~ -лә*); немало общего в употреблении глаголов-модификаторов, образующих сложные глаголы в та-

тарском и чувашском языках (*язып ал — сырса ил; язып бир — сырса пар* и др.). На наш взгляд, убедительны доводы автора, утверждающего, что чувашские вопросительные частицы *-и, -им, -ши, -ишм* восходят к татарским: *ис, эйе, йеме, шай, шайы, шайымы*.

Глубоко разработаны в рецензируемом исследовании разделы о заимствованиях. До сих пор на основе поверхностных наблюдений высказывалось мнение, что татарских заимствований в чувашском языке насчитывается всего около ста. Р. Г. Ахметьянов же устанавливает, что количество таких слов доходит до 7000 (2000 неразложимых в чувашском языке основ и их дериваты).

В разделах, посвященных сравнительному изучению лексики, приведен обширный фактический материал по тематическим классам слов и терминов: 1) родственных отношений и поло-возрастной классификации; 2) религиозных обрядов и календаря; 3) материальной культуры, скотоводства и земледелия.

Свод терминов религиозных обрядов и календаря этого региона, например, имеет большое значение также и для выявления

этнических и историко-культурных связей народов Поволжья.

Важными для истории татарского народа представляются выводы Р. Г. Ахметьянова, сделанные на основе сравнительного анализа терминов материальной культуры, скотоводства и земледелия. На многочисленных и убедительных языковых фактах доказываемая истинность земледельческой терминологии татарского языка, что свидетельствует, по мнению автора, о большой роли кыпчакского элемента в формировании земледельческой культуры Урало-Поволжья.

В третьей главе предпринята попытка согласовать свои выводы и гипотезы о взаимовлиянии чувашского и татарского языков с конкретными данными истории, этнографии и археологии.

Р. Г. Ахметьянов проделал большую и кропотливую работу по сравнительному изучению двух родственных, связанных глубокими общими историческими корнями, языков.

Монография Р. Г. Ахметьянова, бесспорно, вносит определенный вклад в сравнительное изучение тюркских языков.

Ф. М. Хисамова

«МАТЕРИАЛЫ ПО ТАТАРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ»

4. ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ. РЕДАКТОРЫ Л. Т. МАХМУТОВА, Д. Б. РАМАЗАНОВА.
ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР,
КАЗАНЬ, 1978, 131 стр.

Татарскими диалектологами сектора языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР впервые в истории татарской диалектологии подготовлен и издан сборник образцов текстов, относящихся к двум диалектам татарского языка — среднему и мишарскому.

Необходимо заметить, что в фондах сектора хранится большое количество записей связанных текстов, определенная часть которых была опубликована в виде приложений к сборникам по татарской диалектологии¹. Много текстов приложено и к защищенным кандидатским и докторским диссертациям.

Средний диалект представлен более чем десятком говоров (заказанский, мензелин-

ский, крещеных татар, касимовский, нукратовский, златоустовский и др.). Впервые в большом объеме зафиксированы тексты из говоров мишарского диалекта (темниковский, кузнецкий, хвалынский, сергачский, чистопольский и т. д.). Примечательно, что записи охватывают речь татар, проживающих в различных автономных республиках и областях Российской Федерации.

Следует отметить, что записи говоров в большинстве своем производились при помощи магнитофона и поэтому являются надежным лингвистическим источником не только для диалектологов, но и для тех, кто исследует различные разделы татарского языка — морфологию, лексикологию, синтаксис, историю языка и т. д. Записи связанных текстов представляют значительную ценность, ибо они «дают возможность изучить фонетические особенности говоров в потоке речи, более полно раскрыть значения и оттенки значений морфологиче-

¹ «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1955, 157 стр.; вып. 2. Казань, 1962, стр. 281—314; вып. 3. Казань, 1974, стр. 195—233.

ских явлений и лексических единиц в контексте и т. д.» (стр. 7).

Наибольшее место в сборнике отведено записям историко-этнографического характера (предания и легенды об основании и истории некоторых населенных пунктов, описание ряда свадебных и других обрядов у различных групп татар, а также отдельных праздников, совместных работ — *өлә* 'помочь' и т. д.). Сборник дает возможность ознакомиться с образцами татарского устного народного творчества (сказки, анекдоты, пословицы и поговорки, песни, баяты).

Большой интерес представляют тексты, отражающие специфику национальной кулинарии и одежды. В сборник включены обрядовые песни, тексты, в которых нашли отражение древние верования татар. Поэтому сборник с пользой будет прочитан этнографами и фольклористами. Одинаковый по сюжету и теме материал приведен по различным говорам, что позволяет сравнивать и сопоставлять отдельные обряды и праздники у различных групп татар.

И все же особое значение рецензируемая работа имеет для лингвистов. Связанная устная речь, зафиксированная на магнитную ленту, — это новый источник для изучения диалектного синтаксиса, синтаксиса литературного языка и разговорной речи, а также исторического синтаксиса тюркских

языков. Выделение в тексте интонационно-смысловых отрезков высказывания — синтагм, открывает широкие возможности для изучения закономерностей синтагматического членения, глубины фразы в татарской речи.

Тексты даны в упрощенной транскрипции, основанной на современном алфавите. Применены и дополнительные знаки (*қ—ғ* — увулярные, *ш* — губно-губной звонкий согласный, *с* — *гамза* и др.). К сожалению, как указывают и сами составители, по техническим причинам не получили отражения специфические звуки отдельных говоров: явление лабиализации *а^о* в среднем диалекте, дифтонгоиды *у^о—у^а* в сергачском говоре и т. д.

Большая работа татарских диалектологов по сбору, фиксации и публикации быстро нивелирующегося в наше время (в связи с урбанизацией, повышением уровня культуры народа, влиянием литературного языка, естественной сменой поколений, распространением двуязычия и т. д.) диалектного материала заслуживает всяческого одобрения.

Настоящий сборник, как нам представляется, имеет важное значение не только для татарской филологии, но и для тюркологии и алтаистики в целом.

Ф. С. Сафиуллина

Ә. НҰРМАҒАМБЕТОВ. ҚАЗАҚ ТІЛІ ГӨВОРЛАРЫНЫҢ БАТЫС ТОБЫ

«ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1978, 216 стр.

Рецензируемая работа А. Нурмагамбетова является переработанным и расширенным вариантом его докторской диссертации. Книга включает введение, четыре главы, заключение и библиографию.

Автор поставил целью ответить на один из спорных вопросов казахского языкознания, а именно: существует ли в казахском языке диалекты? Объективный анализ языкового материала позволил автору прийти к заключению о справедливости мнения ученых, утверждающих наличие в казахском языке диалектов или, по крайней мере, достаточно очерченных диалектных массивов.

Первая глава посвящена историческому обзору родов и племен, имевших отношение к формированию западного диалекта казахского языка и упоминающихся в древних письменных источниках.

Многие исследователи, как известно, полагают, что прародиной тюркских племен являлись Алтай и степи Монголии. Действительно, названия некоторых племен младшего жуза в ряде случаев совпадают с зафиксированными в ранних письменных источниках наименованиями племен и родов, входивших в состав разных народов.

Если согласиться с тем, что прародиной тюрков были предгорья Алтая и монгольские степи, то нельзя отрицать и того факта, что передвижение тюркских племен к западу продолжалось до X века, а с наступлением монголов большинство из них впоследствии оказалось под властью Ногайской орды, после распада которой частично вошло в состав казахского народа, сформировавшегося в XIV—XV веках. Основываясь на этом предположении, А. Нурмагамбетов считает, что языковые особенно-

сти казахов западного региона представляют собой результат не только позднего, но и раннего влияния ногайского, башкирского, татарского и других языков.

Таким образом, автор монографии приходит к заключению, что западный диалект казахского языка включает два основных пласта: один из них несет в себе реликты языков древних родов и племен, пришедших с Алтая, второй — следы языковых влияний родов и племен данного региона. Оба эти пласта слились вместе в результате их тесного контакта как в эпоху Ногайской орды, так и в последующие периоды.

В книге приведены интересные данные топонимии. Некоторые географические названия на территории западных областей Казахстана, такие, например, как *Жайық* (река Урал), *Дендер*, *Қобда*, *Ырғыз*, *Өлкейік*, *Қошалақ* и другие, встречаются в тех местах Алтая и монгольских степей, где в древние времена были расселены тюркские племена, о чем свидетельствуют исторические источники.

На основании этих фактов автор делает вывод, что часть казахского народа, проживавшая на западе нынешней территории республики, представляла собой не монолитный союз двух-трех крупных племен, а объединение нескольких средних и мелких родов и племен. Поэтому нет оснований приписывать языковые особенности казахов западных районов какому-либо определенному древнему племени, например, *Алшын*, *Кердері* и т. д.

С нашей точки зрения, материал первой главы представляет несомненный интерес не только для лингвистов, но и для этнографов, историков, археологов.

Вторая глава посвящена фонетическим особенностям западного диалекта. Отмечается, что говоры, объединяемые западным диалектом казахского языка, имеют ряд фонетических особенностей, присущих в одном случае только какому-либо одному из них, в другом — нескольким или большинству говором.

К фонетическим особенностям казахского говора на территории Каракалпакия А. Нурмагамбетов относит соответствия *e/a*, *u/e*, *ж/дж* и др.

Из фонетических особенностей, свойственных двум говорам западного диалекта, им особо отмечается соответствие *с/з* в структуре морфологических показателей. Например: *айтамыс* вместо *айтамыз* 'скажем', *табамыс* вместо *табамыз* 'находим' и т. д. Подобные глухие варианты аффриксов в языке казахов Каракалпакия и в арало-сырдарьинском говоре обусловлены влиянием каракалпакского языка.

Определенный интерес представляет аффриката *ч*, встречающаяся в манкышлакском говоре и в языке казахов Каракалпакия и Туркменистана. Аффриката *ч* вместо литературного *ш* обычно употребляется в южных и восточных районах республики.

Одни ученые полагают, что аффриката *ч* была свойственна фонетической системе

раннего этапа в развитии казахского языка, а в наше время она сохранилась в отдельных говорах лишь как реликт более древних фонетических признаков. Другие видят в аффрикате *ч* звук, возникший в результате влияния соседних тюркских языков в условиях постоянного общения. А. Нурмагамбетов, учитывая появление *ч* на границах контактов родственных тюркских языков, придерживается второй точки зрения, подтверждаемой многими фактами, приведенными в монографии. Автор справедливо считает, что *ч* не находится в смысловоразличительной оппозиции к *ш*.

А. Нурмагамбетовым рассматривается и другая особенность данного говора, заключающаяся в «замене» звукосочетания *уғ* дифтонгом *уэ*, например, *жуғері* вместо *жугері* 'кукуруза', *жуен* вместо *жуген* 'узла', *туғесу* вместо *тугесу* 'исчерпать' и др. Причина этого явления объясняется влиянием каракалпакского языка, в котором существует нисходящий дифтонг, представляющий собой сочетание *уэ*, восходящее к древнетюркскому *уэв*. Эта особенность каракалпакского языка в языке казахов данного района, по мнению автора, получила свое выражение в появлении дифтонга *уэ*. Вероятно, замену можно было бы объяснить артикуляционной экономией. Здесь нельзя не отметить и существенный недостаток работы — отсутствие соответствующей фонетической транскрипции.

В книге приводятся фонетические особенности, общие для всех западных говором и составляющие один из главных признаков, объединяющих их в один диалект, в том числе соответствия гласных *о/у*: *құртынды* вместо *қортынды* 'вывод, заключение', *құлдану* вместо *қолдану* 'употреблять', *сұрақы* вместо *сорақы* 'несуразный' и многие другие.

Столь широкое распространение соответствия *о/у* в западном диалекте, являющегося результатом сужения широкого губного *о*, автор рассматривает как результат раннего исторического контактирования казахских родов и племен (до формирования казахского народа) с племенами башкир, татар, ногайцев, в языке которых это явление считается вполне нормативным. Фонетическое своеобразие изучаемого диалекта обнаруживается и в ряде других явлений.

В третьей главе исследования А. Нурмагамбетов сделал попытку выделить те лексические особенности говором, которые объединяют их в один диалект.

Полагаем, что автор прав, относя общие лексические особенности, как правило, к явлениям исконно тюркским, усвоенным казахским языком в период его формирования, как, например: *ашқыш* вместо литературного *кілт* 'ключ', *бойлай* — *үнемі* 'всегда, постоянно', *жары* — *келесі жыл* 'будущий год', *қарым* — *ру* 'род', *сабан* — *соқа* 'плуг', *ілікі* — *алғаш*, *әуелі* 'сначала, сперва' и многие другие.

Лексические же особенности, отличающие один говор от другого, представля-

ются исследователю возникшими в результате влияния других языков, как следствие длительного контактирования их носителей. В книге характеризуются также лексические особенности, свойственные каждому из говоров западного диалекта.

Значительное внимание уделяется автором отношению западного диалекта к остальным говорам казахского языка. В этой же главе рассматриваются особенности говоров, связанные с употреблением собственных имен людей.

Последняя четвертая глава посвящена описанию грамматических черт западного диалекта. В монографии показано, что грамматические формы, характеризующие тот или иной говор, в некоторых случаях являются общими для всех них. Интересен пример своеобразного сочетания грамматических форм, присущего только центрально-северному говору; например: *Үй құрылысы аяқталы келеді* (газета «Ырғыз» от 18 июля 1970 года, № 84). Здесь указывается действие не законченное, но близкое к завершению, то есть в противоположность литературной норме (*аяқталып келеді*) это действие передается сочетанием основного глагола со вспомогательным в деепричастной форме на *а*. Автор допускает, что такое явление могло возникнуть в результате влияния контактирующих языков. Для

сравнения им приводится пример из татарского языка: *киндер ағара бара* 'льняное полотно белеет'.

Таким образом, в составе западного диалекта казахского языка А. Нурмагамбетов выделяет пять говоров: 1) центрально-северный (территориальный), 2) манкышлакский (переходный), 3) арало-сырдарьинский (переходный-промежуточный), 4) казахский говор на территории Каракалпакия (смешанный), 5) казахский говор в Туркменской ССР (смешанный)¹. Каждый из этих говоров имеет свои различительные признаки, проявляющиеся в области фонетики, грамматики и лексики.

В заключение следует подчеркнуть, что монография А. Нурмагамбетова, несмотря на отмеченные выше некоторые недостатки, является определенным вкладом в разработку казахской диалектологии и представляет весьма большой интерес благодаря хорошо подобранному и убедительно проанализированному фактическому материалу.

С. С. Татубаев

¹ О языке казахов Туркмении опубликована монография: Ә. Нұрмағамбетов. Туркменстандағы казактардың тілі. Алматы, 1974.

М. А. АХМЕТОВ. ГЛАГОЛ В ЯЗЫКЕ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ С СОВРЕМЕННЫМ БАШКИРСКИМ ЯЗЫКОМ)

ИЗД-ВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, САРАТОВ, 1978, 131 стр.

Рецензируемая книга представляет собой комплексное описание категорий глагола в текстах орхоно-енисейских памятников VIII века. Автором впервые проводится сопоставление глаголов в языке орхоно-енисейских памятников и в современном башкирском языке. В работе рассматриваются основные способы глагольного словообразования и формообразования и их значения, исследуются частота употребления отдельных глагольных форм и диалектные различия, наблюдающиеся в языке памятников (в сфере глагола), приводятся аналоги и глагольных основ и форм языка памятников, функционирующие в современном башкирском языке.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения и списка сокращений.

Во введении автор останавливается на истории изучения глагольных форм в орхоно-енисейских памятниках и на отношении языка последних к современному тюркским языкам. Автор приходит к заключению, что башкирский язык имеет ряд общих черт с языком орхоно-енисейских памятников. Это, по его мнению, объясняется тем, что предки башкирского народа некогда обитали в Центральной Азии.

В первой главе «Основы глагола и залог» исследуется глагольное словообразование в языке орхоно-енисейских памятников в сопоставлении с башкирским языком. Рассматриваются различные типы глагольных корней в памятниках и их аналоги в башкирском языке. На основании статистических подсчетов делается вывод, что

большинство глагольных корней, зафиксированных в языке памятников, встречается и в современном башкирском языке либо в неизменной форме, либо претерпев закономерные фонетические изменения. Подробно описаны автором аффиксы, образующие глагольные основы от имен, а также залоговые.

Вторая глава «Наклонения глагола» посвящена изучению положительного и отрицательного аспектов и аспектов возможности и невозможности, способов образования простых и сложных форм изъявительного наклонения, а также форм и значений повелительного и желательного наклонений в текстах памятников и в башкирском языке.

В третьей главе «Причастие и деепричастие» рассматриваются причастия и деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их аналоги в башкирском языке. Автор выделяет две группы деепричастий — деепричастия, выражающие одновременно значения времени и образа, а также способа цели совершения действия, и деепричастия, имеющие только одно из указанных значений. Исследуются сочетания деепричастий со вспомогательными глаголами, выражающие характер протекания действия.

В заключение автор отмечает разнообразие глагольных форм в языке орхоно-енисейских памятников и приходит к выводу, что большинство глагольных основ и форм, встречающихся в них, функционирует и в современном башкирском языке.

Хотя рецензируемая работа выполнена в целом на достаточно высоком научном уровне, в ней все же имеются и небольшие погрешности. Некоторые общие положения, с нашей точки зрения, излишни, например, определение корня (стр. 13), пояснения к

изменениям семантического объема слов (стр. 26), определение терминов «омоним» и «синкретизм» (стр. 35). В разделе «Морфологическая структура корневых глаголов языка орхоно-енисейских памятников» (стр. 13—20) рассматривается не морфологическая, а фонетическая структура глагольных корней. В языке памятников глагол *кыл* 'делать' не употребляется в качестве вспомогательного, поэтому его нельзя включать в группу вспомогательных глаголов (стр. 39). Вряд ли глагол *ур* 'бить' в сочетании с деепричастием другого глагола выражает характер протекания действия (стр. 43). Весьма сомнительно, что элемент *-зин* в глаголе *тэгзин* 'уходить и возвращаться обратно' (стр. 49) китайского происхождения. По мнению автора, форма *-дук* имеет то же значение, что и форма прошедшего категорического времени *-ды* (стр. 72), тогда как в языке памятников *-дук*, подобно *-мыш*, имела значение перфекта. Автор рассматривает форму *-сар* как условное наклонение (стр. 86), а в текстах памятников эта форма функционировала как деепричастие.

Высказанные замечания не имеют, однако, принципиального значения. В работе М. А. Ахметова дается исчерпывающее описание глагола в языке орхоно-енисейских памятников в сопоставлении с башкирским языком.

Книга представляет значительный интерес для историков башкирского языка и специалистов, разрабатывающих сравнительно-историческую грамматику тюркских языков. Материалы исследования М. А. Ахметова могут быть использованы также при составлении учебных пособий по истории тюркских языков.

В. Г. Кондратьев

А. П. ГРИГОРЬЕВ. МОНГОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИКА XIII—XV вв. (ЧИНГИЗИДСКИЕ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ)

ИЗД-ВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ЛЕНИНГРАД, 1978, 136 стр.

Еще в 40-х годах прошлого века русские востоковеды обратили внимание на важность изучения тюркских актовых источников не только в историческом, но и в филологическом аспекте. Исследовались прежде всего золотоордынские ханские ярлыки. Достигнутые в этой области успехи связаны с именами таких крупных тюркологов, как Я. О. Ярцов, В. В. Григорьев, И. Н. Бе-

резин, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович и др. Однако в последовавшие затем десятилетия эта традиция не была продолжена.

В последние годы дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая форму и содержание актов, вновь стала объектом внимания отечественных

ученых¹. Вместе с тем некоторые важные вопросы дипломатики оказались менее разработанными или вообще выпали из поля зрения исследователей. Прежде всего это касается восточной, в том числе тюркской, дипломатики. В связи с этим следует приветствовать выход в свет монографии А. П. Григорьева «Монгольская дипломатика XIII—XV вв.», продолжающей традиции отечественной науки в изучении восточных ярлыков. В работе впервые подробно исследуется на обширном материале внутренняя форма актов, созданных в XIII—XV веках в канцеляриях феодальных правителей Монголии, Средней Азии, Ирана и Китая (на монгольском, тюркском, китайском, арабском и персидском языках) в период вхождения этих стран в состав Монгольской империи Чингизхана и его преемников или непосредственно после распада этой империи.

Автору рецензируемой книги удалось собрать из разных источников достаточно большое число разноязычных чингизидских грамот, писем и дать их формулярный анализ.

Монография А. П. Григорьева включает введение, три главы, заключение, примечания преимущественно библиографического характера и резюме на английском языке.

Данная работа является продолжением исследований автора, опубликованных начиная с 1970 года (список работ приведен в примечании «16» на стр. 117).

Во «Введении» (стр. 3—6) автором упоминаются труды отечественных и зарубежных востоковедов по восточной дипломатике, определяются методика и задачи монографии.

В первой главе — «Источники для формулярного анализа» (стр. 7—11) — А. П. Григорьев, рассматривая типы формуляров, отмечает, что «в задачу дипломатики входит исследование актов через актывый формуляр» (стр. 7), однако определения последнего понятия в книге не дается².

¹ А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963; А. И. Копанев. Советская дипломатика. — «Вспомогательные исторические дисциплины», I. Л., 1968; С. М. Каштанов. Очерк русской дипломатики. М., 1970; «Актовое источниковедение». Сборник статей. М., 1979 и др.

² Русисты — историки языка под «формуляром» понимают «ту определенную языковую оболочку (набор устойчивых и обязательных словосочетаний — предложений и формул), в которую облекалось содержание актов и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» (С. С. Волков. Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974, стр. 21).

Ссылаясь на работу С. М. Каштанова³ и развивая его положения на материалах чингизидских актов, А. П. Григорьев выделяет следующие типы формуляров: условный формуляр — наиболее общая схема построения документов в целом; абстрактный формуляр — общая схема построения документов определенной разновидности; конкретный формуляр — схема построения определенных небольших групп документов внутри разновидности; индивидуальный формуляр — схема построения отдельно взятого текста (стр. 7).

Для формулярного анализа используются 92 документа, опубликованные в разных изданиях (80 грамот и 12 писем): из них документов великих ханов — 40, документов улусных ханов — наследников престола — 4, документов улусных чагатаидов — 5, тимуридов⁴ — 26, монгольских ильханов Ирана — хулагуидов — 17 (стр. 11—12). Привлечение писем автор объясняет тем, что «до наших дней дошло сравнительно мало чингизидских жалованных грамот» (стр. 7). Кроме того, наряду с жалованными грамотами и письмами рассматриваются проезжие грамоты, причем обнаруживается неравномерность «обеспеченности источниками различных исторических периодов»: на XIII век приходится 24 документа (первая половина века — 24, вторая — 0), на XIV век — 37+5, на XV век — 2+24. Здесь автор делает вполне обоснованный вывод, что «только первая половина XIV в. может считаться обеспеченной источниками удовлетворительно» (стр. 13).

В работу вошли следующие важнейшие среднеазиатские памятники на старотюркском языке: письма Гуйюка (1246), Шахруха (1422), Абу Саида (1468) и грамоты Умар-шайха (1469), Хусайна Байкары (1474). При чрезвычайно малом числе сохранившихся местных источников по истории тюркоязычных народов Восточной Европы и Средней Азии данный комплекс письменных памятников приобретает первостепенное источниковедческое значение как в собственно историческом, так и в филологическом плане.

Во второй главе — «Формуляры чингизидских жалованных грамот» (стр. 15—70) — детально рассмотрены формулы, составляющие вступительную и заключительную части абстрактного формуляра чингизидских жалованных грамот XIII—XIV веков.

В теоретическом отношении А. П. Григорьев опирается на опыт русской дипло-

³ С. М. Каштанов. Очерк русской дипломатики. М., 1970.

⁴ Тимуриды, стоявшие у власти в Мавераннахре, Хорезме и Хорасане в 1370—1507 годах, не принадлежали к чингизидам, но правила от имени потомков Чингизхана и соблюдали чингизидские традиции. Поэтому рассмотрение их актов вместе с чингизидскими оправдано.

матики, беря в качестве исходного положения следующую мысль С. М. Каштанова: «Поскольку деление условного формуляра на части и компоненты есть схема, не все звенья которой имеются в конкретных документах, а порядок расположения компонентов в схеме далеко не всегда соответствует их расположению в конкретных документах, анализ внутренней формы последних должен начинаться с деления реального текста на статьи, т. е. законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями» (стр. 15).

Автором выделяются следующие части в абстрактном формуляре: сакральные статьи «закljučают в себе посвящение богу, т. е. они тождественны компоненту богословия условного формуляра», которые «обязательны для жалованных грамот, написанных арабским письмом жалователями-мусульманами, но они не имеют смысловой связи с основным текстом грамот» (стр. 16—17).

Мотивировочные статьи — «мотивировка того или иного пожалования (в форме повеления) в чингизидских грамотах всегда замыкается на личности жалователя, обладающего правом распоряжаться судьбами простых смертных, самим фактом своей принадлежности к „золотому роду“ чингизидов. Поэтому мотивировочные статьи индивидуального и производных от него формуляров чингизидских жалованных грамот всегда совпадают с компонентом адресанта условного формуляра» (стр. 17), причем адресант грамот великих ханов отличается от адресанта грамот улусных ханов.

Адресант условного формуляра включает несколько оборотов. В отличие от грамот великих ханов, в третьей строке грамот улусных ханов упоминается личное имя наследного принца, но «мотивировочная статья формуляров великих ханов обретает устойчивую форму после введения в Монгольской империи квадратного письма в качестве официального, т. е. после 1269 г.» (стр. 31).

В грамотах улусных ханов чагатаидов (на монгольском языке) и тимуридов (на тюркском⁵ языке) адресант занимает одну строчку, то есть состоит из двух элементов — личного имени, следующего за ним или предшествующего ему почетного титула *батур/богатур* «богатырь» или *султан*, соответствующего монгольскому *хан*, и указания «мой» (показатель «принадлежности первого лица») (стр. 27).

Формы статей, содержащих обращение, и удостоверительных статей (которые составляют заключительную часть формуляра чингизидских жалованных грамот) в целом почти одина-

ковы для всех чингизидских жалованных грамот XIII—XV веков.

Выводы А. П. Григорьева были бы еще более убедительными, если бы автор сопоставил документы домонгольского периода с документами монгольского и послемонгольского периодов, созданными на соответствующих территориях, чтобы установить, что в них восходит к местной традиции и что было выработано в канцелярии великого хана.

Третья глава монографии А. П. Григорьева посвящена изучению конкретных формуляров, то есть схематическому строю определенных групп документов внутри каждой их разновидности (стр. 71—111). Основное внимание в этой главе автором уделено тарханским грамотам, выданными чингизидами (великими и улусными ханами) храмам и монастырям, а также проезжим грамотам (на монгольском и китайском языках). В четырех таблицах сопоставляются обороты монгольских и китайских текстов тарханских грамот великих ханов с русским переводом.

А. П. Григорьевым отмечается следующее весьма важное явление: «Четкие схемы конкретного формуляра монгольских великих ханов юаньской эпохи и конкретного формуляра грамот улусных ханов — наследников престола того же периода, прослеженных на материале актов квадратного и китайского письма, не оставляют сомнения как в самом факте существования такого формуляра, так и в том, что именно монгольский текст и монгольская канцелярская форма легли в его основу» (стр. 105).

В конце этой главы автором анализируются формуляры немногочисленных проезжих грамот великих и улусных ханов.

Монография А. П. Григорьева, несомненно, заслуживает высокой оценки. Однако хотелось бы высказать несколько пожеланий, которые, как нам кажется, было бы бесполезно учесть при дальнейшем изучении чингизидских жалованных грамот.

Книга была бы еще более содержательной, если бы автор, ведя интенсивные поиски в архивах⁶ и привлекая новые неопубликованные акты, не ограничивался бы формулярным анализом одних грамот.

К сожалению, А. П. Григорьев не продолжил свои исследования⁷ золотоординских актов. Отказ от анализа их в рецензируемой книге мотивируется следующим

⁵ О результативности подобных поисков см.: М. А. Усманов. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса. — В сб.: «Актовое источниковедение». М., 1979, стр. 218—244.

⁷ А. П. Григорьев. «Вышняя троица» в ярлыке золотоординского хана Монге-Темюра. — В сб.: «Востоковедение», т. I. Л., 1974, стр. 188—200; *его же*. Эволюция формы адресанта в золотоординских ярлыках XIII—XV вв. — В сб.: «Востоковедение», т. III. Филологические исследования. Л., 1977, стр. 132—156.

⁵ Недостаточное количество актов на тюркском языке не позволило автору сказать что-либо определенное о роли тюркского языка (стр. 47).

образом: «Автором намеренно не привлекались к дипломатическому анализу документы уйгурского и арабского письма на тюркском языке, относящиеся к золотоордынской канцелярии, ибо акты золотоордынских чингизидов XIII—XV вв., сохранившиеся до наших дней либо в старинном русском переводе, либо в копиях различной степени точности, нуждаются в научно обоснованной реконструкции. Она может быть проведена на основании данных формулярного анализа современных исследуемых чингизидских актов других регионов, т. е. на основании материалов этой книги» (стр. 114). Данное утверждение ставит под сомнение аутентичность известных золотоордынских актов и выводы самого автора. Вопрос, таким образом, остается открытым и хочется надеяться, что сам А. П. Григорьев⁸ в своих дальнейших разысканиях ответит на него.

⁸ Уже после выхода в свет рецензируемой книги появилась статья А. П. Григорьева, посвященная вопросам анализа золотоордынских ярлыков: «Дата выдачи яр-

В целом рецензируемая работа является заметным вкладом в развитие восточной и в том числе тюркской дипломатики и вызовет большой интерес как у историков, так и у филологов. В отечественных архивах хранится большое количество среднеазиатских тюркоязычных и ираноязычных документов вместе с их русскими переводами того же времени. Эти материалы изучались как исторические источники, но не анализировались в источниковедческом и лингвистическом планах. А. П. Григорьев подготовил для исследования этого двуязычного материала прочную базу.

Д. С. Кулмаматов

лыка Токтамыша». — В сб.: «Востоковедение», т. VI. Филологические исследования. Л., 1979, стр. 168—188.

Ф. С. САФИУЛЛИНА. СИНТАКСИС ТАТАРСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАЗАНЬ, 1978, 253 стр.

Книга Ф. С. Сафиуллиной представляет собой первое обстоятельное исследование синтаксических особенностей татарской разговорной речи. Многолетнее изучение синтаксиса татарского языка, детальный анализ обширного языкового материала позволили Ф. С. Сафиуллиной прийти к выводу, что большинство синтаксических конструкций татарского языка построено одинаково в монологической, диалогической и устной речи, а также в книжном (письменном) языке. Однако автору удалось выявить значительное количество специфических разговорных построений (стр. 16). Именно таким конструкциям и посвящена рецензируемая монография Ф. С. Сафиуллиной. Материалом для исследования послужили образцы разговорной речи, взятые, в основном, из произведений татарской художественной литературы. Привлекались автором также фольклорные материалы, записи живой речи.

Ф. С. Сафиуллина отмечает, что разговорная речь существует в наиболее типичной для нее форме диалога, а также монолога («разговорный монолог», по терминологии Н. Ю. Шведовой). Имеются также

формы промежуточные — между истинными монологами и истинными диалогами (стр. 15). Основное внимание в книге уделено исследованию структурных особенностей диалога (как основной формы функционирования разговорной речи). Автор делает резонное заключение, что в диалоге должна существовать определенная связь между репликами, ибо без этого общение собеседников невозможно. Взаимосвязанность реплик в диалоге проявляется в виде семантических и структурно-грамматических связей. По наблюдениям Ф. С. Сафиуллиной, связь реплик в диалогической речи осуществляется, в частности, повторами отдельных слов и словосочетаний предшествующей реплики в последующей. В первой главе книги детально описаны структурно-грамматические типы реплик-повторов: повторение в различных формах глагола или имени, повторение реплик при помощи вопросительных местоимений и вопросительных частиц, повторение слова (во второй реплике) путем переспроса, «подхвата» и т. д. Наряду с повторами средством поддержания непрерывности, последовательности разговора являются «вводящие» (по определению

автора, «ведущие») слова: *шуннан* 'затем', 'потом', *соң* 'наконец', *манә* 'вог', *хәзер* 'сейчас', 'теперь', *ярар* 'ладно' и другие, начинающие фразу.

В выводах к первой главе автор высказывает предположение, что повторение реплик, по-видимому, представляет собой характерное явление для любой разговорной речи, независимо от ее национальной принадлежности. Однако мнение о том, что реплики-повторы в диалогической речи могут считаться речевыми универсалиями, представляется нам недостаточным обоснованным и поэтому требующим подтверждения на материале языков различных семей и типов (так же как и другие утверждения относительно лингвистической «универсальности» тех или иных татарских синтаксических конструкций — см. стр. 196, 250).

Во второй главе рассматриваются другие типы повторов, реализующиеся в редуцированных формах глаголов и имен. Эти формы, сопровождаемые модальными словами и определенной интонацией, выражают различные модальные и эмоциональные оттенки разговорных фраз (модели редуцированных глагольных форм приведены на стр. 104—105, именных форм — на стр. 121—123). Поскольку прием редукации основ слов служит в тюркских языках средством передачи усиления значения, естественным представляется вывод автора о том, что выявленные ею типичные редуцированные формы (более пятидесяти) составляют богатейший арсенал усилительных средств татарской разговорной речи (стр. 125).

Таким образом, повторы различных типов выполняют в татарской разговорной речи несколько функций: они связывают между собой реплики диалога, являются средством усиления значения, придают высказыванию ту или иную экспрессивно-эмоциональную окраску (в сочетании с модальными словами и частицами), служат «актуализаторами» (повторяется новое слово высказывания, получающее логическое ударение).

Большое внимание в книге уделено присоединению как специфической особенности разговорной речи. Третья глава книги посвящена анализу осуществляющих присоединение лексико-грамматических средств и функционально-семантической характеристике таких конструкций.

Автором выявлены и описаны и другие типичные особенности татарской разговорной речи. Так, для диалогической разговорной речи оказалось характерным употребление различных «типизированных конструкций» (см. вторую главу). Кроме повторов, к ним относятся: конструкции с местоимениями, особенно указательными и вопросительными, употребляемыми в функции частиц для заполнения пауз при подыскивании того или иного слова (типа русских «это самое», «как его» и т. п.), для выражения различных модальных оттенков; использование местоимений как коррелятов.

В отдельных разделах анализируются вставные (по терминологии автора, «вставочные») конструкции: конструкции с глаголами речи в различных формах (*дим, әйтәм, дишөм, әйтүем, дигәнәм*), носящие характер добавления, уточнения; конструкции, выражающие различными средствами утверждение и отрицание; односоставные предложения. Описаны также специфические сказуемые (звукоподражания) типа *ял, чалт, хол*; случаи нарушения согласования подлежащего и сказуемого; обращения в разговорной речи; употребление различных «оценочных» слов в конце предложения; конструкции, скалькированные с русского языка; семантически стяженные конструкции; передача чужой речи.

Таким образом, автором выявлены и описаны, по-видимому, все наиболее характерные для татарской разговорной речи конструкции и явления, и в этом большое научное значение книги.

Монография, на наш взгляд, выиграла бы еще больше, если бы классификация изложенного в ней материала была более последовательной. Так, в двух разделах первой главы в основу описания положены два разных принципа: в первом разделе даются структурно-грамматические типы повторов (грамматический принцип), во втором же разделе излагаются явления диалогической речи, обусловленные стремлением поддерживать разговор, эмоциональностью (экстралингвистические факторы).

Во второй главе в основу классификации «типизированных» конструкций частично положены экстралингвистические факторы: эмоциональность, экспрессивность, непосредственность, неподготовленность, ситуативность диалогической разговорной речи (см. первые три раздела второй главы) и частично — лингвистические факторы: калькирование, способы передачи чужой речи, семантическое стяжение, на основе которых выделены три последних раздела второй главы.

Третья глава целиком посвящена анализу одного из характерных для разговорной речи синтаксических явлений — присоединения. Широкое употребление присоединенных конструкций объясняется неподготовленностью, импровизационным характером разговорной речи, то есть внешними факторами, и поэтому целесообразно дать их описание во второй главе. Следует заметить, что вообще каждая синтаксическая особенность разговорной речи обязана своим возникновением каким-то внешним причинам, но классифицировать разговорные конструкции и специфические явления на основе того или иного экстралингвистического фактора не представляется возможным, так как эти факторы зачастую действуют одновременно и комплексно. Поэтому не случайно такой, например, признак разговорной речи, как ее эмоциональность, фигурирует в заглавии трех разных разделов первой и второй глав книги. Но если эмоциональность, экспрессивная окрашенность свойственна не всей разговорной речи и

внешне выражается, главным образом, с помощью интонационных (а также некоторых лексико-грамматических) средств, то такой внешний фактор, как «неподготовленность», импровизационность, присущ всей разговорной речи в целом и синтаксически проявляется весьма разнообразно (употребление вставных и присоединительных конструкций, различных «добавлений» и «уточнений»).

Поэтому наиболее последовательно и надежно было бы классифицировать выявленные автором характерные особенности татарской разговорной речи на основе лингвистических, а точнее, синтаксических признаков: то есть описание синтаксических конструкций разговорной речи следовало проводить исходя из их структурно-грамматических типов (или моделей). Так отчасти и сделано в рецензируемой книге, но этот принцип не доведен до конца (значительная часть синтаксических особенностей классифицируется на основе экстралингвистических факторов). Что же касается самих экстралингвистических факторов, обуславливающих в конечном итоге формирование всех синтаксических особенностей разговорной речи, то их целесообразно было бы перечислить и охарактеризовать во вводной части книги как первопричину определенных, специфичных именно для татарского языка (а, возможно, и для ряда других тюркских языков и, частично, для языков иных семей) синтаксических, лексико-морфологических и просодических явлений.

Остановимся еще на частном моменте. По поводу отрицания «в форме глагола в категоричном прошедшем + слово юк» (стр. 155) следует заметить, что здесь, по-видимому, имеет место не форма прошедшего категорического времени на *-ды*, а стяженная форма глагольного имени на *-дык* с личным аффиксом (принадлежности) + слово юк 'нет', например, в предложении *Иук, мин ул кадәр йыракка бардым йук* 'Нет, я так далеко не ходил' форма *бардым* происходит из *бардыгым* + юк (букв.

'хождение-мое нет'). Конструкция типа *-дык* с аффиксом принадлежности + юк/бар известна во многих других тюркских языках, так что татарский язык в этом отношении не исключение.

В связи с данным конкретным примером необходимо заметить, что недостатком монографии является отсутствие перевода на русский язык конструктивных элементов всех рассматриваемых «типизированных конструкций» разговорной речи (к ним относятся модальные слова, частицы, местоимения, формы глаголов речи, бытия, послелоги и т. д.). Поскольку употребление этих элементов носит «заштампованный» (по терминологии автора) характер в составе устойчивых построений фразеологического плана, перевод моделей этих разговорных конструкций на русский язык совершенно необходим. В одном из разделов первой главы («Повторения реплик именной плана») дан русский перевод модальных слов *шулай* 'так', *алай* 'так', *бар* 'есть', *юк* 'нет', к которым чаще всего относятся повторы имен типа *барын бар* (стр. 57). Но перевода самой конструкции *барын бар* (дословного перевода и литературного русского эквивалента), как и всех других «типизированных» конструкций, в книге нет. Поскольку книга написана на русском языке, в ней следовало бы поместить русский перевод всех татарских иллюстративных примеров. Это позволило бы читателям других республик понять специфические значения описываемых разговорных конструкций. Во всяком случае, необходимо было дать хотя бы перевод наиболее устойчивых конструкций, составляющих специфику татарской разговорной речи.

В заключение следует признать, что недочеты и упущения рецензируемой книги Ф. С. Сафуллиной носят в основном «экстралингвистический» характер, тогда как сама книга в целом является новым важным достижением татарского языкознания и свидетельствует о творческой, научной зрелости ее автора.

Л. А. Покровская

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VIII РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР

17—18 сентября 1979 года в Нукусе состоялась VIII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков народов СССР, созванная в соответствии с решением VII Региональной конференции (Алма-Ата, 1973) Советским Комитетом тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Институтом истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР и Нукусским государственным университетом.

В работе конференции приняли участие тюрколог-диалектологи Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Горно-Алтайска, Джизака, Елабуги, Карачаевска, Кировабада, Махачкалы, Нукуса, Самарканда, Сыр-Дарьи, Ташкента, Ургенча, Уфы, Черкесска и др.

Конференция была посвящена следующим проблемам:

- 1) общей и исторической диалектологии;
- 2) современной диалектологии;
- 3) диалектной лексикологии и лексикографии, созданию диалектологических атласов и информационным сообщениям о диалектологических работах на местах.

Работа конференции проходила на двух пленарных и трех секционных заседаниях.

Конференцию открыл секретарь Каракалпакского обкома Коммунистической партии Узбекистана *К. Е. Юсупов*.

На пленарном заседании 17 сентября участники конференции заслушали восемь докладов: *М. Ш. Ширалиева* (Баку) — «Состояние и перспективы исследования тюркских диалектов СССР», *Ш. Ш. Шаабдурахманова* (Ташкент) — «О составлении диалектологического атласа узбекского языка», *Г. Садуакасова* (Алма-Ата) — «О языке уйгуров Туркменин», *Д. С. Насырова* (Нукус) — «Состояние и задачи изучения диалектов и говоров каракалпакского языка», *Б. О. Орузбаевой* (Фрунзе) — «Ареальный с в киргизском языке», *З. И. Будаговой* (Баку) — «Диалекты как источник обогащения литературного языка», *З. Г. Уракшина* (Уфа) — «Диалектная фразеология: аспекты и задачи исследования»,

Б. У. Уринбаева (Джизак) — «Специфика разговорной речи и территориального диалекта».

М. Ш. Ширалиев с удовлетворением отметил большие успехи, достигнутые в исследовании диалектов и говоров тюркских языков СССР. Созданы монографические описания диалектов и говоров азербайджанского, узбекского, казахского, туркменского, татарского, чувашского, башкирского, каракалпакского и некоторых других языков. С конца 60-х годов во многих тюркоязычных республиках ведется интенсивная работа по лингвогеографическому изучению тюркских языков. Немало сделано в области составления диалектологических атласов азербайджанского, башкирского, казахского, каракалпакского, татарского, киргизского, узбекского и других языков. С 1972 года в планы научно-исследовательских учреждений тюркоязычных республик и областей включена всесоюзная тема «Диалектологический атлас тюркских языков СССР», завершение которой планируется на конец 1980 года.

Докладчик отметил также работу по составлению в тюркоязычных республиках и областях диалектологических словарей родного языка.

На трех секционных заседаниях были заслушаны 49 докладов.

На секции «Общая и историческая диалектология» выступило 14 докладчиков. *Х. И. Суюнчев* (Черкесск) посвятил доклад рассмотрению элемента *л* в конце корня или основы слова в тюркских языках, *С. Ф. Миржанова* (Уфа) — проблеме древних этнолингвистических связей башкир и венгров. *Н. Х. Ишбулатов* (Уфа) сопоставил южный диалект башкирского языка с юго-западными кыпчакскими языками. Тюркизм в русском литературном языке и диалектной лексике (на материале названий растений) посвятил доклад *А. Жаримбетов* (Нукус). Проблема сохранения диалектных признаков в языке героических эпических произведений каракалпаклов рассматривалась в докладе *У. Бекбаулова*

(Нукус). В докладе *Т. И. Гаджиева* (Баку) говорилось о застывших элементах в диалектах.

О названиях одежды в диалектах туркменского языка и их компаративных отношениях с родственными языками доложила *Г. Сапарова* (Ашхабад), о сопоставительно-диалектологическом словаре огузского наречия — *А. Мадрахимов* (Ургенч), об иноязычных элементах в татарском говоре села Зензели Лиманского района Астраханской области — *Л. Ш. Арсланов* (Елабуга).

На секции «Современная диалектология» было прочитано 17 докладов. Об общих проблемах изучения диалектов и говоров говорилось в докладах *Ф. Р. Зейналова* (Баку) — «Об особенностях диалектов и говоров азербайджанского языка за пределами СССР» и *Т. Айдарова* (Ташкент) — «Каракалпакские заимствования в говоре казахов окрестностей Ташкента».

Проблемам диалектной фонетики, морфологии, лексики, фразеологии и синтаксиса были посвящены доклады: *Ш. Насырова* (Ташкент) «Из фонетики фаршиского говора узбекского языка», *А. Давлетова* (Нукус) «К вопросу о классификации дифференциальных признаков фонем каракалпакского языка», *Н. Х. Ольмезова* (Махачкала) «Некоторые фонетические особенности брагинского говора кумыкского языка», *Р. Кунгурова* (Самарканд) «Диалектные варианты морфем как стилистические средства языка», *А. В. Ишбаева* (Ташкент) «Формы множественности личных местоимений в узбекских говорах», *А. Ахундова* (Баку) «Имеется ли комитатив в падежной системе диалектов азербайджанского языка», *А. Джаксыбаева* (Нукус) «Взаимодействие русского языка с каракалпакским языком в области частей речи», *С. Омарбекова* (Алма-Ата) «О составе и характере диалектной лексики в речи казахов севера Каракалпакии» и *Г. Х. Ахатова* (Уфа) «К вопросу диалектной фразеологии». *М. М. Джафарзаде* (Кировабад) остановился на монографических исследованиях синтаксиса азербайджанских диалектов.

На секции «Диалектная лексикология и лексикография, диалектологические атласы и информационные сообщения о диалектологических работах на местах» было прочитано 18 докладов.

О составлении атласов соответственно туркменского и каракалпакского языков доложили *Б. Ч. Чарьяров*, *С. Атанязов* (Ашхабад) и *У. Д. Доспанов* (Нукус). О ходе работы по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (по отдельным тюркским языкам) проинформировали в своих докладах: *А. А. Тыбыкова*, *М. Ч. Чумакаева* (Горно-Алтайск) — «Некоторые особенности диалектов алтайского языка», *Д. С. Насыров* и *У. Д. Доспанов* (Нукус) — «Лингвогеографическое изучение диалектов каракалпакского языка».

Состояние изучения диалектов и говоров азербайджанского, узбекского, киргизского,

башкирского и каракалпакского языков было освещено в докладах *М. И. Исламова* (Баку), *К. Мухамеджанова* и *А. Ю. Алиева* (Ташкент), *Г. Бакиновой* (Фрунзе), *Н. Максютовой* (Уфа) и *А. Ниязова* (Нукус).

Сообщение *Н. Ф. Абдуллаева* (Ташкент) было посвящено некоторым особенностям узбекских говоров, распространенных на северо-западе Афганистана.

В докладах каракалпакских ученых рассматривались проблемы профессиональной сельскохозяйственной терминологии (*Т. Бегжанов*), некоторые вопросы подбора материалов для диалектологических словарей каракалпакского языка (*Е. Бердимуратов*), способы подачи диалектной и профессиональной лексики в каракалпакско-русском словаре (*А. Турабаев*) и др.

В выступлениях по прослушанным докладом отмечалась необходимость углубленного изучения диалектов и говоров тюркских языков, широкого применения методов лингвогеографии при составлении региональных атласов отдельных тюркских языков, подчеркивалась важность своевременного завершения «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

В заключительной части конференции выступил заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» *И. С. Сеидов*, остановившийся на роли журнала в координации и кооперации усилий тюркологов, направленных на решение актуальных тюркологических проблем, в том числе и тюркской диалектологии. Он проинформировал собравшихся о требованиях, которые предъявляются редакцией к публикуемым материалам, и призвал авторов будущих статей руководствоваться этими высокими требованиями. *И. С. Сеидов* подчеркнул важность публикации в журнале сообщений о научной жизни на местах и рецензировании в журнале тюркологических изданий, включая и диалектологические исследования, издающиеся в республиках и областях на национальных языках. Журнал имеет широкий выход — за рубеж. Это, — подчеркнул *И. С. Сеидов*, — налагает особую ответственность как на редакцию, так и на его авторский актив. В 1980 году журналу исполняется десять лет и мы с удовлетворением можем отметить, что по общему мнению его издание полностью оправдало себя.

В принятой в заключение резолюции конференция отметила большие успехи, достигнутые в развитии диалектологии тюркских языков. Во многих тюркоязычных республиках и областях проводится интенсивная работа по лингвогеографическому изучению тюркских языков. Многие сделано и в области составления диалектологических атласов азербайджанского, башкирского, казахского, каракалпакского, татарского, киргизского, узбекского, туркменского и некоторых других языков.

Составлены атласы по казахскому, каракалпакскому, киргизскому, татарскому и чувашскому языкам.

Ведется также работа по созданию «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», который планируется завершить к концу 1980 года.

Конференция отметила также значительные успехи, достигнутые в области диалектной лексикографии тюркских языков. Опубликованы капитальные работы, содержащие ряд обобщений, связанных с этой проблемой.

За период между VII и VIII региональными конференциями вышли в свет монографические исследования диалектов как системы и сборники диалектологических статей по башкирскому, казахскому, каракалпакскому, татарскому и другим языкам.

Вместе с тем конференция рекомендовала:

1) уделять больше внимания фронтальному исследованию диалектов и говоров тюркских языков;

2) расширить работу по созданию теоретических основ и установлению критериев для выявления и реконструкции диалектных явлений прошлых исторических эпох;

3) интенсивнее вести разработку проблем исторической диалектологии по старописьменным (азербайджанский, татарский и др.) и младописьменным языкам;

4) ускорить завершение сбора материала и составление «Диалектологического атласа тюркских языков СССР»;

5) усилить работу по составлению и завершению многотомных диалектологических словарей тюркских языков;

6) в целях взаимной информации на очередных конференциях организовывать выставки книг, изданных на местах.

Конференция решила ходатайствовать перед соответствующими инстанциями об издании материалов данной конференции отдельной книгой.

IX Региональную конференцию по диалектологии тюркских языков СССР было решено провести в 1982 году в Уфе, посвятив ее обсуждению следующих проблем:

- а) общая и историческая диалектология;
- б) современная диалектология;
- в) составление диалектологических атласов тюркских языков;
- г) тюркская региональная лексикология и лексикография.

Конференция особо отметила большую роль журнала «Советская тюркология» в координации усилий тюркологов, направленных на решение актуальных тюркологических проблем, в том числе и тюркской диалектологии.

Конференция выразила пожелание, чтобы редакция журнала «Советская тюркология» и впредь уделяла соответствующее внимание вопросам диалектологии, публикуя результаты наиболее интересных диалектологических исследований.

Отметив хорошую организацию работы конференции, ее участники выразили искреннюю благодарность Каракалпакскому обкому компартии Узбекистана, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров Каракалпакской АССР, а также руководству Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, коллективу Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева, ректорату и профессорско-преподавательскому составу Нукусского государственного университета.

У. Д. Доспанов, М. Ч. Чумакаева

PERSONALIA

МУХАММЕД ГЕЛЬДЫЕВ

(К девяностолетию со дня рождения)

Исполнилось девяносто лет со дня рождения видного туркменского языковеда Мухаммеда Гельдыева и пятьдесят лет со дня выхода в свет его «Грамматики туркменского языка» — первого научного труда по туркменскому языкознанию, в котором систематически были изложены основы туркменской фонетики и грамматики.

М. Гельдыев родился в 1889 году в Западной Туркмении (ныне Красноволжская область) в городе Челекене. Учился сначала в медресе в Бухаре, а затем в медресе «Галия» в Уфе. По окончании учебы некоторое время учительствовал в татарских и башкирских школах, а с 1921 года начал преподавать в партийной школе и подтехникуме в Ашхабаде. После образования Туркменской Советской Социалистической Республики (1924) М. Гельдыев работал в Народном Комиссариате просвещения

ТССР и в Институте туркменской культуры (Туркменкульт). В 1931 году на сорок втором году жизни М. Гельдыев умер в расцвете творческих сил.

Активный участник культурной революции в Туркменистане, М. Гельдыев, будучи членом Туркменской научной комиссии, возглавил в 1922 году работу по реформированию арабского алфавита применительно к фонетическим особенностям современного туркменского языка, на основе принципа «каждой фонеме — отдельная буква». Эта реформа отличалась от предыдущей (1920) и последующей (1925) большей приближенностью к нуждам практики.

М. Гельдыев был делегатом I Всесоюзного тюркологического съезда, состоявшегося в 1926 году в Баку. Избирался членом научного совета при Всесоюзном Центральном Комитете Нового Тюркского Алфавита, участвовал в работе всех его пленумов. Начиная с 1927 года, при непосредственном участии М. Гельдыева Государственный ученый совет (ГУС) Туркменской ССР занимался созданием туркменского алфавита на основе латинской графики, полный переход на который осуществился в республике в 1929 году. В соответствии с новой графикой М. Гельдыев совместно с К. Бориевым впервые разработал правила туркменской орфографии.

Узловым вопросом языкового строительства двадцатых годов был вопрос создания научной терминологии, отсутствие которой в туркменском языке в значительной степени препятствовало успешному развитию науки, техники и культуры в республике. М. Гельдыев считал, что основным источником развития новой терминологии являются внутренние ресурсы языка. Руководствуясь этим принципом, он предложил общепринятые ныне лингвистические термины: *сөзлем* 'предложение', *эе* 'подлежащее', *хабар* 'сказуемое', *сөз* 'слово', *гошулма* 'аффикс', *шиллик* 'глагол', *богун* 'слог', *сес* 'звук', *чекимли* 'гласный', *чекимсиз* 'согласный', *ачык* 'звонкий', *дымык* 'глухой' и многие другие.

Одним из источников обогащения словарного состава туркменского языка М. Гельдыев считал заимствования как из родственных так и неродственных языков. Он писал, что туркменский язык «должен пополняться международными словами преимущественно из русского языка».

М. Гельдыев был руководителем или участником многих лингвистических экспедиций в районы республики. Собранные во время этих экспедиций материалы вошли в «Русско-туркменский словарь» А. Алиева и К. Бориева (1929 г.). М. Гельдыев принимал участие в составлении практического туркменско-русского словаря и полного сравнительного словаря туркменских говоров. К сожалению, оба эти словаря остались незавершенными.

Многочисленные журнальные и газетные статьи М. Гельдыева были посвящены актуальным вопросам языкового строительства в республике. В своих научных работах М. Гельдыев часто касался проблем фонетики туркменского языка. В статье «Долгий гласный в туркменском языке и его роль» (1930) он впервые указывает на смыслоразделяющую функцию туркменских долгих гласных, которые описывает как самостоятельные фонемы.

М. Гельдыев неоднократно выступал в периодической печати по вопросам преподавания родного языка в школе. Им переведены на туркменский язык учебники по естествознанию, математике и другим наукам.

Буквари М. Гельдыева, созданные им самим, а также в соавторстве с Г. Алпаровым и К. Бориевым, переиздавались несколько раз. Это были первые пособия по арабской и латинской графикам. М. Гельдыев был автором учебников «Родная речь в начальной школе» (1925), «Уроки по языку» (1926, в соавторстве с Г. Алпаровым) и др. В 1926 году вышел его учебник туркменского языка для русских. Итоговым трудом М. Гельдыева следует считать «Граматику туркменского языка», (в соавторстве с Г. Алпаровым — 1929).

В работе исследуются фонетика, морфология и синтаксис туркменского языка. В качестве приложения в книге дан краткий русско-туркменский словарь лингвистических терминов. На основе этой «Граматики» М. Гельдыева были созданы учебники по туркменскому языку для средних школ и вузов республики.

Нельзя не сказать о заслугах М. Гельдыева в области фольклористики и литературоведения. Им были собраны пословицы, поговорки и загадки, изданные отдельным сборником (1925).

М. Гельдыев был первым руководителем организации писателей Туркмении. Он выступал со статьями о творчестве дореволюционных и современных поэтов.

Научная деятельность М. Гельдыева продолжалась всего десять лет, однако он успел за это время проявить себя как талантливый филолог и организатор науки. Он принимал непосредственное участие в подготовке и проведении первой научной конференции (1930), посвященной вопросам литературного языка, орфографии и терминологии, на которой выступил с докладом об орфографии.

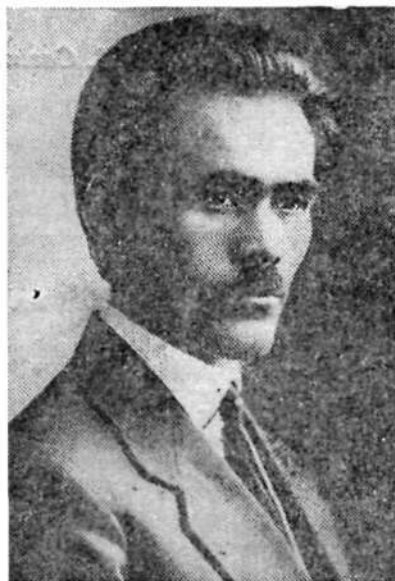
Следует отметить, что не всегда М. Гельдыев занимал правильную позицию в сложной языковой политике своего времени. Вместе с тем М. Гельдыев, так же как К. Бориев, К. Сахатов и другие, активно выступал против идей Ф. Эфендизаде и его единомышленников, считавших туркменский язык слишком бедным и неразвитым, противопоставлявших ему турецкий. М. Гельдыев настаивал на ведении преподавания в начальных и средних школах республики именно на родном туркменском языке.

Становление и развитие туркменской филологии неразрывно связано с именем Мухаммеда Гельдыева, чьи работы используются специалистами республики и в наши дни.

Т. Тачмурадов, М. Соегов

НИГМАТУЛЛА ГИНИЯТУЛЛОВИЧ ХАКИМОВ

(К девяностолетию со дня рождения)

Исполнилось девяносто лет со дня рождения Нигматуллы Гиниятулловича Хакимова, видного тюрколога, замечательного педагога и журналиста.

Н. Г. Хакимов родился 29 декабря 1889 года в деревне Еланлино нынешнего Кингиского района Башкирской АССР в семье крестьянина.

После окончания медресе «Галия» Н. Г. Хакимов работал учителем в Уфе, одновременно занимаясь литературным творчеством. В 1913 году им были изданы два поэтических сборника: «Музыка сердца» и «Порывы души».

После победы Великого Октября Н. Г. Хакимов активно сотрудничает в революционной печати и работает на ниве народного просвещения. С 1917 по 1921 год он преподает на курсах подготовки учителей и в школах, занимается журналистикой, ведет большую агитационно-массовую работу среди татарских и башкирских трудящихся.

В 1921 году Н. Г. Хакимов переезжает в Ташкент, где работает в Институте про-

свещения для тюркских национальных меньшинств и в женском узбекском институте преподавателем общественных наук, тюркских языков и литератур, продолжая одновременно свою литературную деятельность и ведя активную антирелигиозную пропаганду среди мусульманского населения.

В 1926 году Н. Г. Хакимов поступает в Ленинградский восточный институт, по окончании которого в 1928 году, по рекомендации А. Н. Самойловича его оставляют в аспирантуре.

Завершив аспирантуру, Н. Г. Хакимов работает в Казанском педагогическом институте в должности преподавателя, а затем доцента кафедры татарского языка и литературы. Параллельно он преподает в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина и в Институте инженеров коммунального строительства.

В последние годы жизни (Н. Г. Хакимов скончался в 1938 году) Н. Г. Хакимов работал научным сотрудником-библиографом в научной библиотеке Казахского государственного университета.

За свою сравнительно короткую научную жизнь Н. Г. Хакимов опубликовал более пятидесяти работ. Первые из них были посвящены вопросам орфографии («Вопросы орфографии», 1917; «Учебники по орфографии», 1918 и др.).

Свободно владея более чем десятью восточными языками, он выступает в печати с рядом статей на национальных языках нашей страны (татарском, башкирском, узбекском, туркменском и др.).

Н. Г. Хакимов был делегатом I Всесоюзного тюркологического съезда, посвященного вопросам латинизации письменности тюркоязычных народов.

В период 1920—1928 годов Н. Г. Хакимов уделяет большое внимание разработке научных основ татарской грамматики («Основы грамматики», 1922; «Вопрос о падеже», 1923; «Главнейшие исторические моменты в разработке грамматики», 1926 и др.). Впервые в татарском языкознании им дан подробный обзор татарских грамматик, изданных в дореволюционный и послеок-

тябрьский периоды («Создание татарских грамматик и Г. Ибрагимов», 1928).

Н. Г. Хакимов проявлял живой интерес и к вопросам терминологии: им был составлен полный корпус грамматических терминов, извлеченных из научных трудов более десяти татарских языковедов.

В отдельных своих работах Н. Г. Хакимов обращался к рассмотрению проблем развития татарского литературного языка. Следует отметить, что в основных чертах он правильно определил пути и этапы его формирования.

Н. Г. Хакимов интересовался устно-поэтическим творчеством. Во время поездки в Западную Сибирь им был записан очень ценный вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, впоследствии ставший предметом специального исследования академика А. Н. Самойловича.

Определенный вклад внесен Н. Г. Хакимовым в изучение философских и религиозных учений Востока. Его перу принадлежит значительное число работ по истории философии и ислама: «Диалектический материализм» (Критика философии ислама), 1925; «Научный взгляд на уразу», 1924; «Происхождение мира», 1924; «Происхождение религии ислама», 1926 и др.

Глубоко преданный науке, высокоэрудированный специалист, неутомимый труженик Н. Г. Хакимов заслуженно пользовался всеобщим признанием и глубоким уважением у своих коллег и учеников.

Многие работы Н. Г. Хакимова, содержащие богатый фактический материал, меткие наблюдения и глубокие обобщения, не утратили своего научного значения и в наши дни.

М. А. Сагитов

ХРОНИКА

ПАМЯТИ И. А. БОДУЭНА де КУРТЕНЭ

25 октября 1979 года состоялось расширенное заседание Сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, посвященное пятидесятилетию со дня смерти выдающегося отечественного теоретика-лингвиста академика И. А. Бодуэна де Куртенэ¹. В заседании приняли участие тюркологи Москвы, Татарии, Узбекистана, Кабардино-Балкарии.

С докладом «И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. В. Радлов» выступил Э. Р. Тенишев, подробно осветивший казанский период научной деятельности и творческое сотрудничество обоих выдающихся ученых. Один из создателей младограмматического направления в лингвистике конца XIX—начала XX века, основоположник фонологии, И. А. Бодуэн де Куртенэ возглавил кружок лингвистов-теоретиков, в который входили Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич и др. Кружок впоследствии получил название «казанского». В. В. Радлов стал одним из наиболее активных участников этого кружка и в период отсутствия И. А. Бодуэна де Куртенэ в Казани в 1881—1882 годах вместе с Н. В. Крушевским руководил занятиями.

Докладчик особо отметил, что научное сотрудничество теоретика И. А. Бодуэна де Куртенэ и аналитика В. В. Радлова оказало значительное влияние на развитие лингвистики; по всей видимости, это влияние на тюркском языкознании сказалось бы еще больше, если бы труды В. В. Радлова своевременно были переведены на русский язык.

Как известно, И. А. Бодуэн де Куртенэ считал, что исследование живых языков имеет огромное значение как для общей

теории, так и для истории языков. Его воззрения соответствовали основному направлению работы В. В. Радлова в эти годы. Не случайно именно И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1876 году первым упомянул в печати о только что написанной В. В. Радловым «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen» и использовал некоторые сведения из этого труда в своем сочинении о резьянском языке. Особое внимание при этом И. А. Бодуэн де Куртенэ обратил на подачу В. В. Радловым материала в системе.

Дух и идейная направленность казанской лингвистической школы, возглавляемой И. А. Бодуэном де Куртенэ, нашли наиболее полное воплощение в работе В. В. Радлова «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen» (1882). Исследование живых альтернатив, связанных с морфо- и семасиологическими представлениями, привело ученого к осмыслению фонемы (Lautcomplex у В. В. Радлова) как функциональной единицы. Такой подход к пониманию фонемы связан с воззрениями И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в своих работах не раз обращался к этому исследованию В. В. Радлова, отмечая совпадение во взглядах.

Докладчик указал, что особый интерес И. А. Бодуэна де Куртенэ вызвал единственный труд В. В. Радлова по теории тюркской грамматики «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» (1906). Подробному критическому анализу этого труда ученый посвятил свои «Заметки на полях сочинения В. В. Радлова», помещенные в сборнике, изданном в честь этого ученого. Помимо критических замечаний, «Заметки» содержат тезисное изложение теории И. А. Бодуэна де Куртенэ. Именно здесь им была выдвинута идея о различении внеязыковых и чисто языковых представлений. Впоследствии это

¹ 18 ноября 1979 года этой дате было посвящено расширенное заседание ученого совета Института языкознания Академии наук СССР.

положение получило развитие в трудах Ф. де Соссюра.

В тезисе, гласящем: «Внеязыковые, семиологические представления распадаются на представления: 1) из области физического мира (вместе с миром биологическим); 2) из области мира общественного; 3) из области мира лично-психического»², — фактически И. А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал программу лингвистических исследований на будущее.

Э. Р. Тенишев особо подчеркнул, что тезис 2) в «Заметках» И. А. Бодуэна де Куртенэ («Всесторонняя морфологическая характеристика языкового мышления должна считаться с фактом наличности, с одной стороны, пережиточных форм, унаследованных от прошлого и уже не соответствующих данному общему строю языка, с другой же стороны, явлений, предвещающих, так сказать, будущее состояние данного племенного и национального языка и еще не подходящих под современное построение этого языка»³) перекликается с известным высказыванием Ф. Энгельса на эту же тему. Э. Р. Тенишев склонен усматривать причину такого совпадения идей в едином материалистическом подходе к анализу языка Ф. Энгельса и И. А. Бодуэна де Куртенэ.

В заключение докладчик указал, что с отъездом из Казани И. А. Бодуэна де Куртенэ в Дерпт, а В. В. Радлова — в Санкт-Петербург их научные и дружеские связи не прервались, и выразил пожелание, чтобы переписка двух выдающихся ученых была изучена.

Ф. Д. Ашнин отметил непреходящую актуальность и неисчерпаемость темы «Бодуэн и Радлов». Оба ученых отличались необычайной широтой знаний, глубочайшей любовью к науке и богатством научных идей. Они стояли у истоков образования целых научных направлений, в частности фонологии и морфологии, и по праву занимают почетное место в ряду крупнейших лингвистов мира. Несмотря на это, в разное время и в разной степени оба ученых подвергались необоснованным нападениям догматиков и консерваторов.

Казанский период в биографиях обоих ученых почти совпадает: у И. А. Бодуэна де Куртенэ — 1875—1883, у В. В. Радлова — 1872—1884 годы. Организованные И. А. Бодуэном де Куртенэ на его квартире еженедельные субботние встречи («бодуэновские субботники») казанских ученых с оглашением и свободным обсуждением рефератов были фактически настоящей творческой лабораторией и экспериментальной базой. Эти встречи продолжались (у В. В. Радлова и Н. В. Крушевского) и в период временного отсутствия (1881/1882 учебный год) И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Позже сам И. А. Бодуэн де Куртенэ с удовольствием вспоминал, что в лингвистическом кружке «господствовало общее воодушевление и горячий интерес к науке: и „руководитель“ и „руководимые“ воздействовали друг на друга и создавали настоящую научную атмосферу».

Биографы И. А. Бодуэна де Куртенэ обычно считают, что дерптский период в жизни ученого дал едва ли не самое большое число его печатных работ. Но следует отметить, что именно казанский период был наиболее богат плодотворными идеями. В Казани сто лет тому назад был заложен фундамент фонологической теории. Достаточно вспомнить ожесточенную полемику И. А. Бодуэна де Куртенэ и участников его кружка В. А. Богородицкого и В. В. Радлова с Н. В. Крушевским по вопросу о так называемых дивергентах в работе последнего «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» (1881) (одновременно вводная часть этой работы была издана на средства автора на немецком языке отдельной брошюрой под заглавием «Ueber die Lautabweckslung»). Обычно склонный к широким обобщениям, Н. В. Крушевский ввел новую терминологию, переставил принятые у И. А. Бодуэна де Куртенэ акценты и, не выходя за рамки сравнительно-исторических сопоставлений, лишил термин «фонема» его синхронного и системного содержания. И. А. Бодуэн де Куртенэ ответил Н. В. Крушевскому тремя работами, в том числе принципиально важной статьей «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков» (1881), в которой во главу угла поставил последовательно синхронный подход и, оставаясь верным морфологическому критерию в учении о фонетических чередованиях, уточнил свои представления о фонеме. Прояснению вопроса способствовал В. А. Богородицкий своим докладом на «суботнике» и публикациями о безударных гласных в русском языке, и это с признательностью отметили как И. А. Бодуэн де Куртенэ, так и Н. В. Крушевский.

Но для тюркологов и тюркологии особенно важны участие в дискуссии В. В. Радлова и его доклад «О чередовании звуков и его значении для развития языка с примерами из тюркских языков», опубликованный в виде статьи в трудах V Международного съезда востоковедов в Берлине в 1882 году. Э. Р. Тенишев, безусловно, прав: как фонетическая часть «Сравнительной грамматики северных тюркских языков», так и статья «О чередовании звуков и его значении...» имеют поисковый характер и несут несомненные следы влияния бодуэновских субботних встреч. Ныне, спустя сто лет, желательно было бы провести углубленный анализ не только фактического материала, но и терминологического инвентаря этих работ с тем, чтобы отграничить внутриязыковые чередования от межъязыковых корреспонденций, позиционные фо-

² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963, стр. 185.

³ Там же, стр. 186.

нетические чередования от непозиционных и т. д., то есть проделать работу, аналогичную осуществленной в последнее время фонологами-русистами. Только после этого можно будет судить о том, что скрывалось за радловским термином «звуковой комплекс» или «звуковой ряд». Творческое сотрудничество двух крупнейших лингвистов, счастливо начавшееся в рамках бодуэновского кружка, оказало благотворное влияние на общее и тюркское языкознание. И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. В. Радлов весьма быстро поняли и оценили друг друга. К сказанному Э. Р. Тенишевым Ф. Д. Ашнин добавил, что И. А. Бодуэн де Куртенэ счел своим долгом ввести скромного инспектора татарских, башкирских и «киргизских» школ Казанского округа в среду университетской профессуры, представив В. В. Радлова историко-филологическому факультету Казанского университета следующим образом: «О научных заслугах нечего распространяться, когда речь идет о человеке, имя которого известно во всем мире как имя одного из лучших знатоков тюркских племен вообще». Докладчик отметил, что И. А. Бодуэн де Куртенэ принял самое живое участие в кампании по избранию В. В. Радлова в Санкт-Петербургскую Академию наук, характеризуя его как ученого с лучшим будущим. В письме к академику А. Н. Веселовскому от 17 (29) апреля 1884 года он, например, писал: «Несмотря на свои официальные занятия, Радлов выказывает в последнее время усиленную научную производительность [далее перечисляются „Образцы“, работа о куманах „Этнографический обзор тюркских племен“, „Сравнительная фонетика“ и при этом добавляется, что „продолжение „Сравнит. грамм.“, т. е. морфология выйдет в скором времени. — Ф. А.]. Живя долгое время в Казани, я имел возможность близко познакомиться с ходом занятий Радлова и всегда удивлялся его энергии и способности одолевать самые

большие научные трудности... Он больше всех оживлял наш небольшой лингвистический кружок, составившийся в Казани во время моего там пребывания. На днях я узнал, что Н. И. Ильминский, отказавшийся от звания ординарного академика, намерен рекомендовать на занятие кафедры академика по тюркским языкам как единственного кандидата В. В. Радлова, так как он [Ильминский] того мнения, что никто в России не может явиться его [Радлова] соперником (прибавляю: кроме самого Ильминского). И действительно, по обстоятельствам своей службы в Сибири и по научной подготовке, Радлов достиг таких результатов, какие не возможны для обыкновенных, кабинетных ученых...».

Ф. Д. Ашнин к сказанному добавил, что радловская «Фонетика» была еще в Казани переведена на русский язык и что этот перевод был просмотрен Н. И. Ильминским и востребован В. В. Радловым в Петербург в конце 1884 года.

Н. А. Баскаков в своем выступлении остановился на вопросе о том, насколько важно для истории науки тщательно проследить интерференцию научных взглядов в русской лингвистике.

Л. С. Левитская отметила, что критические «Заметки» И. А. Бодуэна де Куртенэ появились в юбилейном радловском сборнике, и подчеркнула тот чистый нравственный климат, который царил в казанском кружке, как нельзя лучше характеризующая личность каждого из состоявших в нем выдающихся ученых. По ее мнению, необходимо особо обратить внимание будущих диссертантов на изучение роли и места В. В. Радлова в эволюции отечественной тюркологии.

Выступая в заключение, Э. Р. Тенишев подчеркнул, что В. В. Радлов воспринял учение И. А. Бодуэна де Куртенэ в наиболее чистом виде.

Г. Ф. Благова

«КОНСТРУКЦИИ С ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА УЗБЕКСКОГО СИНТАКСИСА»

30 октября 1979 года на заседании специализированного Ученого совета при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита диссертации на тему «Конструкции с чужой речью как самостоятельная проблема узбекского синтаксиса», представленной доцентом кафедры

узбекского языкознания Бухарского госпединститута Абдуллаевым Ахмедом Бузруковичем на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Диссертация А. Б. Абдуллаева посвящена системно-структурному исследованию конструкции с чужой речью как самостоя-

тельной проблеме узбекского синтаксиса. Конструкция с чужой речью в данном аспекте до настоящего времени не была предметом специального исследования не только в узбекском языкознании, но и в тюркологии вообще. В своем исследовании А. Б. Абдуллаев исходит из четких методологических принципов: особенности конструкций с чужой речью, их типы и взаимоотношения компонентов объясняются на основе диалектико-логических категорий сущности и явления, системы и элемента, целого и части.

Впервые в тюркологической литературе предлагается выделить конструкции с чужой речью как особую самостоятельную категорию. Используя приемы системно-структурного анализа, А. Б. Абдуллаев доказывает, что конструкция с чужой речью представляет собой сложную подсистему синтаксиса, имеющую свои внутренние признаки, выделяющие ее в специфическую категорию. В работе на большом фактическом материале узбекского языка убедительно обоснована теоретическая целесообразность такого выделения.

Автор предлагает новую классификационную систему конструкций с чужой речью

(с ассимилированной, билатеральной, тематической, уподобительно-сравнительной, неассимилированной речью). Чужая речь рассматривается им как специально обработанная форма речи, противопоставляемая авторской, ибо момент ее создания не совпадает с моментом данного сообщения. Такое определение чужой речи позволяет более подробно проанализировать ее типы. Разработанная автором классификационная система типологии компонентов на основе общесемантических и формальных признаков, а также типология конструкций с чужой речью на основе синтаксических отношений могут быть использованы и на материале других тюркских языков.

Официальные оппоненты: д-р филол. наук Н. З. Гаджиева, проф. В. И. Кодухов, член-корреспондент АПН СССР, проф. М. А. Аскарлова, проф. Э. Р. Тенишев, а также выступившие на заседании совета член-корреспондент АН СССР, проф. Б. А. Серебренников, д-р филол. наук, проф. А. М. Щербак отметили, что диссертация А. Б. Абдуллаева имеет как теоретическое, так и практическое значение и представляет интерес не только для узбекского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Ученый совет принял решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. Б. Абдуллаеву ученой степени доктора филологических наук.

Х. Г. Нигматов, Э. Р. Киличев

НЕКРОЛОГ

ШЕВКЕТ САПСЫКОВИЧ АЙЛЯРОВ

Отечественная тюркология понесла тяжелую утрату: 10 октября 1979 года скончался Шевкет Сапсыкоевич Айляров, доктор филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете.

Воспитанник Закавказского Коммунистического Университета, Ш. С. Айляров в 1931 году окончил Московский институт востоковедения. Его учителями были академик В. А. Гордлевский и блестящий знаток турецкого языка, замечательный лектор и педагог, профессор С. Г. Церуньян (Дзеруньян). По окончании института Ш. С. Айляров в течение пяти лет (1931—1936) работал главным переводчиком и заведующим планово-экономическим отделом Торгпредства СССР в Турции.

Постоянные активные контакты с носителями турецкого языка, а также работа с печатными и другими материалами на этом языке весьма содействовали совершенствованию Ш. С. Айлярова в знании турецкого языка и овладению им живой разговорной речью.

Однако работа в Торгпредстве не вполне отвечала склонностям Ш. С. Айлярова, тяготевшего к педагогической деятельности, которой он и занялся, возвратившись на родину в 1936 году.

С 1941 по 1944 год Ш. С. Айляров работал во Всесоюзном Радиокомитете при Совете Народных Комиссаров СССР в качестве переводчика, ответственного редактора турецкой редакции и начальника отдела стран Ближнего Востока. Голос Ш. С. Айлярова — диктора московского радио — был хорошо знаком турецким радиослушателям.

В 1943 году Ш. С. Айляров вновь возвращается к педагогической деятельности — преподает турецкий язык в Институте востоковедения, а с 1950 года — на восточном отделении филологического факультета Московского государственного университета, реорганизованном в 1956 году вместе с восточным отделением исторического факультета в Институт восточных языков (при университете), который впоследствии в свою очередь был преобразо-

ван в Институт стран Азии и Африки (тоже при университете). Здесь в 1962 году Ш. С. Айлярову было присвоено ученое звание доцента кафедры тюркской филологии.

Большую педагогическую работу Ш. С. Айляров сочетал с переводческой: он переводил на турецкий язык или редактировал на турецком различные общественно-политические издания, что побудило его вплотную заняться разработкой общественно-политической терминологии турецкого языка.

Многогранная тюркологическая и педагогическая деятельность убедила Ш. С. Айлярова в необходимости обучения студентов с первых дней пребывания их в вузе не только грамматическим правилам, но прежде всего живой турецкой разговорной речи. И Ш. С. Айляров в связи с этим впервые (1938) ставит вопрос о важности создания практического учебника турецкого языка по типу существовавших тогда учебников западноевропейских языков.

Чтобы оценить новаторство этой идеи, необходимо помнить, что еще в первой половине XX века многие специалисты считали восточные языки как бы образующими свой особый мир, и поэтому их, полагали они, надлежало изучать методами совершенно иными, нежели западноевропейские, в которых особое внимание уделялось развитию навыков устной речи.

Практическое обучение турецкому языку, как правило, сводилось к чтению достаточно трудных литературных текстов, тогда как разговорная турецкая речь значительно отличалась от письменного литературного языка, и таким образом работа над текстами ни в какой мере не способствовала овладению живой речью. К тому же не была еще разработана никакая-либо система последовательных и градуированных упражнений по развитию разговорных навыков на изучаемом языке.

Идею о практической направленности обучения турецкому языку горячо поддержал руководитель кафедры турецкого языка В. А. Гордлевский, выступивший со специальной статьей¹.

Свое намерение создать учебник турецкого разговорного языка Ш. С. Айляров воплотил в жизнь, и в 1940 году этот учебник вышел в свет. Однако Ш. С. Айляров не прекращал работы над созданием практического курса турецкого языка, и в 1954 году был издан новый учебник², получивший широкое признание туркологов и ставший основным учебным пособием по турецкому языку во всех востоковедных учебных заведениях. В процессе работы над этой книгой формировались теоретические взгляды Ш. С. Айлярова в области прагматики турецкого языка. Интересны его суждения о явлении палатализации, ее объеме и своеобразии в турецком языке, а также о сингармонизме и др. Разработка этих проблем получила освещение в отдельных статьях³, а затем и в кандидатской диссертации Ш. С. Айлярова⁴.

По мнению Ш. С. Айлярова, система аффиксов не только не усиливает, а, наоборот,

ослабляет возможность того, чтобы явление ассимиляции согласных по признаку глухость/звонкость стало фонетическим законом. Сингармонизм им определяется как фонетический закон тотального охвата всей системы вокализма и консонантизма, в котором синтезируются и закон гармонии гласных, и закон палатализации/непалатализации согласных под влиянием гласных различных рядов.

Ш. С. Айляровым высказан также ряд теоретических суждений относительно прямого дополнения в турецком языке, согласно которым существительное принимает форму винительного падежа только в том случае, если оно обозначает единственный, или уникальный предмет⁵. Ш. С. Айляров раскрыл особенности семантики формы родительного падежа, выделив девять его значений. В глагольной форме на *-miş* Ш. С. Айляров указал наряду с модальными еще и временные значения настоящего и прошедшего времени, отметив у последнего три таких значения (в зависимости от источника информации)⁶.

За капитальное исследование одного из самых сложных явлений турецкого синтаксиса — развернутых членов предложения — ученый совет Института стран Азии и Африки присудил Ш. С. Айлярову ученую степень доктора филологических наук⁷.

Ш. С. Айляровым опубликован целый ряд научных статей и рецензий. Он — редактор избранных трудов своего учителя, академика В. А. Гордлевского и перевода на русский язык сборника докладов и выступлений Кемаля Ататюрка и др.

Наряду с большой научной-педагогической работой Ш. С. Айляров регулярно выступал на турецком языке по Всесоюзному радио с беседами на различные культурные, общественно-политические и другие темы.

Ш. С. Айляров активно вел общественную работу: в течение многих лет он был членом партбюро Института стран Азии и Африки, исполнял обязанности заместителя его секретаря, избирался членом парткома Московского государственного университета.

Лучшей данью памяти покойного ученого и педагога Ш. С. Айлярова явится издание подготовленного им нового учебника турецкого языка, над которым он работал до последних дней своей жизни.

В. Д. Аракин

¹ В. А. Гордлевский. Чему учить и как учить? (См.: Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. IV, 1968, стр. 479—488).

² Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка. М., 1954. (Под редакцией В. А. Гордлевского).

³ Ш. С. Айляров. О некоторых вопросах фонетики современного турецкого языка. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии». М., 1966, стр. 3—75.

⁴ Ш. С. Айляров. Вопросы сингармонизма в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1974, стр. 3—73.

⁵ Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка, стр. 93—95.

⁶ Там же, стр. 139 и след.

⁷ Ш. С. Айляров. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1979 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	стр.
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Основные вехи развития советского уйгуроведения	4	3—9
<i>Серебрянников Б. А.</i> (Москва), <i>Исанбаев Н. И.</i> (Йошкар-Ола). Восточные финно-угорские языки и их значение для истории тюркских языков Поволжья	5	3—7
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). О подготовке диалектологического атласа тюркских языков СССР	2	3—8

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Ганиев Ф. А.</i> (Казань). Аналитическая морфология тюркских языков: проблемы и задачи	1	3—8
<i>Зайнуллин М. В.</i> (Уфа). Модальные слова и словосочетания как лексико-грамматическое средство выражения модальности в современном башкирском языке	2	9—19
<i>Серебрянников Б. А.</i> (Москва). О некоторых трудных проблемах исторической грамматики тюркских языков	3	3—11
<i>Сибатагов Р. Г.</i> (Уфа). Модальный конституент предложения	1	9—19

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Арсланов Л. Ш.</i> (Елабуга). О калмыцких заимствованиях в языке алабугатских татар Каспийского района Калмыцкой АССР	6	9—13
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Тюркизмы в названиях московских улиц	2	20—29
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Тюркизмы в русской лексике	6	3—8
<i>Будагова З. И., Гукасян В. Л.</i> (Баку). Об азербайджанско-армянских языковых контактах	4	10—21
<i>Джидалаев Н. С.</i> (Махачкала). Об одном ряде болгарских слов в лакском языке (<i>virī, vir, virin, vivra/viura, virxu</i>)	2	30—36
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках	5	8—19
<i>Ишбердин Э. Ф.</i> (Уфа). Монгольские заимствования в башкирском языке	1	20—29
<i>Тимонина Л. Г.</i> (Таганрог). Коттско-тюркские словарные сопоставления Карла Боуда	5	20—25
<i>Чумбалова Г. М.</i> (Алма-Ата). О тюркских лексических элементах в современном болгарском языке	3	12—19

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

<i>Бердибаев Р.</i> (Алма-Ата). Роль сказителя в системе эпической традиции тюрко-монгольских народов	3	20—24
<i>Веклов А. П.</i> (Ленинград). Основные принципы азербайджанского народного стихосложения	1	30—41
<i>Урманчиев Ф.</i> (Елабуга). Татарско-башкирское сказание о Туляке	6	14—22

№ стр.

ОНОМАСТИКА

Гусейнзаде А. (Баку). Об одном древнем этнопониме Азербайджана (Biläsuvar)	5	30—35
Данилова Л. В. (Ташкент). Этимология некоторых чувашских комонимов Башкирской АССР	1	42—49
Дубиньски А. (Варшава). Каранские женские имена в Крыму и их семантико-этимологический анализ	4	29—37
Кареев С. К. (Ташкент). О показателях множественности в топонимах Узбекистана	5	26—29
Махпиров В. У. (Алма-Ата). Антропонимы в «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг»	4	22—28
Саттаров Г. Ф. (Казань). Названия населенных пунктов Татарии, производные от древних тюрко-татарских личных имен	2	37—47

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ализаде З. А. (Баку). Отношение пословиц и поговорок к фразеологии	2	48—59
Ахматов И. Х. (Нальчик). Об определении безличности предложения в карачаево-балкарском языке	4	47—53
Ганиев Ф. А. (Казань). Об орфографии сложных слов в тюркских языках	5	36—40
Левитская Л. (Москва). Новое в татарской диалектологии	2	60—62
Маматов Н. (Ташкент). Об отличии собственносложных слов от синтаксических сочетаний	4	38—46
Петров Н. Е. (Якутск). О стихотворной форме олонхо и ее связи с поэзией орхонских тюрков	5	41—49
Решетова Л. В. (Ташкент). О принципах построения русско-узбекского словаря	1	50—56
Федотов М. Р. (Чебоксары). Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам казар, дунайских и волжских булгар, а также финно-угров	3	25—37

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Ахметгалева Я. С. (Казань). Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина	6	23—30
Усманов М. (Казань), Галимова Г. (Москва). Хусайн Фаизханов как тюрколог	3	38—47

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Абдуллаев Н. (Ташкент). Об узбекских говорах Афганистана	6	62—70
Бегжанов Т. (Нукус). О терминах шелководства в каракалпакском языке	5	85—89
Голубева Н. П. (Москва). Объектные отношения, прямое дополнение и формы его выражения в турецком языке	1	75—85
Голубева Н. П. (Москва). Предикативное грамматическое членение: оппозиции по составности	6	31—42
Демьяненко З. П. (Томск). Долганские куйка, кыйка, кын'ыка и их связи с данными алтайских и енисейских языков	6	43—49
Ибрагимов С. И. (Ош). О некоторых структурно-вероятностных параметрах киргизского научно-технического текста	5	72—79
Исламов М. И. (Баку). Об изучении азербайджанских диалектов и говоров методом лингвистической географии	3	64—70
Исмагулова Б. Х. (Москва). Типологические соответствия и различия в сфере лексической семантики в русском и казахском языках	6	50—56
Климов Г. А., Эдельман Д. И. (Москва). К этимологии Albasty//Almasty	3	57—63
Котлеев В. И. (Чебоксары). Дифференциальные признаки и акустические характеристики чувашских гласных	5	64—71
Кызласов И. Л. (Москва). Тугутюпская стела с древнехакасской эпиграфией	5	90—96

	№	стр.
<i>Магеррамова Р. Дж., Рзаева З. И.</i> (Баку). Взаимоотношения диалектов и говоров азербайджанского языка с письменным литературным языком XVIII века	5	80—84
<i>Мамажанов А.</i> (с. Ушангузар Ферганской области Узбекской ССР). О периодах в современном узбекском литературном языке	5	50—54
<i>Матгазиев А.</i> (Фергана). Историко-этимологические примечания Муниса в «Фирдаус-ал-икбâl»	1	86—89
<i>Меметов А.</i> (Ташкент). Антонимы в крымско-татарском языке	1	62—68
<i>Миржанова С. Ф.</i> (Уфа). О языке башкир племени «кыпчак»	4	62—68
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Из истории алтаистики	4	94—100
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара), <i>Цалкаламанидзе А. А.</i> (Тбилиси). Семантико-синтаксические группы глаголов и значение залоговых аффиксов в узбекском языке	3	48—56
<i>Потапов Л. П.</i> (Ленинград). «Иер суб» в орхонских надписях	6	71—77
<i>Рамазанов К. Т.</i> (Баку). Темпоральные парные слова в юго-западной группе тюркских языков	1	69—74
<i>Сарсикеева Г.</i> (Алма-Ата). Функции пауз в тюркских языках	1	57—61
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). О фразеологических словарях турецкого языка	2	75—79
<i>Усенбаева Р. Г.</i> (Фрунзе). Бессоюзные сложные предложения с общим значением обусловленности в русском и киргизском языках	4	54—61
<i>Фахрутдинов Р. Г.</i> (Казань). Об имени и титуле правителя Волжской Булгарии	2	63—71
<i>Хаджиласев Х.-М. И.</i> (Карачаевск). О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка	2	72—74
<i>Халикова Р. Х.</i> (Уфа). О языке исторических письменных памятников башкир XVIII—XIX веков	4	84—89
<i>Хамидов Х.</i> (Нукус). Об изучении письменных памятников каракалпакского языка дореволюционного периода	5	97—100
<i>Хамитова А. Г.</i> (Ташкент). Об аффиксах, выражающих неполноту признака в именах прилагательных тюркских языков	4	69—74
<i>Чернов М. Ф.</i> (Чебоксары). Типы свободных и несвободных сочетаний слов (с глаголом <i>tux</i>) в современном чувашском языке	5	55—63
<i>Шерашидзэ И. Н.</i> (Тбилиси). К вопросу о деепричастии на <i>-цуп, -јип, -matup/-matu, -тајуп</i> в языке древнетюркских рунических памятников	4	90—93
<i>Шека Ю. В.</i> (Москва). Некоторые структурно-семантические особенности предикативных конструкций с глагольными повторами в турецкой разговорной речи	4	75—83
<i>Юхансон Л.</i> (Стокгольм). Нейтральная стадия в развитии аффиксального вокализма в турецком и азербайджанском языках	6	57—62

РЕЦЕНЗИИ

<i>Абдуллаев Ф., Маматов Н.</i> (Ташкент). М. К. Шарипов. Ҳозирги ўзбек тилида сўз бирикмалари синтаксиси масаласи	1	95—97
<i>Ахметов З. А.</i> (Алма-Ата). Л. М. Әуезова. М. О. Әуезов творчествосында Қазақстан тарихының проблемалары	3	75—77
<i>Ахметьянов Р. Г.</i> (Казань). Ф. С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских болгар	5	107—109
<i>Джанашиа Н. Н.</i> (Тбилиси). «Краткий турецко-русский словарь „новых“ слов»	1	100
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). «Археография и лингвистическая текстология Южного Урала»	2	87—89
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Е. Б. Бекмухаметов. Арабско-персидские слова в казахском языке. Толковый словарь заимствований	1	97—99
<i>Доспанов У. Д.</i> (Нукус). Ф. Ф. Алиев. Очерки по лексике языка турок Казахстана	4	105
<i>Зейналов Ф. Р.</i> (Баку). А. С. Сафаев. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке	3	77—78
<i>Исламов М. И., Магеррамова Р. Д.</i> (Баку). А. Шерматов. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области	2	85—87
<i>Кондратьев В. Г.</i> (Ленинград). М. А. Ахметов. Глагол в языке орхоно-снисейских памятников	6	85—86
<i>Кошкар А. Б.</i> (Алма-Ата). А. Қ. Құрышжанов, А. Қ. Жұбанов, А. Б. Белботаев. Куманша-қазақша жиілік сөздік	4	103—104

	№	стр.
<i>Кулиев Г. К.</i> (Баку). И. М. Отаров. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка	4	106—107
<i>Кулмаматов Д. С.</i> (Москва). А. П. Григорьев. Монгольская дипломатика XIII—XV вв.	6	86—89
<i>Мирзаев М. М., Абдуллаев А. Б., Игамбердиев Б. Ш., Киличев Э., Нигматов Х. Г., Шукруллаев Н.</i> (Бухара). С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть 2	2	82—85
<i>Мусаев К.</i> (Москва). Аскар Турсунов. Кыргыз тилиндеги этиштик сөз айкаштары	6	78—80
<i>Мусаев К.</i> (Москва). Р. Барлыбаев. Қазіргі қазақ тіліндегі қоғамдық-саяси лексика	5	105—106
<i>Наджиб Э. Н.</i> (Москва). І. Кенесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі	2	80—82
<i>Насыров Д. С., Доспанов У. Д., Бекбергенов А. Б.</i> (Нукус). Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар	5	101—105
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). Т. Қорасев, Р. Воҳидов. Адабий тахаллуслар ҳақида	5	109
<i>Отаров И. М.</i> (Нальчик). Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели	3	74—75
<i>Петросян И. Е.</i> (Ленинград). «Turcica. Revue d'études turques»	3	78—81
<i>Покровская Л. А.</i> (Ленинград). Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи	6	89—91
<i>Поцелуевский Е. А.</i> (Москва). Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении	1	90—94
<i>Санжеев Г. Д.</i> (Москва). Б. Базылхан. Қазақша-монғолша сөздік	4	101—103
<i>Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). «Материалы по татарской диалектологии»	6	82—83
<i>Татубаев С. С.</i> (Алма-Ата). Ә Нұрмағамбетов. Қазақ тілі говорларының батыс тобы	6	83—85
<i>Хисамова Ф. М.</i> (Казань). Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков	6	80—82
<i>Щербак А. М.</i> (Ленинград). «Изысканный дар тюркскому языку»	3	71—73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бадаев Н. Б., Изидинова С. А.</i> (Москва). «Сравнительно-историческая морфология тюркских языков»	1	101—103
<i>Доспанов У. Д., Чумакаева М. Ч.</i> (Нукус). VIII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков СССР	6	92—94
<i>Иманбаев А., Абдурахманов М., Исхаков Г.</i> (Алма-Ата). «Актуальные проблемы советского уйгуроведения»	3	90—95
<i>И. Я. С.</i> (Новосибирск). «Исследования звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов»	3	84—89
<i>Селютина И. Я.</i> (Новосибирск). «Языки и топонимия Алтая»	3	82—84
<i>Скрибник Е. К.</i> (Новосибирск). «Сложное предложение в языках разных систем»	2	90—91

PERSONALIA

<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Эмир Наджипович Наджип	2	92—95
<i>Мамедов Н. Дж.</i> (Баку). Мамед Джафар Зейналабдин оглы Джафаров	3	96—98
<i>Мирахмедов А.</i> (Баку). Гамид Мамедтаги оглы Араслы	1	106—108
<i>Сабиров К. С.</i> (Казань). Ризаутдин Салахутдинович Газизов	4	108—109
<i>Сагитов М. А.</i> (Казань). Нигматулла Гиниятуллович Хакимов	6	97—98
<i>Талыбзаде К. А.</i> (Баку). Халык Гусейнович Короглы	1	104—105
<i>Тачмурадов Т., Соегов М.</i> (Ашхабад). Мухаммед Гельдыев	6	95—96

ХРОНИКА

<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). О работе Советского Комитета тюркологов (1974—1978)	3	99—101
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Памяти И. А. Бодуэна де Куртене	6	99—101
<i>Г. Ф. Б.</i> (Москва). Пятое пленарное заседание Советского Комитета тюркологов	2	96—107
«Исследование по лексике огузского наречия узбекского языка»	3	102—103

	№	стр.
«Категория деепричастия и его функции в туркменском языке в историческом аспекте»	5	110
«Конструкции с чужой речью как самостоятельная проблема узбекского синтаксиса»	6	101—102
«Топонимия северных районов Азербайджана»	3	102

НЕКРОЛОГИ

<u>Агазаде Назакет Гасан кызы</u>	3	106—107
<u>Айляров Шевкет Сапсыкоевич</u>	6	103—104
<u>Демирчизаде Абдулазаль Мамед оглы</u>	3	104—105
<u>Решетов Виктор Васильевич</u>	2	108—109

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. А. Баскаков* (Москва). Тюркизмы в русской лексике 3
Л. Ш. Арсланов (Елабуга). О калмыцких заимствованиях в языке алабугатских татар Каспийского района Калмыцкой АССР 9

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчеев* (Елабуга). Татарско-башкирское сказание о Туляке 14

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Я. С. Ахметгалеева* (Казань). Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина 23

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Н. П. Голубева (Москва). Предикативное грамматическое членение: оппозиции по составности 31
З. П. Демьяненко (Томск). Долганские «куйка», «кыйка», «кын'ыка» и их связи с данными алтайских и енисейских языков 43
Б. Х. Исмагулова (Чимкент). Типологические соответствия и различия в сфере лексической семантики в русском и казахском языках 50
Л. Юхансон (Стокгольм). Нейтральная стадия в развитии аффиксального вокализма в турецком и азербайджанском языках 57
Н. Абдуллаев (Ташкент). Об узбекских говорах Афганистана 62
Л. П. Потапов (Ленинград). «Иер суб» в орхонских надписях 71

РЕЦЕНЗИИ

- К. Мусаев* (Москва). Аскар Турсунов. Кыргыз тилиндеги этиштик сөз айкаштары 78
Ф. М. Хисамова (Казань). Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков 80
Ф. С. Сафиуллина (Казань). «Материалы по татарской диалектологии» 82
С. С. Татубаев (Алма-Ата). Ә. Нұрмағамбетов. Қазақ тілі говорларының батыс тобы 83
В. Г. Кондратьев (Ленинград). М. А. Ахметов. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников 85
Д. С. Кулмаматов (Москва). А. П. Григорьев. Монгольская дипломатика XIII—XV вв. 86
Л. А. Покровская (Ленинград). Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи 89

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- У. Д. Доспанов, М. Ч. Чумакаева* (Нухус). VIII Региональная конференция по диалектологии тюркских языков СССР 92

PERSONALIA

- Т. Тачмурадов, М. Соегов* (Ашхабад). Мухаммед Гельдыев 95
М. А. Сагитов (Казань). Нигматулла Гиниятуллович Хакимов 97

ХРОНИКА

- Г. Ф. Благова* (Москва). Памяти И. А. Бодуэна де Куртенэ 99
 «Конструкции с чужой речью как самостоятельная проблема узбекского синтаксиса» 101

НЕКРОЛОГ

- Шевкет Сапсыкоевич Айляров 103
 Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1979 году (№№ 1—6) 105

CONTENTS

LANGUAGES IN CONTACT

- N. A. Baskakov* (Moscow). Turkisms in Russian 3
L. Sh. Arslanov (Elabuga). On Kalmyk borrowings in language of alabugat Tatars of Caspian region of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic 9

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- F. Urmancheev* (Elabuga). The Tatar-Bashkir legend about Toulyak 14

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- Ya. S. Akhmetgaleeva* (Kazan). The grammar of the Tatar language by Ibragim Halfin 23

REPORTS, SURVEYS

- N. P. Golubeva (Moscow). Predicative and grammatical division: oppositions by components 31
Z. P. Demyanenko (Tomsk). The Dolgan «kuika», «kyika», «кун'ука» and their connections with data of the Altai and Yenisei languages 43
B. Kh. Ismagulova (Chimkent). Typological correspondences and distinctions in the sphere of lexical semantics in the Russian and Kazakh languages 50
L. Johanson (Stockholm). The neutral stage in development of affixal vocalism in the Turkish and Azerbaijan languages 57
N. Abdullayev (Tashkent). On Uzbek subdialects of Afghanistan 62
L. P. Potapov (Leningrad). «Jer sub» in the Orkhon inscriptions 71

REVIEWS

- K. Musayev* (Moscow). Аскар Турсунов. Кыргыз тилиндеги этиштик сөз айкаштары 78
F. M. Khisamova (Kazan). Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков 80
F. S. Safiullina (Kazan). «Материалы по татарской диалектологии» 82
S. S. Tatubayev (Alma-Ata). Э. Нұрмагамбетов. Қазақ тілі говорларының батыс тобы 83
V. G. Kondratyev (Leningrad). М. А. Ахметов. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников 85

<i>D. S. Kulmatatov</i> (Moscow). <i>А. П. Григорьев. Монгольская дипломатика XIII—XV вв.</i>	86
<i>L. A. Pokrovskaya</i> (Leningrad). <i>Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи</i>	89

SCIENTIFIC LIFE

<i>U. D. Dospanov, M. Ch. Chumakayeva</i> (Nukus). <i>The VIII-th Regional conference on dialectology of the Turkic languages of the USSR</i>	92
---	----

PERSONALIA

<i>T. Tachmuradov, M. Soegov</i> (Ashkhabad). <i>Mukhammed Geldyev</i>	95
<i>M. A. Sagitov</i> (Kazan). <i>Nigmatulla Giniyatullovič Hakimov</i>	97

CHRONICLE

<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). <i>Commemorating J. A. Baudouin de Courtenay</i>	99
«Constructions with foreign speech as an independent problem of Uzbek syntax»	101

OBITUARY

<u>Shevket Sapsykoevič Ailyarov</u>	103
References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1979 (№№ 1—6)	105

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 21/XII-1979 г. Подписано к печати 9/IV-1980 г. ФГ 10627. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4. Заказ 7833. Тираж 2940. Цена 1 руб.

1 руб.

Индекс
70927